КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Сентябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го августа 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

Илія Ѳедоровичъ Новицкій.

Охочекомонный полковникъ XVII ст.

Приложеніе къ »КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ« 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

НАЙМИЧКА.

(Окончаніе) [1].

На хуторѣ дни проходили безъ особыхъ приключеній. Марко выросталъ не по днямъ, а по часамъ; у него прорѣзалися зубки безъ особыхъ припадковъ, какъ это бываетъ съ другими дѣтьми: онъ сталъ уже ходить по хатѣ безъ помощи ослона или лавы, и цѣлые часы глядя на его походку, любуяся, старый Якимъ давалъ ему разныя названія, какъ-то: гайдамака, чумакъ, запорожецъ и однажды нечаянно назвалъ его уланомъ, отъ чего Лукія вздрогнула, поблѣднѣла и вышла изъ хаты, а Марта, не замѣчая смущенія Лукіи, вскрикнула на Якима: «перекрестись, божевильный! какой онъ у тебя уланъ?» и взявши Марка на руки, цѣловала его, крестя и приговаривая: «укрой и сохрани тебя, Матерь-Божія, отъ всякой злой напасти!» и лаская укладывала его въ люльку.

Лукія возвратилась въ хату, Марко уснулъ и тишина водворилась въ хатѣ.

Недѣлю спустя послѣ описанной нами сцены, послѣ обѣда Якимъ по обыкновенію отдыхалъ, Марта тоже на печи дремала, а Марко, вооружась арапникомъ, нарочно для него сплетеннымъ Лукіею и размахивая имъ, бѣгалъ отъ стола до порога и отъ порога до стола Лукія молча любовалася своимъ сыномъ. Она

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., августовск. кн., стр. 577—612.

съ чувствомъ тихаго восторга смотрѣла на него и не знала предѣла своему счастію. Вдругъ ей послышалось, что наружная дверь заскрипѣла, она вздрогнула; черезъ минуту отворилася дверь и въ хату вошелъ въ охотничьемъ нарядѣ корнетъ. Лукія вскрикнула, схватила Марка и выбѣжала изъ хаты; онъ выбѣжалъ за нею, но не могъ ее догнать. Лукія спряталась въ клунѣ, куда онъ побоялся войти, потому что тамъ были молотники.

Походивши немного по двору, онъ вышелъ за ворота, и, сѣвши на коня, поскакалъ въ поле.

Дремавшая Марта соскочила съ печи и, не видя въ хатѣ ни Марка, ни Лукіи, переполошилась. За нею проснулся и Якимъ, и оба, не понимая, что случилося, смотрѣли другъ на друга.

— Гдѣ Марко? спросила Марта.

— Не знаю! отвѣтилъ Якимъ.

— Кто тутъ кричалъ въ хатѣ?

— Не знаю! отвѣчалъ Якимъ.

— Ты никогда ничего не знаешь! почти крикнула Марта и вышла изъ хаты.

— А ты такъ хорошо знаешь, когда ѣдятъ да тебѣ не даютъ!— сказалъ Якимъ, медленно подымаясь съ постели.

Марта вошла въ другую хату, и тамъ нѣту ни Марка, ни Лукіи; она вышла на дворъ и встрѣтила изъ клуни идущую перепуганную Лукію. А Марко бѣдняжка посинѣлъ отъ холоду и прегромко плакалъ.

— Ты Бога не боишься, Лукіе! кричала Марта. Ну, какъ таки можно бѣдное дитя выносить на такой холодъ; видишь, какъ оно сердечное посинѣло. Дай его мнѣ; и что это тебѣ въ голову пришло, скажи ради Матери Божіей?

— Я испугалася..., едва проговорила Лукія.

— Какого ты тамъ рожна испугалася?

— У насъ былъ въ хатѣ.....

— Кто тамъ у насъ былъ въ хатѣ?

— Уланъ, кажется, шопотомъ проговорила Лукія.

Они вошли въ хату.

— Что тамъ такое случилося съ вами? спросилъ Якимъ.

— Лукія говоритъ, что у насъ уланъ былъ въ хатѣ!

Якимъ засмѣялся и спросилъ:

— А волка не было съ уланомъ?

Лукія на его остроту не отвѣчала. Марка кое-какъ успокоили, и старый Якимъ снова, усмѣхаясь, заговорилъ:

— Ну, скажи, Лукіе, какой то къ намъ уланъ приходилъ: рудый, сѣрый, чи волохатый? А бодай же тебе, Лукіе! Отъ насмѣшила, такъ такъ!

И Якимъ простосердечно захохоталъ.

Лукія молча улыбалась, а Марта, качая люльку, шопотомъ говорила:

— Цыть! дитину разбудишь своимъ проклятымъ смѣхомъ, оно бѣдное только что глазки закрыло.

— Да какъ-же тутъ не смѣяться? Вовкулака или тотъ, какъ его, уланъ рудый въ хату заходилъ?

— Та пускай себѣ и заходилъ, только ты замолчи, сказала Марта, не переставая качать люльку.

Не проходило дня, чтобы старики не подтрунили надъ бѣдною Лукіею, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не посѣтилъ ихъ корнетъ въ другой разъ, а это случилося ровно черезъ недѣлю.

Стари и Лукія потѣшалися Маркомъ, какъ онъ таскалъ за собою повозочку, Лукіею же сдѣланною изъ рѣдьки, и погонялъ самъ себя нитянымъ арапникомъ; и только что онъ прошелъ отъ стола до дверей, какъ дверь отворилась и въ хату вошелъ корнетъ и чуть не свалилъ съ ногъ чумака Марка. Лукія бросилась къ ребенку, схватила его и бросилась изъ хаты. Марта выбѣжала за нею, а корнетъ, снявши шапку, поздоровался съ Якимомъ.

— Доброго здоровья! отвѣчалъ Якимъ, вставая.

— Что это онѣ у тебя такія дикія?

— Да что, добродію! Сказано бабы, а бабы и козы все равно скачутъ, когда завидятъ человѣка. Дуры хуторяне, никакого звычая не знаютъ.

— А я сегодня поохотился немного да и тебя старика навѣстилъ, сказалъ онъ, садясь на лаву.

— Покорно благодаримо; просимо, садитесь. Не угодно ли будетъ пополудновать; у насъ по простому, вы, я думаю, на своей охотѣ проголодались?

— Да, весьма не мѣшало-бы, я таки порядочно голоденъ, съ утра ничего не ѣлъ.

— Отто-тожъ: посидите же часть времени, а я пойду отыскивать своихъ дикихъ хуторянокъ.

И Якимъ вышелъ изъ хаты.

Корнетъ, оставшись на единѣ, прошелся раза два по хатѣ и остановился около люльки.

— Ба! превосходная мысль! прошепталъ онъ и вынулъ изъ кошелька червонецъ, положилъ подъ подушку въ люльку и только что усѣлся на прежнемъ мѣстѣ, какъ вошла Марта въ хату, молча поклонилася гостю, достала чистую скатерть, накрыла столъ и начала молча приготовлять полдникъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Якимъ въ хату, говоря: хоть колъ на головѣ теши, не хочетъ войти въ хату, да и только!

— Кто это не йдетъ въ хату? спросилъ охотникъ.

— Да наша наймичка, такая глупая, какъ будто людей отродяся не видала.

— А не йдетъ, такъ и пускай себѣ не йдетъ! сказала Марта: мы и безъ нея управимся.

Приготовивши все для полдника, она вышла изъ хаты.

— Прошу вашей милости, садитеся за столъ, та полуднуйте, что Богъ далъ, сказалъ Якимъ, садясь на ослонѣ.

— Ахъ, да я и забылъ, вѣдь у меня есть роменская кизлярка!

И корнетъ вынулъ изъ охотничей сумы бутылку съ водкой и поставилъ на столъ.

— Не извольте трудиться, ваша честь; у насъ правда есть и своя, да мы съ старою мало употребляемъ, то и добрыхъ людей иногда забываемъ потчивать.

Якимъ хотѣлъ встать, но охотникъ удержалъ его.

— Постой! постой, дядя! Вѣдь у васъ не такая; у меня вѣдь настоящая кизлярка!—И онъ вынулъ серебряную чарку изъ сумы.

— Не знаю: не случалося пивать такой, а всякое вино перепробовалъ на своемъ вѣку, говорилъ Якимъ.

— Такъ вотъ, попробуй, дядя! сказалъ охотникъ, подавая старику чарку.

— Попробуемъ, что тамъ за кизлярка? сказалъ онъ, принимая чарку и крестясь.—Господи благослови!

Выпивши водку, Якимъ, немного помолчавъ, проговорилъ:

— Нечего сказать, хорошая водка, а дорога?

— По цѣлковому бутылка.

— О, цуръ же ей, когда такъ! У насъ на карбованецъ ведро купишъ!

— Купишь, да не этакой!

— Э, все одинаково, лишь бы на завтра голова болѣла!

И они молча принялися закусывать колбасу и холодное свинное сало, до котораго, впрочемъ, охотникъ не прикасался: невѣжа! не зналъ, что холодное свиное сало лучше всякаго патефруа, а впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя.

Охотникъ кстати привелъ поговорку, что по одной не закусываютъ, потомъ другую, что безъ тройцы домъ не строится, потомъ еще и еще поговорку, а за поговоркой, разумѣется, ими выпивалися и выпивалися чарки, такъ что не прошло часа, а въ бутылкѣ уже было пусто, какъ у пьяницы въ карманѣ.

Они стали говорить громче и быстрѣе. Охотникъ наговорилъ Якиму много любезностей, почти велико-свѣтскихъ, и между прочимъ вотъ какую:

— А ты мнѣ, дядя, съ перваго разу понравился—помнишь?

— Помню, отвѣчалъ Якимъ.—А вы мнѣ, та попросту, совсѣмъ тогда не понравились, а теперь такъ вижу, что ты человѣкъ хорошій.

— Вотъ то то и есть! Ты раскуси-ка меня, дядя, такъ не то увидишь.

— Нѣтъ, я кусать тебя не буду, а знаёмитися милости просимо!

— Вѣдь я, правду тебѣ сказать, для тебя и въ ваше село на квартиру перешелъ, чтобы только къ тебѣ въ гости ходить.

— Благадаримо! благадаримо! Марта! крикнулъ Якимъ, вставая со скамьи: пряжи яешню съ колбасою! давай ведро выстоялки! Не знаешь, старая баба, какой у насъ человѣкъ сидитъ!

— Полно, полно, ничего не надо, дядя! Я сейчасъ уѣду.

— Уѣдешь, только не сейчасъ, я тебѣ еще покажу нашего Марка.

— А кто это такой вашъ Марко?

— А наша дитина. Развѣ ты не знаешь, что у насъ и сынъ есть?

И Якимъ пошелъ къ двери, бормоча: «вотъ я вамъ дамъ, вражи бабы»! и вышелъ за двери.

Черезъ минуту онъ внесъ на рукахъ въ хату плачущаго Марка, а за нимъ вошла и Марта.

— Посмотри, посмотри! говорилъ Якимъ, какое намъ добро Господь на старостя послалъ!—На, забавляй его по своему, сказалъ онъ, обратясь къ Мартѣ, и передалъ ей Марка.

— Иди, иди, гайдамака! ты сякій сыну, такій! приговаривалъ Якимъ и разсказалъ охотнику исторію успокоившагося Марка.

Охотникъ, разсѣяно выслушавъ разсказъ Якима, сказалъ:

— А кто же его настоящая мать?

— А Богъ ее знаетъ! Уповать надо, покрытка, какая нибудь безталанница!

— У тебя все покрытка, а можетъ и честная женщина, только бѣдная, сказала Марта.

— А можетъ и честная, Богъ ее знаетъ!—Куда же вы? сказалъ онъ, обращаясь къ охотнику; погостите, Бога ради, вы у насъ, и то рѣдко бываете.—Стара! выстоялки! яешни!

— Благодарю тебя, дядя! Буду часто бывать, только сегодня не держи, не могу, дома есть дѣло.

— А коли дѣло, такъ и дѣло; какъ волите, сами лучше знаете. А хорошо-бъ попробовать еще нашои выстоялки!

— Нѣтъ, благодарю, въ другой разъ; прощай, дядя!

И охотникъ вышелъ изъ хаты.

Якимъ проводилъ за ворота дорогого гостя и въ сотый разъ повторивъ просьбу не минать ихъ хутора, возвратился въ хату, бормоча про себя:

— Притча во языцѣхъ! Вотъ тебѣ и москаль! вотъ тебѣ и уланъ! та дай Богъ, чтобъ и хрещеные люди такіе росли на Божьей землѣ. Молодецъ, нечего сказать! И гдѣ онъ такую дорогую водку покупаетъ? Говоритъ, въ Ромнахъ. Надо будетъ поѣхать въ Роменъ, та достать такой водки, чтобъ не стыдно было, когда въ другой разъ заѣдетъ. Такъ, я думаю, не достанешь: паны всю выпили. Ну, ужъ за этими панами нашему брату некуда дѣваться! А чтожъ, вѣдь и онъ тоже панъ, хоть и московскій. А человѣкъ хорошій, очень хорошій человѣкъ! Хоть-бы и у насъ такихъ пановъ насіять! А что, на Москвѣ тоже ростутъ паны?

И задавши себѣ такой хитрый вопросъ, Якимъ, шатаясь, вошелъ въ хату.

Лукія, перестилая въ вечеру постельку Марка, нашла подъ подушкою червонецъ и сейчасъ догадалась, что это было дѣло его

нѣжнаго папаши, взяла червонецъ въ руки и не знала, что съ нимъ дѣлать; но, подумавши не много, опустила его въ пазуху и молча продолжала свое дѣло.

Охотникъ сдержалъ свое слово: онъ каждую недѣлю исправно, два и три раза, посѣщалъ хуторъ, только безъ всякаго со стороны сердечной поощренія. Поилъ Якима кизляркою, а Якимъ его потчивалъ десятилѣтнею выстоялкою, тѣмъ и кончалися его визиты. Лукія всегда убѣгала изъ хаты, когда только его завидитъ, а онъ былъ до того скроменъ или лукавъ, что никогда ни слова не сказалъ старикамъ про ихъ наймичку, какъ будто онъ ея никогда и не видалъ. Любовался всегда своимъ Маркомъ, какъ совершенно для него посторонній, привозилъ ему всегда пряники, а иногда и другіе гостинцы, чѣмъ успѣлъ приласкать къ себѣ дитя, такъ что, бывало, когда онъ входилъ въ хату, то оно бѣжало къ нему на встрѣчу, протягивая ручонки, и кричало: «да!.. да!»

Въ великомъ посту, когда старики говѣли и съ пятницы на субботу осталися ночевать у отца Нила, чтобы не проспать заутрени, корнетъ передъ вечеромъ пріѣхалъ на хуторъ: онъ зналъ, что старики въ селѣ и ночевать не будутъ дома, оставилъ съ деньщикомъ своего коня, а самъ прокрался, какъ воръ, на дворъ и потомъ въ хату. Лукія въ это время играла съ Маркомъ и когда увидѣла улана въ хатѣ, то вскрикнула и чуть ребенка изъ рукъ не уронила. Они молча остановились другъ передъ другомъ; Марко протянулъ къ нему ручонки и сказалъ свое обычное: «да—да». Но «да—да» не отвѣчалъ ни слова на привѣтъ Марка, а Лукія схватила его ручонки и прижала къ себѣ.

Долго продолжалось молчаніе, наконецъ корнетъ заговорилъ:

— Скажи, Лукѣюшка, за что ты меня не любишь? зачѣмъ ты отъ меня прячешься всякій разъ, когда я сюда пріѣду?

Лукія молчала.

— Я мучуся! я страдаю! я умираю безъ тебя! Цвѣточекъ мой прекрасный, мой розанъ ненаглядный, проговори хоть одно слово, хоть взгляни на меня!

Лукія взглянула на него, но не проговорила ни слова.

— За что я тебѣ вдругъ не милымъ сталъ? Вспомни ты темный садъ и короткія сладкія минуты, что мы проводили съ тобой.

Она опять взглянула на него и изъ прекрасныхъ ея карыхъ очей покатилися крупныя слезы.

— Чего ты плачешь, моя прекрасная! или тебѣ стало жаль прошлаго? Что-жъ, отъ тебя зависитъ; начнемъ снова.

Она плюнула ему въ глаза.

— Не сердися, моя крошечка! Я тебѣ всего, всего себя, всю жизнь свою тебѣ отдамъ.

Лукія съ омерзеніемъ отворотилась отъ него, подошла къ двери и, отворивши дверь, громко крикнула: «Катре!»

— Не зови никого, побудь со мною наединѣ: я тебѣ всю правду, всю истину скажу; и ежели есть у тебя хоть искра чувства, ты извинишь меня!

Между тѣмъ вошла въ хату, со скалкою въ рукахъ, дюжая Катря.

— Катре голубочко, побудь съ этимъ паномъ, а я вынесу Марка въ другую хату, а то онъ его боится и плачетъ.

И съ этимъ словомъ она вышла изъ хаты.—Черезъ минуту она возвратилась, держа въ рукѣ червонецъ, подошла къ нѣжному своему обожателю и, подавая ему червонецъ, сказала:

— Марко и безъ твоихъ червонцевъ богатъ: возьми!

Онъ отодвинулъ ея руку; она бросила ему червонецъ на полъ и вышла изъ хаты.

Онъ поднялъ червонецъ, повертѣлъ его въ рукѣ, какъ-бы раздумывая, что съ нимъ дѣлать.

— Вотъ тебѣ, голубушка, сказалъ онъ Катрѣ, подавая ей червонецъ: только ты пособи мнѣ ее уломать.

Катря, взявши червонецъ, проговорила:

— Какой хорошенькій дукачикъ! Чтожъ это у него дырочки нѣту, какъ же его носить? Вотъ теперь еслибъ доброе намисто!

— И монисто куплю, только ты уломай ее.

— Добре, уломаю.

И корнетъ вышелъ изъ хаты.

— За что это онъ ломать просилъ? спросила Катря у входящей Лукіи.

— Не знаю, отвѣтила она.

— Посмотри, какой хорошенькій онъ мнѣ дукачикъ подарилъ.

Лукія взглянула на червонецъ и не сказала ни слова. Катря вышла, а Лукія осталася въ свѣтлицѣ и всю ночь проплакала.

Въ субботу послѣ вечерни старики возвратилися домой и не могли нахвалиться гостепріимствомъ своего знакомаго охотника. Онъ ихъ послѣ обѣда отъ отца Нила зазвалъ къ себѣ на квартиру, и чѣмъ онъ ужъ ихъ не угощалъ? И чаемъ, и сахаромъ, и всякою всячиною, такъ что всего и не упомнишь. Одно только Мартѣ не понравилось, что у него вездѣ табакъ: и на столѣ табакъ, и на окнахъ табакъ, и на лавѣ табакъ—вездѣ табакъ; она думала, что у него и чай изъ табаку, а потому-то съѣла кусочекъ сахару, другой спрятала для Марка, а до чаю и рукой не прикоснулась. Еще двѣ вещи ей сильно не понравились: это собаки на постелѣ, и деньщикъ такой старый, оборваный, грязный, на рукахъ грязи—что и вихтемъ не отмоешь. И еще чудно: деньщикъ уже сивый, а онъ ругаетъ его, кричитъ: «эй малый!» а можетъ это по ихъ московскому звычаю такъ и слѣдуетъ, Богъ тамъ ихъ знаетъ!

Посѣщенія корнета продолжались по прежнему, и по прежнему безъ успѣха. Онъ часто дарилъ разныя бездѣлушки дебелой и простоватой Катрѣ, а та по простотѣ своей говорила ему, что Лукія каждый день и ночь за нимъ плачетъ и что когда дастъ Богъ Велыкодня дождаться, тогда можно будетъ просто въ церковь да й *Исаія ликуй*.

Постъ былъ въ исходѣ, нужно было и Лукіи отговѣться. Какъ же ей быть? Онъ теперь квартируетъ въ Буртахъ; онъ не дастъ ей и Богу помолиться, а не то отговѣться. Подумавши, она попросилась у своихъ хозяевъ навѣстить своего отца и за одно отговѣться въ своемъ селѣ.

Старики охотно согласились и предложили ей сани и лошадь. Она отказывалася, но не могла отказаться, а на говѣнье, кромѣ платы за службу, Якимъ далъ ей карбованецъ.

Послѣ обѣда въ воскресенье на шестой недѣлѣ она выѣхала изъ хутора на маленькихъ саночкахъ прямо на Ромодановскій шляхъ. Не хотѣлося ей бѣдной ѣхать въ свое село, но любовь дочери поборола въ ней стыдъ покрытки; она уже третій годъ не имѣла никакихъ свѣдѣній о своихъ родныхъ. Съ трепетомъ въѣхала она въ свое родное село, подъѣхала къ воротамъ своимъ и вскрикнула въ ужасѣ. Ворота были разобраны, частоколъ повалился, соломенная

крыша на хатѣ вѣтромъ разорвана и черныя стропила виднѣлись, какъ ребра изъ полуистлѣвшаго чудовища. Привязала она лошадь къ оставшейся около воротъ вербѣ, а сама вошла въ хату. Пустка, и снаружи, и внутри пустка!

— Куда-же они дѣлися? неужели умерли? спросила она сама себя и вышла изъ хаты.

У кого-же она теперь пріютится?

Уже давно когда-то, года три тому назадъ, была у нея знакомая край села, старая «московка», у которой прежде собирались вечерницы; она къ ней и направила свою лошадку.

У этой старой московки почти на выгонѣ была не то, что называютъ хатой, а вѣрнѣе то, что у насъ называютъ куренемъ, т. е. ежели смотрѣть издали, то это скорѣе похоже на кучи навозу, нежели на жилище человѣка; вблизи-же она была, какъ говорится (и говорится справедливо), живописна и живописна до такой степени, что я, хотя и не любитель подобныхъ живописныхъ вещей, берусь однако-же нарисовать для того, чтобъ показать моимъ почти соннымъ слушателямъ, что я не лгу, какъ какой-то курьеръ.

Ахнули въ селѣ люди добрые, когда увидѣли около куреня московки клячу и едва замѣтныя санишки.

— Откуда она взяла такое добро? всѣ въ селѣ вскрикнули: вѣдь у нея давно уже вечерницы не собираются!

Пошли по селу толки, такіе точно толки, какъ бываютъ въ уѣздномъ городѣ, когда проѣдетъ по его единственной улицѣ жандармъ на тройкѣ.

Лукія, распрягши лошадь, привязала ее къ санному полозу и, бросивши ей сѣнца, вошла въ москалыхинъ курень (это было въ сумерки). Войдя, помолилася и едва-едва нащупала свою старую знакомую, а нащупавши, сказала:

— Добрывечиръ!

— Добрывечиръ! едва отвѣчало ей что-то.

Лукія ощупала тряпки, а въ тряпкахъ завернуто что-то живое.

— Не здужаю: стара, погана, погана стала!

— Чи нема у васъ лою? Я-бъ каганець засвитила.

— Ничого нема! и печи не топила. Я позавчора ходила въ гости, воротилася до дому та й занедужала.

— Что-же у васъ болитъ?

— Все болить, моя голубко!

Лукія оставила ее и черезъ полчаса возвратилася съ дровами, затопила полуразвалившуюся печь, нашла гдѣ-то подъ припечкомъ съ обитыми краями горшокъ, положила въ него снѣгу и приставила къ огню.

— Спасыби тоби! проговорила больная.

Пока растаявалъ снѣгъ и потомъ грѣлась вода, Лукія вышла на дворъ, посмотрѣла на клячу, на сани и говорила сама съ собой:

— Господи, у мене хоть чужіе добрые люди есть, а у нея никого нѣту, настоящая сирота!

Она подошла къ санямъ, вынула изъ нихъ торбу съ паляныцями и молча вошла въ хату. Вода въ горшкѣ уже кипѣла, она его отставила отъ огня и спросила хозяйку:

— Чи нема у васъ какой нибудь мисочки?

— Есть, голубочко! на печкѣ посмотри; мнѣ на дняхъ Майчиха прислала рыбки, дай Богъ ей доброе здоровье! такъ мисочки я ей еще не относила.

Лукія дѣйствительно нашла глиняную, небольшую чашку, вымыла ее, налила горячей воды и, подавая больной, сказала:

— Выпей ты горячей воды немного, та съѣшь хоть кусочекъ паляныци, то лучше станетъ. Если-бъ можно было достать шавліи, то оно-бы еще лучше было.

И говоря это, она отломила кусокъ бѣлаго хлѣба и подала больной.

Больная выпила воду, съѣла немного хлѣба и благодарила свою лекарьку.

— Тебя сама Матерь Божія послала ко мнѣ!

— Лежи, не вставай; я тебя укрою, и она укрыла ее своимъ тулупомъ.

Между тѣмъ печка истопилася; Лукія закрыла трубу. Больная начала дремать, зазвонили къ повечерни, Лукія надѣла бѣлую свиту, осмотрѣла еще разъ свою больную и вышла изъ хаты.

Пошла Лукія къ повечерни. Какъ она войдетъ въ церковь? вѣдь на нее всѣ пальцами покажутъ! Всѣ скажутъ ей въ глаза, что она свою мать и отца въ гробъ свела!

— Пускай показываютъ на меня, думала она себѣ: пускай смѣются, говорятъ, знущаются—я все вытерплю, все выстрадаю! Я должна

выстрадать: я великая грѣшница! Объ одномъ только прошу Тебя, милосердый Боже мой, пошли Ты здоровье и добрую долю моему единому сыну!

Опасенія ея на счетъ насмѣшекъ были напрасны: народу было въ церкви мало, и ея никто не замѣтилъ; она-же себѣ остановилася у самыхъ дверей, а въ церкви никто назадъ не обращается, по крайней мѣрѣ такъ дѣлается въ нашихъ селахъ.

Уже въ сумерки Лукія возвратилася въ хату и увидя, что больная все еще спитъ, тихонько вышла изъ хаты, сводила свою лошадку къ Сулѣ, напоила ее и, приведя обратно, подложила ей сѣна и обошла кругомъ хаты, выбирая мѣсто, гдѣ-бы пріютить свою лошадку. Хоть на дворѣ уже былъ мартъ, но все таки на случай вѣтру не помѣшало-бы пріютить, но пріюта совершенно никакого не было.

— Господи! какая она бѣдная! сказала Лукія: хоть-бы тебѣ тынокъ какой, хоть-бы хлѣвочекъ какой, таки совершенно ничего! Какъ-же она живетъ горемычная?

И, проговоря это, она вошла въ хату. Больная уже проснулася и хотѣла подняться съ постели, чтобы достать воды; Лукія подала ей простывшей воды; уложила ее въ постель и въ потемкахъ сѣла на полу около ея постели. Больная заговорила:

— Съ меня, какъ рукою, сняло; если-бы не ты, то я не знаю, чтобы со мной и было. Благодарю тебя, пускай Богъ тебѣ заплатитъ.

Лукія молча вздохнула.

— Чего ты такъ тяжко вздыхаешь?

— Такъ! отвѣчала Лукія.

— Можетъ быть, ты тоже нездужаешь?

— Нѣтъ, слава Богу, здорова!

— Ахъ ты, моя безталанница! сказала больная съ чувствомъ.

— Я и забыла при моей немощи про твое тяжкое безталанье! Ну скажи-жъ мени, моя горлице, живо-ли оно? здорово-ли оно, моя рыбочко?

— Слава Богу, здорово.

— Какъ-же его зовутъ, моя галочка?

— Маркомъ, неохотно отвѣчала Лукія.

— О горе мое тяжкое, горе! помолчавъ, заговорила больная снова: что-же мы съ тобой будемъ вечерять? вѣдь у меня ничего нѣту.

— У меня паляныця есть.

— У тебя... у тебя... да у меня ничего нѣту!

— Дастъ Богъ, и у тебя будетъ.

— А гдѣ-же мы свѣтла возьмемо? черезъ минуту проговорила больная.

— Сегодня и такъ повечеряемъ, отвѣчала Лукія и ощупью нашла мѣшокъ съ хлѣбомъ, подала кусокъ больной и себѣ другой отломила.

Поужинавши, чѣмъ Богъ послалъ, Лукія навѣдалась къ лошади и, возвратясь въ хату, помолилась Богу и легла на полу спать. Словоохотливая старушка пробовала съ нею заговорить, но Лукія, пожелавши ей доброй ночи, вскорѣ заснула или притворилась заснувшею.

На другой день по утру Лукія, возвратясь отъ заутрени, нашла свою паціентку на ногахъ; она уже затопила печку и что-то приставляла въ горшкѣ къ огню. Увидя входящую Лукію, она быстро обратилась къ ней и сказала:

— Добрыдень! добрыдень! моя голубка! а я уже и печь затопила.

— Добрыдень вамъ! сказала Лукія.

— А ты еще краще стала, какъ прежде была. Ей Богу правда, да у тебя и лошадь есть!

— Лошадь не моя, добрые люди позычили.

— Добрые люди—спасыби имъ! Побудь ты, моя голубочко, недолго дома, а я сбѣгаю тоже къ добрымъ людямъ, не добуду-ли чего къ обѣду. Вѣдь ты знаешь, какъ я живу: гдѣ день, гдѣ ночь!

— Возьми у меня денегъ, за деньги скорѣе достанешь, нежели выпросишь.

— Правда! правда твоя, голубка сиза! и хозяйка взяла у Лукіи копу грошами.—Отъ теперь можно и на свѣжую рыбку расчитывать, и на олію, и на все доброе. Хозяинуй-же, моя рыбко, я духомъ вернуся! сказала она и выбѣжала изъ хаты.

Зазвонили къ часамъ, хозяйка не возвращается въ свою господу; уже на шестой и на девятый звонятъ, ея все нѣтъ. Лукія хотѣла замкнуть хату и идти въ церковь, но, горе, и засунуть нечѣмъ, не то что замкнуть. Дѣлать нечего, нужно дождаться: хату нельзя такъ оставить. Хоть правду сказать, вору тамъ совершенно

нечего было дѣлать. Наконецъ далеко уже за полдень пришла и хозяйка; правда, она принесла, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, четыре свѣчи и даже кой-что изъ посуды, какъ-то: двѣ ложки и что-то въ родѣ черепка, и не смотря на всѣ эти покупки, и сама еще была навеселѣ. Бѣдняжка, таки не утерпѣла, забѣжала къ своей щирой пріятелькѣ шинкаркѣ.

— Вотъ тебѣ, моя голубка сиза! сказала она скороговоркой: вотъ тебѣ и все наше господарство. Теперь заходимося варить обѣдать.

— Вари-же ты безъ мене, сказала Лукія, улыбнувшись: вари, а я пойду до церкви.

— Развѣ уже звонили?

— Скоро зазвонять.

И дѣйствительно скоро стали благовѣстить къ повечерни. Лукія одѣлась и ушла въ церковь. Хозяйка осталась одна и принялась за стряпню, тихо припѣвая:

Упилася я,
Не за ваши я:
Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

Не знаю, какъ назвать подобныя явленія въ семьѣ человѣчества: жалкими или счастливыми. Я думаю скорѣе счастливыми, потому что они на всякое житейское горе почти смѣются, и это не думайте, чтобы было отъ недостатка того, что мы называемъ чувствомъ, совсѣмъ нѣтъ: они чувствують по своему. Вотъ хоть напримѣръ и эта бѣдная поющая старушонка. Богъ ее знаетъ, быть можетъ, пѣсня эта у нея выражаетъ самый злой сарказмъ, а можетъ быть, и самую чувствительную элегію; или она готова вамъ разсказать свое грустное похожденіе въ Казань и обратно съ непритворнымъ смѣхомъ, а на чужое полугоре готова зарыдать и сію-же минуту утереть слезы, какъ ни въ чемъ не бывало. По моему, счастливы подобныя натуры!

Когда Лукія пришла изъ церкви, у ней уже готовъ былъ смиренный ужинъ. Вмѣсто стола накрыла свою пустую бодню, поставила на нее заженную свѣчу, поставила свѣжую рыбу и поставила чвертку водки.

Отъ водки и рыбы Лукія отказалась по той причинѣ, что говѣетъ.

— Не хочешь, то якъ хочешь, моя голубка сиза, а я на старости выпью!

— Выпей на здоровье!

Послѣ вечери онѣ долго еще просидѣли: Лукія за работою, а хозяйка за разсказами да разспросами. Лукія шила своему сыну къ празднику обнову: жупанокъ красной китайки и бѣлую рубашечку съ мережаннымъ комиромъ.

— Такъ ты его съ тѣхъ поръ и не видала, голубка сиза?

— Ни!

— Его недавно вывели изъ нашего села въ какое-то другое село на квартиру. И что-же ты думаешь? Знайшлися таки дуры, что и туда за нимъ пошли. Можетъ быть, знала Одарку Норивну, такъ вотъ она сама; тай лихо жъ онъ съ нею здѣсь и выдѣлывалъ! да и то правда съ одной ли ею?

При этомъ разсказѣ Лукія то блѣднѣла, то краснѣла. Бѣдная женщина, неужели злость или ревность прокрадываются въ твою смиренную душу? Забудь его, не стоитъ онъ твоего воспоминанья!

Такъ, или почти такъ, проводили они вечера въ продолженіи недѣли. Отговѣлася Лукія, заложила лошадку, простилася съ хозяйкой и выѣхала за село. Въ полѣ снѣгу уже почти не было, а оставался кой гдѣ по дорогѣ и то почернѣвшій. Кое какъ дотащилася она до Ромодановаго шляху, а тамъ оставила свои санишки, а лошадь повела за поводъ на хуторъ.

Въ сели довго говорили
Де чого богато,
Та не чули вже тыхъ речей
Ни батько, ни мати.

Уланы же, когда узнали о полюбовницѣ своего командира, то глядя на нее, идущую изъ церкви, только улыбалися и усы крутили.

Сердобольныя кумушки-сосѣдушки, когда узнали, что она еще у московки квартировала, тогда и рукой махнули.

Лукія, возвратясь на хуторъ, не могла налюбоваться на своего Марочка. Она еще никогда на цѣлую недѣлю съ нимъ не разлучалась; въ радости хотѣла было и сшитыя его обновы на него одѣть, но поудержалась. Старики за радость ей объявили, что когда

она уѣхала говѣть, въ тотъ самый день пріѣзжалъ къ нимъ уланъ охотникъ, бралъ Марка на руки, цѣловалъ его, любовался имъ и обѣщалъ ему къ празднику такое подарить, что мы всѣ задивуемся.

Лукія даже не улыбнулась, чѣмъ старики были недовольны, а когда она вышла изъ хаты, то Марта, лаская Марка, проговорила:

— Да ей то что до тебя, моя дитино? Ты для нея чужой, то ей и байдуже!

— Ну, ты вже пойдешь прибирать! проворчалъ Якимъ, надѣлъ шапку и пошелъ на дворъ.

До праздника не посѣщалъ ихъ уланъ-охотникъ по случаю распутицы, зато на праздники не проходило дня, чтобы онъ не посѣтилъ хутора, и каждый разъ говорилъ, что почта не пришла еще изъ Петербурга: должно быть, по случаю распутицы. Случалось иногда, онъ заставалъ Лукію наединѣ, и тутъ мѣры не было его клятвамъ, что онъ ее полюбитъ пуще прежняго. Она уже на него почти не сердилась.

Подлый ты, лукавый человѣкъ! чего ты отъ нея хочешь? Ужели для мгновеннаго скотскаго наслажденія ты возмущаешь ея едва успокоенное сердце?

Бѣдная ты, слабая ты женщина! ты опять готова слушать его хитрыя дьявольскія рѣчи. Ты опять готова впутаться въ его ядовитую паутину. Ты готова забыть свое собственное прошедшее горе, горе отца и матери и даже ихъ могилы. Она и забыла-бы (дьяволъ-же искусилъ святого), она опять упала-бы въ бездну и, можетъ быть, упала-бъ невозвратно, но, къ счастью ея, уланамъ на Ѳоминой недѣлѣ назначенъ походъ въ другую губернію, и это только обстоятельство спасло ее.

Какихъ усилій, какого тяжкаго труда ей стоило переломить себя! И только одна благородная возвышенная любовь матери спасла тебя отъ разверзавшейся передъ тобою въ другой разъ пропасти. Безъ высокой любви своей къ дѣтищу, пошла-бы ты за эскадрономъ, какъ ходятъ тысячи, тебѣ подобныхъ. Сначала твой милый чернобровый остригъ-бы тебя и одѣлъ мальчикомъ (какъ сердечную Оксану), чтобы скрыть твой полъ отъ товарищей, а черезъ мѣсяцъ онъ пересталъ-бы тебя и скрывать, а на другой—играла-бы тобою пьяная молодежь на бивуакѣ; на третій—ты-бы для нихъ устарѣла и опротивѣла, потому что ты опять забеременѣла; и возили-бы тебя вмѣстѣ съ дорогими собаками въ телѣгѣ,

потому что отъ тебя отвязаться нельзя, а тебѣ пріютиться негдѣ, кромѣ уланскаго обоза. И вотъ ты родила ночью подъ телѣгою; и только одна безмолвная луна свидѣтельница твоихъ физическихъ страданій, а милосердый Богъ одинъ утѣшитель и успокоитель твоей сердечной горести. Ты успокоилась немного, отерла слезы, прислушиваешься, кругомъ все тихо, только едва слышно издали фырканье коней, да вблизи чириканье кузнечика. Младенецъ твой молчитъ; ты едва поднялася на ноги, берешь его и крадешься тихонько въ степь изъ обоза и, вышедши на дорогу, ты снова съ нея своротила, потому что ты дороги боишься; ты опять въ степи и уже далеко отъ дороги и обоза кладешь свое дитя на душистую траву и, какъ волчица, роешь нору для своихъ будущихъ волченятъ, такъ ты изступленная роешь могилу для своего дѣтища. Остановися! Оно плачетъ, но ты не слышишь, тебѣ чудится вой волковъ въ степи. Ямка готова; ты судорожно схватываешь дитя свое, бросаешь въ яму; у тебя не достаетъ духу покрыть его землею, ты, какъ сумашедшая, бѣжишь въ степь. О какое благодѣяніе было-бъ теперь для тебя помѣшательство! Но ты въ изнеможеніи падаешь въ траву и вскорѣ, какъ послѣ страшнаго сна, пробуждаешься и пробуждаешься на горе. Ты смутно, но все вспомнила и отъ изнеможенія не можешь встать на ноги, силишься, силишься—и все напрасно. Такъ тебя и разсвѣтъ и утро застаетъ, такъ тебя и полдневное солнце печетъ. Смерть близится къ тебѣ, но смерть грѣшниковъ люта. Вечеръ освѣжилъ тебя, и ты, собравши остатокъ силъ, ползешь въ травѣ и на свое горькое горе выползаешь на дорогу. Тебя полуживую подняли чумаки и привезли въ село, сдали добрымъ людямъ на руки, и ты медленно оживаешь. Выздоравливаешь, и полунагая отправляешься въ корчму; ты припомнила, когда тебя уланы виномъ поили: тебѣ было весело, и ты забывалася, но кто теперь тебѣ нищей, подурнѣвшей вина дастъ? У жида въ корчмѣ нанялася носить воду за чвертку вина. Но увы! вино не помогло, а еще злѣе напомнило тебѣ, что ты дѣтоубійца! И разгоряченное воображеніе твое представляетъ безконечный рядъ страданій. Что мнѣ дѣлать? ты въ изступленіи кричишь, а дьяволъ шепчетъ тебѣ на ухо: «утопись»! и ты, послушная сатанѣ, бѣжишь, быть можетъ, къ твоей родной Сулѣ и топиться Косари тебѣ помѣшали; ты разсказала имъ свое преступленіе. Тебя въ сельскую расправу,

потомъ въ тюрьму, потомъ въ село твое родное, да не снимая кандаловъ и на кобылу, а съ кобылы прямехонько въ Сибирь.

Могло случиться и иначе: ты могла-бы подружиться съ добрыми уланами и попутешествовать себѣ за ихъ эскадрономъ во всякую погоду, какъ единородная мать Энея (у Котляревскаго),

Задрипана, боса, простоволоса.
И часто, часто бѣдная богиня паѳоса
Въ шинели сирій щеголяла,
Манишки офицерамъ прала,
Горилку съ керцемъ продавала и т. д.

Такъ, можетъ быть, и тебѣ пришлось-бы коротать свою поруганную, грѣшную, безраскаянную жизнь. Но ты спасена ангеломъ прекраснымъ, ты своимъ сыномъ спасена, и будущность твоя хотя и горькая, печальная, но не преступная и безотрадная.

Въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ старикъ со старухою поѣхали въ село родителей поминать. Лукія и за своихъ дала имъ на часточку.

— Отъ что, Якиме! сказала Марта: запишемо и ея отца и матерь въ свою грамотку, та пускай такъ у купи и поминають: вѣдь она у насъ, какъ наша дочь родная.

— А что-жъ хорошо, запишимо!

И Лукія, простясь съ стариками, засунула извнутри двери, вошла въ хату, остановилась надъ колыбелью, долго смотрѣла на спящаго Марка и наконецъ проговорила:

— Господи милосердый, укрѣпи и спаси мене! Гдѣ я на всемъ свѣтѣ найду такихъ людей, которые-бы меня дочерью звали и отца моего и мать мою въ свою грамотку записали?

И она тихо заплакала и стала молиться. Въ это время проснулся Марко и, протягивая къ ней ручонки изъ колыбели, пролепеталъ къ ней: «мамо!» Она, какъ-бы испуганная, обратилась къ нему, взяла его на руки и, цѣлуя его, залилася слезами, едва выговаривая: «сыну мій, сыну, моя ты дитино!» А Марко, какъ-бы понимая ея слова, охватилъ пухлыми ручонками ея прекрасную шею и лепеталъ: «мамо! мамо!»

Придя въ себя, она стала на колѣни передъ образами, перекрестилася, потомъ взяла Марка за ручонку, сложила его розовые

пальчики и начала учить его креститься, говоря и плача: молися, сыну! молись, моя дитино! молися, ангеле Божій, за мене грѣшницу молися!

До обѣда Лукія утѣшалася своимъ сыномъ въ хатѣ, а послѣ обѣда окутала его и пошла въ садъ рясту рвать. Погулявши въ саду и нарвавши рясту, она возвращалася въ хату и уже было взялася за ручку у дверей, вдругъ слышитъ, ее зовутъ; она оглянулася и вздрогнула: за воротами стоялъ ея возлюбленный; она хотѣла скрыться въ хату, но онъ снова позвалъ ее.

— Да отвори ворота: мнѣ не хочется съ коня слазить!

Лукія какъ-бы невольно подошла къ воротамъ, но не отворила ихъ.

— Что-же ты стоишь? или не отворяй, выйди сюда, я тебя поцѣлую.

Лукія не вышла.

— Что-же на тебя столбнякъ что-ли напалъ? Готова-ли ты, или опять раздумала?

— Раздумала!

— Фу ты, несносная! Полно дурачиться, одѣвайся скорѣе, за хуторомъ тебя телѣга дожидаетъ.

— Пускай себѣ дожидаетъ.

— Да не бѣси-же ты меня! Скажи, пойдешь-ли ты или нѣтъ?

— Ни!

— Проклятая! да вѣдь я безъ тебя жить не могу!

— То не живи.

— То не живи? Тварь ты бездушная! Что-же мнѣ давиться что-ли изъ-за тебя?

— Давись!

— Шутишь ты что-ли со мною! Скажи послѣдній разъ, я тебя спрашиваю, пойдешь ты или нѣтъ?

— Нѣтъ, не пойду!

— Дура-же ты, дура, а я тебѣ добра желалъ, хотѣлъ тебя счастливою сдѣлать!

Лукія грустно посмотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Хотѣлъ въ Ромнѣ перевѣнчаться съ тобою!

Лукія еще разъ взглянула, отворотилася и хотѣла было идти въ хату.

— Остановися—одно слово!

Лукія остановилась.

— Подойди ближе!

— Ну, говори, что ты тамъ такое скажешь?

И она подошла къ воротамъ.

— Ну, скажи, глупая, развѣ тебѣ лучше мужичкой быть?

— Лучше!

— Да пойми ты меня! вѣдь ты будешь офицерша!

— Не хочу я быть офицершей; я мать офицерскаго сына, съ меня довольно!

И она снова отворотилась.

— Вотъ-же тебѣ, упрямая хохлушка! и онъ ее ударилъ по головѣ нагайкой, проговоря: «проклятая»! и поворотя коня, ускакалъ въ поле. Лукія посмотрѣла ему вслѣдъ, спустила дитя на землю и тихо пошла съ нимъ въ хату; но въ хату не могла войти, сѣла на призбѣ, блѣдная, изнеможенная, выпустила изъ рукъ Марочка и лицо закрыла руками. Долго она сидѣла въ такомъ положеніи, а Марочко между тѣмъ усѣлся у ногъ ея и уже увядшій рястъ разсыпалъ вокругъ себя. Лукія наконецъ проговорила шопотомъ:

— Офицерша!... бреше... За что-же онъ меня ударилъ? Что я ему сдѣлала? Сына привела!

И она горько, горько заплакала. Марочко, глядя на нее, и себѣ заплакалъ. Она взяла его на руки, поцѣловала и молча пошла въ хату.

Старики, возвратяся въ вечеру изъ села, разсказывали ей, смѣясь, какъ уланы выходили изъ села и какъ одна уже тяжкая дивчина пошла за повозкою ихъ знакомаго охотника.

— Якъ бо іи зовуть? заговорила Марта: постой... постой... вотъ-же и забыла... те, те... вспомнила—Одаркою!

Лукія вздрогнула.

— Только изъ какого-то другого села, а не Буртянская.

— Что-же это нашего знакомаго не видно было межъ уланами?

— Да, не видно было, а я нарочно его выглядала, да нѣтъ, не видно было.

— Должно быть, впередъ уѣхалъ.

— Должно быть.

Мирно и безмятежно текли часы, дни, мѣсяцы и годы на благодатномъ хуторѣ Якима. Коморы его начинялися всякимъ добромъ, волы и коровы его и всякая другая худоба множилися и тучнѣли; чумаки его каждое Божіе лѣто возвращалися съ дороги съ великою лихвою; пчелы его по трижды въ одно лѣто роилися, такъ что одного меду продавалъ онъ ежегодно рублей сотъ на пять, если не больше, не говоря уже про воскъ. Садовой овощи правда онъ не продавалъ, а то и тутъ-бы не одну лупнулъ сотнягу. «Пускай», говоритъ, «добрые люди поживутъ, спасыби скажутъ!» Словомъ къ Якиму на хуторъ со всѣхъ сторонъ добро лилося, какъ будто сама фортуна коловратная на его хуторѣ поселилася въ лицѣ Лукіи и Марка. И то правду сказать, что Лукія была хозяйка невсыпущая и распорядительная.

— И Богъ его знаетъ, гдѣ это она всему такъ научилася? бывало, глядя на ея дѣла, говоритъ старая Марта: вотъ тебѣ и московка! поди ты съ нею, благодать Божія, да и только! вѣрно разумнаго отца дитина.

Старикамъ оставалося только смотрѣть на нее и молиться Богу, они таки и не забывали Бога. Марта ежегодно ходила въ Кіевъ на поклоненіе святымъ угодникамъ печерскимъ, а Якимъ, хотя и не ходилъ, за то дома въ продолженіи года молебствовалъ: то криницю въ саду посвятитъ, то пасѣку посвятитъ, то такъ пригласитъ отца Нила помолебствовать о здоровіи и долгоденствіи; а самъ все себѣ сидитъ въ пасѣкѣ, рои снимаетъ, да псалтирь читаетъ.

Такъ то счастливо проходили дни, мѣсяцы и годы на хуторѣ, а Марку между тѣмъ кончался седьмой годочекъ. И что-же это за дитя выростало! Прекрасное, тихое, послушное, не смотря на то, что всѣ его чуть на рукахъ не носили, особенно Лукія. Бывало, въ воскресенье, когда старые уѣдутъ въ село до церкви, она одѣнетъ его въ жупанокъ, въ красныя сапожки и сивую крымскихъ смушекъ шапочку, поставитъ его передъ собою и любуется на него, какъ на малёваннаго. А между тѣмъ она ему никогда и виду не показывала, что она ему мать. Для чего это она дѣлала, Богъ ее знаетъ. Можетъ быть, она боялася старыхъ, а можетъ быть, и такъ. Старики часто поговаривали, что пора Марка въ школу отдать, но все дожидали, пока ему исполнится семь лѣтъ.

И вотъ ему исполнилося семь лѣтъ. Это случилося какъ разъ на зеленыхъ святкахъ въ воскресенье. Изъ церкви прямо на хуторъ привезли отца Нила и отца діакона и весь причтъ церковный. Послѣ молебствія и водоосвященія въ саду, вернулися въ облаченіи въ хату и, окропивши святою водою оселю, сѣни и коморы, вернулися снова въ хату. Тогда отецъ Нилъ взялъ Марка за руку и, поставивъ его на колѣни передъ образами, а самъ раскрывъ псалтирь и перекрестяся трижды, прочиталъ псаломъ: *Боже въ помощь мою вонми!* По прочтеніи псалма, сложивъ съ себя ризы, сѣлъ за столъ и спросилъ у Якима букварь. Марта достала изъ скрыни букварь (онъ у нея хранился, потому что она его принесла изъ Кіева) и подала Якиму, а Якимъ уже отцу Нилу.

— Приступи ко мнѣ, чадо мое! сказалъ онъ Марку.

Марко подошелъ.

— Говори за мною!

И Марко робко повторялъ: *азъ*, *буки*, *вѣди* и т. д.

По прочтеніи азбуки отецъ Нилъ закрылъ букварь и сказалъ:

— Корень ученія горекъ, плоды же его сладки суть. Сегодя пока довольно, а на будущее время и вящше потрудимся, а теперь пока, отдавши Божіе Богови, отдаймо и Кесарево Кесареви!

Якимъ, какъ самъ тоже человѣкъ грамотный, тотчасъ смекнулъ, къ чему говоритъ отецъ Нилъ изъ писанія, моргнулъ Мартѣ и Лукіи, а самъ побѣжалъ въ комору, сказавши:

— За позволенія вашего прошу, батюшка, садовитесь за столъ.

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ явствами и напоями, разными квасами фруктовыми и наливками, а кромѣ всего этого Якимъ по серединѣ стола поставилъ стекляный, хитро сдѣланный боченокъ съ выстоялкою. Отецъ Нилъ, прочитавши: *Отче нашъ.* и *Ядятъ убозіи и насытятся,* поблагословилъ ястіе и питіе сіе и сѣлъ за столъ; его примѣру, перекрестясь, послѣдовали и другіе, окромѣ Марты и Лукіи, и молча начали воздавать Кесарево Кесареви. Послѣ обѣда отецъ Нилъ и весь причетъ церковный вышли въ садъ и сѣли на травѣ подъ старою грушею около крыныци. И отецъ Нилъ отверзъ уста своя, въ притчахъ глаголя; и чего онъ тутъ не глаголалъ! и о Симонѣ Столпникѣ, и о Маріи Египетской, и о страшномъ судѣ, и только было началъ: «отолстѣ сердце ихъ», а тутъ явилася Лукія съ ковромъ, а Марта съ стеклянымъ бочо-

ночкомъ, только уже налитымъ не выстоялкою, а сливянкою. Отецъ Нилъ, увидя ихъ, воскликнулъ:

— Хвалите, отроци, Господа! и господыню, прибавилъ онъ, ласково улыбаяся Мартѣ.

Лукія между тѣмъ разостлала коверъ, а Марта поставила на него барыльце съ сливянкою и, поклонившись, просила батюшку благословить. Батюшка, возвыся гласъ свой и осѣняя барыло крестнымъ знаменіемъ, возгласилъ: «изыди изъ тебе, душе нечистый, и вселися въ тебе сила Божая и яви чудеса мірови»!

Въ это время старый Якимъ подошелъ къ нимъ, держа въ рукахъ на малеванной тарелкѣ свѣжія большія яблоки.

Отецъ Нилъ, увидя яблоки, сказалъ:

— Благъ мужъ щедряя и дая! Только скажите вы мнѣ, Бога ради, Якиме, какимъ образомъ вы ихъ сохранили?

— А вотъ какъ покушаете, то тогда и скажу, говорилъ Якимъ, ставя яблоки на коверъ.

— Хорошо и покушаемо; да гдѣ нашъ новый школяръ? Пускай бы онъ насъ хоть сливянкою попотчивалъ, говорилъ отецъ Нилъ, протягивая руку къ яблоку. Въ минуту Лукія привела въ садъ и Марка.

— А ну-ка, новый школяру! говорилъ Якимъ смѣяся: попотчуй батюшку сливянкою, а вони тебе когда нибудь березовою кашею попотчуютъ.

— Корень ученія горекъ! весьма кстати проговорилъ отецъ Нилъ.

Лукія взяла боченокъ, а Марко рюмку, и стали потчивать гостей. Когда поднесъ Марко рюмку отцу діакону, то тотъ, принимая рюмку, проговорилъ: «не упивайтеся виномъ: въ немже есть блудъ»!

— Та блудъ, таки блудъ! скороговоркою сказала Марта: а вы, отче Елисею, выпейте еще одну рюмочку нашои сливяночки, что отецъ Елисей и исполнилъ.

Сидѣли они подъ грушею до самаго вечера и слушали отца Нила; а отецъ Нилъ договорился до того, что началъ выговаривать вмѣсто пророкъ Давидъ пророкъ Демидъ, а потомъ все духовенство запѣло хоромъ: «О всепѣтую Мати», потомъ: «Богомъ избранную Мати дѣву отроковицу», а потомъ «О горе мнѣ грѣшнику сущу». Тутъ уже и Якимъ не утерпѣлъ и подтянулъ таки тихонько басомъ.

— Ахъ, если-бы тимпанъ и органы, или хочъ гусли доброгласны! воскликнулъ отецъ Нилъ: о тутъ бы мы воскликнули Господеви! А что, не послать ли намъ за гуслями?

— Послать! послать! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— А послать, такъ и послать, говорилъ Якимъ.—Лукіе, скажи Сидорови, нехай коней запрягае, я самъ поѣду, а тымъ часомъ, отецъ Нилъ, прошу до господы, и вы, отецъ Елисей, и вы, и вы! сказалъ онъ, обращаясь къ причетникамъ: на дворѣ и темно и холодно.

И компанія отправилась въ хату, а что тамъ было въ хатѣ, Богъ его знаетъ! Знаю только, что Якимъ за гуслями не поѣхалъ.

Клечальное воскресенье продолжалося до вторника. Во вторникъ, уже поснидавши, гости поѣхали домой, а Якимъ и Марта, провожая ихъ, все жалкували, что они не остались еще на годиночку, т. е. на два дня.

Въ слѣдующее воскресенье рано по утру одѣли Марка въ самый лучшій его жупанокъ и засунули ему грамотку за пазуху, посадили его на повозку и повезли въ село, яко бы до церкви. Обманули бѣднаго Марка—они повезли его въ школу.

Лукія хотя и не плакала при разставаніи съ сыномъ, но ей все таки жаль было разставаться съ нимъ.

Грустно, неохотно разставалася Лукія съ своимъ сыномъ, съ своею единною утѣхой, но она не останавливала, не отговаривала, какъ это дѣлала старая Марта. Марта сквозь слезы выговаривала Якиму:

— Ну скажи, скажи ты мнѣ, гдѣ ты видѣлъ, чтобы изъ школы добро вышло? Такъ выйдетъ какой нибудь пьяничка, а можетъ еще и воръ, Боже оборони; отъ только дитину испортятъ.

— Молчи ты, пока я не разсердился! говорилъ Якимъ, надѣвая на Марка сверхъ жупанка новую свитку.

— Ну, куда ты его кутаешь?

— Куда? въ дорогу! вѣдь онъ тамъ останется, такъ не возить же за нимъ свитку?

Такъ снаряжали Марка въ далекую дорогу. Лукія молча смотрѣла на все это и, слушая доводы Марты, почти соглашалась съ нею, но когда Якимъ, помоляся Богу и выходя изъ хаты, сказалъ: «ученіе-свѣтъ, а не ученіе-тьма»! то Лукія вполнѣ съ нимъ согласилась, говоря: «по крайней мѣрѣ выучится хоть Богу молиться».

И проводя ихъ за ворота, долго стояла она и смотрѣла въ слѣдъ удалявшейся повозкѣ, а когда повозка скрылась, она перекрестила воздухъ въ ту сторону и, возвращаяся въ хату, говорила: «пошли тебѣ, Господи, благодать свою святую»!

Въ вечеру Марта разсказывала Лукіи про Марка, что онъ, бѣдный, плакалъ, когда прощался съ ними и что онъ будетъ жить у отца Нила, а въ школу только учиться будетъ ходить и что она нарочно заходила въ школу, чтобы посмотрѣть, гдѣ онъ будетъ учиться.

— Пустка! совершенная пустка! говорила она: такъ что страшно одной зайдти было, а школяры такія желтые, блѣдные, какъ будто съ креста сняты, сердешные! а подъ лавою все розги, все розги, да такія колючія! Богъ ихъ знаетъ, гдѣ они ихъ берутъ? Настоящая шепшина! А на стѣнѣ около самаго образа тройчатка, настоящая дротянка, да я думаю, она таки изъ дроту и сплетена. А дьякъ такой сердитый, ажъ страшно смотрѣть! Я правда дала ему копу, знаешь, чтобы онъ не очень силовалъ Марка, хоть на первые дни. Надо будетъ еще чего нибудь послать ему; я думаю хоть полотна на штаны та на сорочку, а то замучитъ, бѣдную дитину! Чи не понесла-бы ты ему, Лукіе, хоть даже завтра, а то я боюся: убье, занивичить сердешнаго Марочка!

— Добре, я понесу, сказала Лукія, та и сама посмотрю на ту школу.

— Посмотришь, посмотришь! Та вотъ еще что: вчини къ завтрему паляныци. Я думаю и паляныцъ зо дви послать Маркови, а то воно, бѣдное, хоть и обѣдаетъ у попа, да какой тамъ у нихъ обѣдъ! Я думаю—всегда голодное.

На завтра Лукія отправилась въ село съ паляныцями и со сверткомъ полотна. Она не зашла къ отцу Нилу, а прямо прошла въ школу. Дьякъ встрѣтилъ ее совсѣмъ не сердитый, а школа не была похожа на пустку: хата, какъ хата, только что школяры сидятъ да читаютъ, кто во что гораздъ; и Марко ея тутъ-же межъ школярами сидитъ и тоже читаетъ. Она, когда увидѣла его читающаго, то чуть было не заплакала. «Какъ оно, бѣдное, скоро научилося»! подумала она и посмотрѣла подъ лаву; подъ лавою ни одной розги не видно было. Посмотрѣла на образъ, около образовъ тройчатки тоже не видать. Она, отдавши дьякови посильное

приношеніе, спросила его, можно ли ей повидаться съ такимъ-то Маркомъ.

— Можно, можно! чому не можно! говорилъ дьякъ съ важностью и, подойдя къ новобранцу, какъ онъ называлъ Марка, сказалъ ему:

— Ты, Марку, сегодня учился хорошо, а посему и гулять остатокъ дня можешь; иди съ миромъ домой!

Марко сложилъ азбучку, положилъ ее за пазуху и всталъ со скамейки, обернулся, увидѣлъ свою наймичку и заплакалъ.

Лукія тоже чуть не заплакала. Она взяла его за руку и, простясь съ дьякомъ, вышла изъ школы. Вышедши изъ школы, она утерла слезы у Марка рукавомъ своимъ, потомъ сама заплакала, и пошли они тихонько къ хатѣ отца Нила.

Такія приношенія дѣлала она дьяку и Марку каждую недѣлю, а въ воскресенье Марта само собою привозила дьячку и копу грошей, или меду, или кусокъ сала, или что нибудь тому подобное.

Мѣсяца черезъ два, съ Божіей помощью, Марко одолѣлъ букварь до самаго: «иже хощетъ спастися». По обычаю древнему нужно-бы кашу варить, о чемъ дано было знать заблаговременно на хуторъ. Варивши кашу, Марта положила въ нее шесть пятаковъ, а Лукія, когда Марта отвернулася, бросила въ кашу гривенникъ.

Когда каша была готова, Лукія понесла ее въ село къ отцу Нилу, а отъ отца Нила Марко понесъ ее въ школу въ рушникѣ, вышитомъ Лукіею. Принесши кашу въ школу, онъ поставилъ ее доли, рушникъ приподнеся учителю, а до каши просилъ товарищей. Товарищи, разумѣется, не заставили повторять просьбы; усѣлися вокругъ горшка, а Марко взялъ тройчатку, сталъ надъ ними и пошла потѣха: Марко немилосердно билъ всякаго, кто хоть крошку ронялъ дорогой каши на полъ.

Кончивши кашу, Марко тройчаткою погналъ товарищей до воды, а пригнавши отъ воды, принялися громадою горшокъ бить. Разбили горшокъ, и учитель распустилъ ихъ всѣхъ по домамъ въ знакъ торжественнаго событія. Послѣ описанной церемоніи Марко былъ отпущенъ на родину, т. е. на хуторъ, отдохнуть недѣли двѣ послѣ граматки. Но вмѣсто отдыха онъ встрѣтилъ новые непредвидѣнные имъ труды: Якимъ въ присутствіи Марты и Лукіи заставлялъ его прочитывать каждый день всю граматку отъ доски до доски и даже «иже хощетъ спастися».

— Да для чего это уже «иже хощетъ спастися» ты заставляешь его читать? говорила Марта: онъ его научился, то и читать не нужно.

— Ты, Марто, человѣкъ неграмотный, то и не мѣшалась бы не въ свое дѣло, говорилъ обыкновенно Якимъ: мы то знаемъ, что дѣлаемъ.

Марко подъ конецъ второй недѣли готовъ былъ бѣжать изъ родительскаго дому въ школу. Въ школѣ ожидали его ровесники-товарищи, а дома кто ему товарищъ? Правда, оно и въ школѣ не тепло, но все таки лучше, нежели дома.

По прошествіи двухъ недѣль снабдили Марка всякимъ добромъ удобосъѣдаемымъ и въ добавокъ «Часословомъ», принесеннымъ Мартою въ то лѣто изъ Кіева и отправили въ школу.

Въ великомъ посту, когда говѣли Якимъ и Марта, то Марко уже по серединѣ церкви читалъ большое повечеріе къ неописанному восторгу стариковъ. Выходя изъ церкви, Якимъ погладилъ по головѣ Марка и далъ ему гривну мѣди на бублики, сказавши:

— Учись, учись, Марку: науку не носятъ за плечами.

А Марта дома Лукіи чудеса про Марка разсказывала. Она говорила, что дьякъ просто дурень въ сравненіи съ Маркомъ, что Марко вскорѣ и самого отца Нила за поясъ заткнетъ; развѣ только что на гусляхъ не будетъ играть, да это ему и не нужно.

— Да что же то онъ, да какъ же ото онъ тамъ читаетъ? обыкновенно спрашивала Лукія.

— А такъ читаетъ, что хоть-бы и самому дьяку, такъ не стыдно. Да я думаю, дьякъ и заставляетъ читать все такое, чего самъ прочитать не въ силахъ; я думаю, что такъ.

Лукія съ нетерпѣніемъ ожидала шестой недѣли поста, въ которую собиралася говѣть. Наконецъ дождалася и наконецъ услышала читающаго Марка и уже не одну: «Нескверную, неблазную», а и полунощницу и даже часы.

Велика была ея сердечная радость, когда она изъ церкви слышала такія слова: «какой хорошій школяръ! какъ онъ прекрасно читаетъ, точно пташка какая щебечетъ, надѣлилъ же Господь добрыхъ людей такою дитиною»!

Такія и имъ подобныя слова слушала Лукія всякій разъ при выходѣ изъ церкви. За то Марко и возмездіе получалъ не малое: онъ въ продолженіи недѣли всю школу кормилъ бубликами.

Марко быстро двигался на поприщѣ образованія, такъ что къ концу другого года, къ удивленію всѣхъ, въ особенности учителя, онъ прошелъ всю псалтирь, даже съ молитвами, а чтеніемъ каѳизмъ въ церкви пріобрѣлъ общую извѣстность и похвалу всего села; такъ что уже на что Денисъ Посяда, который никого не хвалилъ, и тотъ бывало, выходя изъ церкви, скажетъ: «ничого сказать, славный школяръ, прекрасно читае».

Долго толковали между собою отецъ Нилъ съ Якимомъ, учить ли Марка писать, или такъ и кончить на псалтирѣ. Съ домашними Якимъ не входилъ въ разсужденія по поводу этого предмета: онъ зналъ навѣрное, что въ Мартѣ первой онъ встрѣтилъ бы оппозицію, а потому и молчалъ благоразумно; а по зрѣломъ разсужденіи съ отцемъ Ниломъ рѣшилъ, чтобы Марка учить писать.

Хитрость книжная, можно сказать, далася нашему Марку, да и хитрость скорописца не отвернулася отъ него. Въ полгода съ небольшимъ онъ постигъ всѣ тайны каллиграфіи и такъ, бывало, выведетъ букву *ферть*, что самъ учитель только плечами двинетъ и больше ничего. Но кого онъ больше всѣхъ восхищалъ своею тростію скорописца, такъ это стараго Якима. Онъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ посланія, надписывая на конвертѣ, что такой то, и такой то губерніи, такого и такого то повѣта, на благополучный хуторъ такой то, учителю Якиму Миронову сыну такому то. Старикъ былъ въ восторгѣ, получа такое письмо отъ своего сына изъ школы.

— Вотъ оно что значитъ просвѣщенный человѣкъ! говорилъ онъ, бывало, Мартѣ и Лукіи, держа письмо въ рукахъ, котораго онъ конечно не понималъ, потому что читалъ только печатанное.—Я вотъ не былъ въ селѣ, а знаю, что тамъ творится, а вы бабы, ну ск а жить, что вы знаете? Вотъ то-то и есть! А я такъ знаю: вчера отецъ Нилъ на гусляхъ игралъ «Іисусе мой прелюбезный», а матушка Ярина съ прочими мироносыцями ему подтягивала—вотъ что!

— Ну, та ты изъ своего письма наговоришь, что и груши на вербѣ ростутъ,—говорила обыкновенно Марта.

— Что-жъ, когда не вѣришь, то на, возьми прочитай. И онъ ей подавалъ письмо.

— Читай уже ты самъ, а мы и такъ себѣ останемся.

И Якимъ бывало черезъ пятое десятое, по складамъ прочитаетъ имъ:

Любезнѣйшіе и драгоцѣнѣйшіе родители! Я, слава Всевышнему, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Единородный сынъ вашъ М. Г.

— Только то и было? спрашивала Марта.

— А тебѣ чего еще хочется? отвѣчалъ, смѣясь, Якимъ.

— А какъ же тамъ батюшка съ матушкою говорилъ ты, что въ письмѣ написано?

— А дзусъ вамъ знать, цокотухи! и при этомъ онъ клалъ письмо за образъ.

Смѣючися, пролетали годы надъ хуторомъ; Марко выросталъ и сдѣлался юношей и какимъ юношей? Просто чудо! Бывало, сельскія красавицы не налюбуются на Марка Гирла.

Школу онъ оставилъ вотъ по какому случаю: однажды Марта, возвратясь изъ Кіева, занемогла да, прохворавши семь недѣль, и Богу душу отдала. Долго плакалъ старый Якимъ и плачучи поселился наконецъ въ своей пасици! Надо было для утѣхи старика взять изъ школы Марка. Лукія такъ и сдѣлала. Пускай себѣ, думала она: чего не доучился въ школѣ, доучится дома; а старику бѣдному все таки будетъ розвага, а то и онъ умретъ, бѣдный, съ тоски та съ горя.

И въ воскресенье, разсчитавшися съ дьячкомъ и отцомъ Ниломъ, привезли Марка на хуторъ. Обрадовался, ожилъ Якимъ, увидя передъ собою существо, которое одно только и привязывало его къ жизни.

До прибытія Марка изъ школы старый Якимъ былъ похожъ на Афанасія Ивановича послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, съ тою разницею, что въ домѣ и вообще въ хозяйствѣ не было замѣтно того печальнаго запустѣнія, какое было видно въ домѣ Афанасія Ивановича послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, потому что у него осталась Лукія.

Бывало, сидитъ бѣдный старикъ въ пасѣкѣ нѣсколько часовъ сряду, головы не подымая, только вздохнетъ и утретъ машинально слезу, скатившуюся на сѣдые усы, вздохнетъ опять и опять заплачетъ, и такъ просиживалъ онъ до тѣхъ поръ, пока Лукія приходила звать его обѣдать; тогда молча вставалъ онъ и шелъ за Лукіею въ хату. Она заводила съ нимъ рѣчь о хозяйствѣ, о чума-

кахъ, о пчелахъ, о яблокахъ, но онъ отвѣчалъ только *да* или *нѣтъ*. Однажды она ему сказала:

— Вы бы взяли хоть псалтирь прочитали за ея грѣшную душу, и вамъ бы легче стало.

Якимъ молча съ полки досталъ псалтирь и пошелъ въ садъ (Марта была похоронена въ саду между старыми липами) и остановился надъ могилою Марты, раскрылъ книгу, перекрестился и началъ читать: *Блаженъ мужъ*, когда же дочитался до славы и началъ читать: *Со святыми упокой*, то не могъ проговорить рабу твою Марту, залился старикъ слезами и книга изъ рукъ упала на могилу.

Такъ то время и уединеніе связываютъ простосердечныхъ людей другъ съ другомъ. Благословенно и время, и уединеніе, простосердечные люди!

Якимъ съ каждымъ днемъ оживалъ болѣе и болѣе. Лукія угождала и ухаживала за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, а Марко, не смотря на его юность и, какъ Гоголь говоритъ, юркость, не отставалъ отъ него ни на минуту. Онъ уже зналъ, что онъ не родной его сынъ и въ глубинѣ молодой души своей чуствовалъ все благо, сдѣланное ему чужими добрыми людьми. Онъ иногда задумывался и спрашивалъ себя: «кто же мой отецъ и кто моя мать? и, разумѣется, оставался безъ отвѣта.

Каждую субботу съ утра до обѣда читалъ онъ псалтирь надъ могилою Марты, а Якимъ, стоя около него, молился и плакалъ и плачучи шепталъ иногда:

— Кто же бы за твою душу теперь псалтирь прочиталъ, еслибъ мы его не отдали въ школу? Читай, сыну! читай, моя дитино! Она съ того свѣта услышитъ и спасибо тебѣ скажетъ. Душа ея праведная по мытарствахъ теперь ходитъ,—и старикъ снова залился слезами.

А между тѣмъ Марку пошелъ уже двадцатый годъ, пора уже ему было и вечерныци посѣтить, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Дождавшись осени, онъ это и сдѣлалъ, и такъ удачно, что послѣ перваго посѣщенія вечерницъ, возвратясь домой, сталъ у Якима просить благословенія на женитьбу.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ Якимъ, выслушавши его: я думалъ, что онъ все еще школяръ, а онъ уже во куда лѣзетъ! Рано, рано,

сыну! ты сначала погуляй, попарубкуй немного, почумакуй, привези мени гостинець зъ Крыму, або съ Дону; а то—ну самъ ты скажи, какая за тебя безъ усего выйде, развѣ какая безпріютная! А вотъ спросимъ у Лукіи, я думаю, и она скажеть, что еще рано.

Спросили у Лукіи, и она сказала, что рано. Марко нашъ и носъ повѣсилъ, а между тѣмъ ночевать сталъ ходить у клуню: въ хатѣ ему, видите, стало душно.

— Знаю я, чего тебѣ душно! говорилъ, улыбаясь, старый Якимъ, а Лукія ничего не говорила, только по цѣлымъ ночамъ молилась Богу, чтобы Богъ сохранилъ его отъ всякаго скверпаго дѣла, отъ всякого нечистаго соблазна.

Однажды послѣ обѣда, когда Якимъ отдыхалъ, она вызвала Марка въ другую хату и ласково спросила у него:

— Скажи мнѣ, Марку, по истинной правдѣ, кого ты полюбилъ, на комъ ты думаешь жениться?

Марко росписалъ ей свою красавицу, какъ и всѣ любовники расписываютъ, что она и такая, и такая, и красавица и раскрасавица, что лучше ея во всемъ мірѣ нѣтъ. Лукія съ умиленіемъ слушала своего сына и сказала наконецъ:

— Вѣрю, что краще ея во всемъ мірѣ нѣтъ, а скажи ты мнѣ, какого она роду? кто отецъ ея и кто такая мать? что они за люди, и какъ они съ людьми живутъ?

— Честнаго она и богатого роду.

— Богатства тебѣ не нужно: ты самъ, слава Богу, богатый, а скажи ты мнѣ, любишь ли ты ее?

— Какъ свою душу! какъ святого Бога на небесахъ!

— Ну, Марко, я тебѣ вѣрю, ты ее любишь, а когда любишь, то ты ей зла не сдѣлаешь. Смотри, Марку! сохрани тебя матерь Господняя, если ты ее погубишь: не будеть тебѣ прощенія ни отъ Бога, ни отъ добрыхъ людей!

— Какъ же я погублю ее, скажи ты мнѣ, когда я ее люблю?

— Какъ погубишь? Дай, Господи, чтобы ты и не зналъ, какъ вы насъ губите, какъ мы сами себя губимъ.

— Лукіе, ты давно у насъ живешь, скажи мнѣ, не знаешь ли ла ты, кто такая моя мати?

Лукія при этомъ неожиданномъ вопросѣ затрепетала и не могла отвѣтить ни слова.

— Скажи мнѣ! скажи, ты вѣрно знаешь.

Лукія едва отвѣтила: «не знаю!»

— Знаешь! ей Богу, знаешь! Скажи мнѣ, моя голубко, моя матинко! и онъ хватилъ ее за руки.

— Марта, отвѣтила Лукія тихо.

— Ни, не Марта, я знаю, что не Марта! Я знаю, что я байстрюкъ, подкидышъ!

Лукія схватила его за руку, сказавши: «молчи, кто-то идетъ!» и вышла быстро изъ хаты.

— Она вѣрно знаетъ, подумалъ Марко и вышелъ вслѣдъ за нею.

Дождавшися весны, Якимъ поручилъ все хозяйство Лукіи, а самъ, по обѣщанію, поѣхалъ въ Кіевъ, взявъ и Марка съ собою. Лукія не пропу́скала ни одного воскресенья, чтобы не побывать въ селѣ, а послѣ обѣдни всегда заходила къ матушкѣ и послѣ обѣда долго съ нею бесѣдовала на единѣ. Она распрашивала попадью о своей будущей невѣсткѣ и узнала, что она честнаго и хорошаго роду и что про нее дурной славы не слыхать. Наконецъ она черезъ попадью и сама познакомилась съ нею, и увидѣла, что сынъ и попадья говорятъ правду.

Черезъ мѣсяцъ Якимъ съ Маркомъ возвратилися на хуторъ и навезли разныхъ дорогихъ гостинцевъ своей наймичкѣ, а для себя привезли, кромѣ синяго сукна и китайки, *Ефрема Сирина* и Житія святыхъ отецъ за весь годъ.

Дни лѣтніе и длинные вечера осенніе Марко читалъ святыя книги, а Якимъ слушалъ и обновлялся духомъ. Онъ пришелъ въ свое нормальное положеніе, подъ часъ не прочь былъ послушать, какъ отецъ Нилъ играетъ на гусляхъ и какъ отецъ діаконъ поетъ: «всякому городу нравъ и права» и прочее такое, только всегда приговаривалъ: «охъ, якъ-бы теперъ со мною была Марта! дали-бъ мы себе знать!» И послѣ этого всегда старикъ задумывался, а часто и плакалъ, говоря: «сирота я! сиротою такъ и въ домовину ляжу. Марко! такъ чтожъ Марко? звычайне не чужій! Оженю его, непремѣнно оженю послѣ Покровы, а лѣтомъ пускай сходитъ въ дорогу, та привезе мени зъ Крыму сыву шапку, таку сыву, какъ моя голова». А Марко, прочитавши житіе какого нибудь святого, отправлялся въ клуню ночевать, т. е. въ село къ своей возлюбленной.

А Лукія, уложивши спать стараго Якима, молилася до полуночи Богу, чтобы охранялъ онъ ея сына отъ всякаго зла.

Весною снарядивши новые возы, новыя мережаныя ярма, притыки, лушни и занозы, Якимъ отправилъ своего Марка чумаковать на Донъ за рыбою.

— Иди-жъ, мой сыну! говорилъ онъ: та вези своій молодіи подарки; послѣ Покрова, дастъ Богъ, мы васъ и скрутимо.

Марко съ горемъ пополамъ отправился на Донъ за рыбою. А Лукія, взявши котомку на плечи, пошла въ Кіевъ помолиться святымъ угодникамъ о благополучномъ возвращеніи сына съ дороги. Якимъ одинъ остался на господѣ. Онъ, распорядившись весенними работами, вынулъ пчелъ изъ погреба, разставилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, по пасѣкѣ, взялъ *Ефрема Сирина* и поселился на все лѣто въ пасѣкѣ. Лукія между тѣмъ пришла въ Кіевъ, стала у какой-то мѣщанки на квартирѣ и, чтобы не платить ей денегъ за квартиру и за харчъ, взялася ей носить воду для домашняго обиходу. Въ полдень она носила воду изъ Днѣпра, а по утру и въ вечеру ходила по церквамъ святымъ и пещерамъ. Отговѣвшись и причастившись святыхъ таинъ, она на сбереженныя деньги купила небольшой образокъ святого гробокопателя Марка, колечко у Варвары Великомученицы и шапочку Ивана Многострадальнаго, уложила все это въ котомочку и, простившись съ своею хозяйкою, возвращалася домой. Только не доходя уже Прилукъ, именно въ «Дубовому гаи», занемогла пропасницею. Кое-какъ доплелася она до Ромна, а изъ Роменъ должна была нанять подводу до хутора, потому что уже не въ силахъ была идти; а она хотѣла зайти въ Густыню, въ то время только возобновлявшуюся, и не удалось ей, бѣдной! Испугался старый Якимъ, когда ее увидѣлъ. Исхудала, постарѣла, какъ будто съ креста снятая! говорилъ онъ.

— Чи не послать намъ за знахаркою? спрашивалъ ее Якимъ.

— Пошлить, бо я страхъ нездужаю!

И Якимъ не послалъ, а самъ поѣхалъ въ село и привезъ знахарку. Знахарка лечила ее мѣсяцъ-другой и не помогала.

Во время самой нѣжной моей юности (мнѣ было тогда 13 лѣтъ) я чумаковалъ съ покойникомъ отцемъ. Выѣзжали мы изъ Гуляй-поля, я сидѣлъ на возѣ и смотрѣлъ не на Новомиргородъ, лежащій въ долинѣ надъ Тикичемъ, а на степь, лежащую за

Тикичемъ, смотрѣлъ и думалъ (а что я тогда думалъ, то разгадаетъ только одинъ Богъ). Вотъ мы взяли себѣ, перешли въ бродъ Тикичъ, поднялися на гору, смотрю, опять степь, степь широкая, безпредѣльная, только чуть мрѣетъ влѣво что-то похожее на лѣсокъ. Я спрашиваю у отца, что это видно.

— Девятая рота, отвѣчаетъ онъ мнѣ; но для меня этого недовольно. Я думаю: что это девятая рота?

Степь и все степь.

Наконецъ мы остановилися ночевать въ «Дидовой балкѣ».

На другой день та же степь, и тѣ же дѣтскія думы.

— А вотъ и Елисаветъ! сказалъ отецъ.

— Гдѣ? спросилъ я.

— Вонъ на горѣ цыганскіе шатры бѣлѣютъ.

Къ половинѣ дня мы пріѣхали въ Грузовку, а на другой день поутру уже въ самый Елисаветъ.

Грустно мнѣ, печально мнѣ вспомнить теперь мою молодость, мою юность, мое дѣтство беззаботное! Грустно мнѣ вспоминать теперь тѣ степи широкія, безпредѣльныя, которыя я тогда видѣлъ и которыхъ уже не увижу никогда.

Побывавши въ Таганрогѣ и Ростовѣ, Марко съ своими чумаками вышелъ въ степь, и не почтовымъ шляхомъ, прямували чумаки черезъ Орель и старыя Санжары. Въ Санжарахъ, переправившись черезъ Ворсклу, задали чумаки пиръ добрымъ людямъ. Купили три цебра вина, наняли троисту музыку, та и понесли вино передъ музыкантами. Кого встрѣтятъ, панъ ли онъ, мужикъ ли, все равно: «стой! пый горилку»! Музыка играетъ, а чумаки всѣ до одного танцуютъ. Съ такимъ-то торжествомъ прошелъ Марко черезъ Санжары.

Въ Бѣлоцерковкѣ повторилось тоже, а въ Миргородѣ, хоть и не было переправы, чумаки таки сдѣлали свое.

— Хоролъ хоть и не велика рѣчка, а все таки, говорили они, треба свято отбувати.

И отбули свято. Въ Миргородѣ они взяли уже не четыре цебра вина, а бочку, и весь городъ покотомъ положили, а о музыкантахъ и танцахъ и говорить нечего.

Изъ Миргорода съ Божію помощью вышли на Ромоданъ.

Вышедши на Ромоданъ и попасши волы, чумаки потянулися по Ромодану на Роменъ.

Идуть соби чумаченьки
Та йдучи спивають.

Что же ты, Марку, что же ты не поешь съ товарищами-чумаками?—А вотъ почему я не пою съ товарищами-чумаками: покинулъ я дома молодую дѣвушку; что теперь сталося съ нею? Везу я ей съ Дону парчи, аксамиту, всего дорогого, а она, быть можетъ, моя молодая, вышла за другого.

И чѣмъ ближе подходили они къ корчмѣ, отъ которой ему поворачивать надо вправо, тѣмъ онъ грустнѣе становился.

— Что это мнѣ эта наймичка не йдетъ съ ума?.... а може вона скаже, прибавлялъ онъ въ раздумьи.

Минули Лохвицю, прыйшли и до корчмы. Попрощался Марко съ своими товарищами-чумаками, какъ слѣдуетъ, подякувавъ ихъ за науку и поворотилъ себѣ на хуторъ съ своими возами.

Путь не великъ: всего, можетъ быть, пять верстъ, но онъ остановился съ свою валкою ночевать въ полѣ. Наймиты себѣ ночуютъ въ полѣ около возовъ и воловъ, а онъ побѣжалъ къ своей возлюбленной.

Серце мое! доля моя!
Моя Катерино!

сказалъ онъ ей, когда она вышла въ вишнякъ. Онъ много говорилъ ей подобныхъ рѣчей, говорилъ потому, что не зналъ, что дѣлается дома, а дома дѣлалося вотъ что.

Знахарка довела своими лѣкарствами бѣдную Лукію до того, что Якимъ просилъ отца Нила съ причетомъ отправить надъ нею маслосвятіе. Послѣ этого духовнаго лекарства Лукіи сдѣлалось лучше: она начала по крайней мѣрѣ говорить, и первое слово, что она сказала, это былъ вопросъ:

— Что, не пришелъ еще?

— Кто такой? спросилъ Якимъ.

— Марко! едва прошептала она.

Къ вечеру ей стало лучше, и она просила Якима послать постель на полу. Когда перенесли ее на полъ, то она показала знакомъ Якиму, чтобы онъ сѣлъ около нея. Якимъ сѣлъ, и она ему шопотомъ сказала:

— Я не дождуся его, умру! у мене есть гроши, отдасте ему. Вся плата, что я отъ васъ брала, у мене спрятана въ коморѣ, на

горищи, подъ соломянымъ жолобомъ. Отдайте ему: я для него ихъ прятала; та отдайте ему еще образокъ Марка святого Гробокопателя, что я принесла изъ Кіева, а молодій его, когда пойдутъ вѣнчаться, отдайте перстень святой Варвары, а себѣ, мой тату, возьмить шапочку святого Ивана.

И, помолчавши, она сказала:

— Охъ мнѣ становится трудно: я не дождусь его, умру! а онъ долженъ быть близко: я его вижу. И, снова помолчавъ, спросила: еще далеко до свѣта?

— Третьи пѣтухи только что пропѣли, отвѣтилъ Якимъ.

— Дай-то Господи мнѣ до утра дожить, хоть взглянуть на него. Онъ поутру пріѣдетъ.

А въ ту ночь, когда она исповѣдывалась Якиму, Марко цѣловалъ свою нареченную, стоя съ нею подъ калиною, и говорилъ ей сладкія, задушевныя, упоительныя, юношескія рѣчи, замолкалъ и долго молча смотрѣлъ на нее и только цѣловалъ ея прекрасныя карія очи.

Пропѣли третьи пѣтухи; вскорѣ начала заниматься заря.

— До завтра, мое сердце единое! сказалъ Марко, цѣлуя свою невѣсту.

— До завтра, мій голубе сизый! и они разстались.

— Иде, иде.... шептала больная, когда взошло сонце. О! чуете, ворота скрипнули.—Якимъ вышелъ изъ хаты и встрѣтилъ Марка съ чумаками входящаго во дворъ.

— Иди швидче въ хату! сказалъ обрадованный Якимъ Марку: я я тутъ и безъ тебе ладъ дамъ.

Марко вошелъ въ хату. Больная, увидя его, вздрогнула, приподнялася и протянула къ нему руки, говоря: сыну мой! моя дитино, иди, иди до мене!

Марко подошелъ къ ней.

— Сядь, сядь коло мене, нагни мени свою голову.

Марко молча повиновался. Она схватила его кудрявую голову исхудалыми руками и шептала ему на ухо:

— Прости! прости мене!... я... я... я твоя мать.

Когда Якимъ возвратился въ хату, то увидѣлъ, что Марко плача цѣловалъ ноги уже умершей наймички.

25 Февраля 1844.
Переяславъ.

ШАГИНЪ-ГИРЕЙ, ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ.

(Историческій очеркъ).

I.

Въ XVIII в. крымское ханство очутилось лицемъ къ лицу съ могущественной Россіей, стремившейся осуществить свою историческую задачу—завладѣть южнымъ моремъ и прилегающими къ нему плодоносными черноземными степями и тѣмъ уничтожить послѣдній оплотъ мусульманства, упорно державшійся на классической почвѣ той Тавриды, откуда нѣкогда распространился свѣтъ христіанства на древнюю Русь. Ханство, лишенное въ самой своей основѣ элементовъ организаціи, которая обезпечивала-бы ему прочное существованіе, и постоянно раздираемое внутренними неурядицами [1]), падало предъ надвигающимся на югъ сильнымъ сосѣдомъ. Походы Миниха и Ласси были однимъ изъ такихъ ударовъ, послѣ которыхъ ханство оправилось, только благодаря усиліямъ единовѣрной Турціи, и то на время, чтобы дожить до новаго удара, болѣе разрушительнаго. Турецкая война 1768—1774 года и послѣдовавшій въ 1771 г. походъ Долгорукова въ Крымъ были новымъ ударомъ, послѣ котораго Крымъ не могъ уже подняться. Послѣдующее время было для него не болѣе, какъ предсмертной агоніей, долженствующей закончить его историческую жизнь.

Послѣдніе дни политической жизни ханства связаны съ жизнью и дѣятельностью одной изъ интересныхъ личностей, занимавшихъ когда либо ханскій престолъ, съ личностью Шагинъ-Гирея. Инте-

---

[1]) Исторія царства Херс. Тавр. Богуша, т. II, стр. 351—373.

ресъ, возбуждаемый имъ, заключается какъ въ его дѣятельности, весьма поучительной съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія ханства, такъ и въ его не лишенной драматизма судьбѣ. Не мало султановъ (членовъ фамиліи Гиреевъ) толпилось при дворѣ крымскаго хана предъ началомъ турецкой войны; но изъ среды всѣхъ выдѣлялся сынъ Мехмедъ-Гирей хана, Шагинъ-Гирей. Родившись въ Адріанополѣ, сборномъ пунктѣ проживавшихъ въ Румеліи Гиреевъ и имѣвшихъ тамъ свои родовыя владѣнія, Шагинъ рано лишился отца [1]). Первоначальное образованіе, даваемое заурядно всѣмъ молодымъ султанамъ, показало въ молодомъ Шагинѣ самый воспріимчивый умъ, сообразительность и развило въ любознательномъ отъ природы мальчикѣ интересъ къ образованію. Превратности, зачастую испытываемыя Гиреями, заставили мать его найти себѣ пріютъ въ Ѳессалоникахъ [2]). Здѣсь юноша нашелъ возможность удовлетворить своей любознательности. Случай помогъ ему попасть отсюда въ Италію. Проживая въ Венеціи, Шагинъ изучилъ италіанскій языкъ, а помощію его познакомился съ западно-европейскою образованностію, чему помогло также знаніе греческаго языка. Шагинъ принялъ видъ европейца. Дядя его, извѣстный Керимъ-Гирей Шагинъ, на котораго онъ походилъ своими способностями, полюбилъ племянника и вызвалъ въ Крымъ, гдѣ опредѣлилъ его сераскиромъ въ ногайскую орду, состоявшую изъ кочевыхъ ордъ буджаковъ, едисанцевъ, едичкуловъ и джамбулуковъ, растянувшихся своими кочевьями на всемъ протяженіи южныхъ степей отъ рукавовъ Дуная до Кубани. Ставши начальникомъ едисанцевъ, жившихъ въ очаковской области къ западу отъ Днѣстра до Днѣпра, 20-ти лѣтній сераскиръ скоро пріобрѣлъ вѣсъ, благодаря своему умѣнію и энергіи. Но не долго онъ управлялъ. Начавшаяся война Россіи съ Турціей, заставившая ногайцевъ двинуться на разореніе Украйны и затѣмъ принять участіе въ войнѣ, послѣдовавшая смерть Керима и возведеніе на крымскій престолъ новаго хана, назначеннаго изъ Константинополя, заставляютъ Шагина исчезнуть на время со сцены. Мы его видимъ уже въ Бахчисараѣ въ ряду другихъ кормившихся при дворѣ султановъ—чутко прислушивающимся къ вѣстямъ приходившимъ съ Дуная.

---

[1]) „Дѣянія кн. Г. А. Потемкина“, Рус. Арх., 1867 г., т. I, стр. 1210.

[2]) Ibid.

А вѣсти были не добрыя. Планъ Екатерины, составленный ею въ самомъ началѣ войны и переданный начальнику 2-й арміи Панину для исполненія—оторвать татаръ отъ Порты и, сдѣлавъ изъ нихъ независимое государство, «лишить тѣмъ Турцію правой руки» [1]), сталъ осуществляться. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ въ іюлѣ 1770 года, взятіе въ сентябрѣ Бендеръ Панинымъ сильно подѣйствовали на ногайцевъ. Чтобы получить доступъ на родныя степи, ногайскія орды едисанцевъ и буджаковъ отказызываются отъ турецкой зависимости, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ могла быть для нихъ только вредна, и вступаютъ въ союзъ съ Россіей. Тогда кочевники, оставивъ Панину своихъ аманатовъ, были перепущены чрезъ Днѣстръ [2]). Послѣ этого Панинъ разослалъ своихъ агентовъ—запорожскихъ козаковъ и нѣкоторыхъ присланныхъ имъ мурзъ во всѣ ногайскія кочевья и въ Крымъ. Едичкулы и джамбулуки безъ труда склонились на убѣжденія панинскихъ агентовъ, въ силу тѣхъ-же соображеній, которыми руководствовались родичи ихъ едисанцы и буджаки, отказавшись отъ Турціи, отъ которой они не чаяли для себя пользы. Жившіе въ сѣверной части Крыма стали выходить отдѣльными аулами на соединеніе съ своими: вышли многіе едичкулы, потянулись къ едисанцамъ и джамбулуки, спѣшившіе увѣрить главу едисанцевъ Джанъ-Мамбета, усердно хлопотавшаго во имя союза съ Россіей, въ своемъ отступленіи отъ Порты [3]). Всѣ они собрались главнымъ станомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда были переведены и присягнувшіе уже Россіи едисанцы и буджаки. Пока на Днѣпрѣ кочевнники толковали о новомъ своемъ положеніи и заняты были окончательнымъ улаженіемъ дѣла, панинскіе агенты вербовали приверженцевъ въ Крыму.

Опасность со стороны Россіи, слабость Турціи, отступленіе едисанцевъ и буджаковъ, выходъ едичкуловъ изъ Крыма, наконецъ панинскія обѣщанія—все это произвело расколъ въ Крыму. Одни изъ личныхъ выгодъ, другіе, въ виду безпомощнаго положенія отечества и опасности, грозившей со стороны Россіи, третьи, подчи-

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., т. I, стр. 7.

[2]) Ibid., 56 стр.

[3]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 124 стр.

няясь губительному дѣйствію примѣра, соглашались съ панинскими предложеніями. Началась «негоціація» съ крымцами, при которой въ качествѣ знатока крымскихъ дѣлъ состоялъ переводчикъ Якубъ-Ага [1]). Но негоціація шла вяло. Она показала, что происходившее въ Крыму, не болѣе, какъ одно шатаніе, которое не дастъ рѣшительныхъ результатовъ до того времени, пока крымцамъ не будетъ показана опасность огня и меча. Только этимъ можно было вынудить у крымцевъ то, на что кочевники соглашались легко и добровольно. Тогда рѣшились употребить сильную мѣру и по плану войны второй арміи назначено было идти въ Крымъ [2]). Начальствованіе надъ этой арміей было отнято у Панина и передано Долгорукову, а веденіе татарской негоціаціи поручено правителю слободской губерніи Щербинину, въ помощь которому былъ данъ Веселицкій [3]).

Но прежде чѣмъ идти въ Крымъ, главнокомандующій попробовалъ мирные переговоры, и съ этою цѣлью посылаетъ въ Бахчисарай Мавроени, брата вѣрнаго Джанъ-Мамбета, Мелису-мурзу и, въ качествѣ повѣреннаго отъ джамбулуковъ, Али-агу. Посланные явились съ рѣшительнымъ предложеніемъ отъ главнокомандующаго. Хана Селимъ-Гирея въ то время не было въ Крыму: онъ былъ на Дунаѣ и мѣсто его заступалъ паша (вице-ханъ, наслѣдникъ). Въ отвѣтъ на заявленное предложеніе, паша велѣлъ посадить пословъ подъ стражу и затѣмъ созвалъ совѣтъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ, въ числѣ другихъ, и Шагинъ-Гирей. Совѣтъ началъ съ того, что рѣшилъ вѣшать такихъ людей, которые, подобно Мавроени, пріѣзжаютъ возмущать народъ, а своихъ, какъ Мелису-мурзу и Али-агу, сжечь живыми [4]). Въ эту рѣшительную минуту выступилъ Шагинъ.

Уже давно приближенные видѣли Шагина занятаго какой-то мыслью и имѣвшаго озабоченный видъ. Съ одной стороны онъ ясно сознавалъ дѣйствительное положеніе Крыма, которому Турція не могла оказать помощи и въ который готовы вступить русскіе, ясно пред-

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XIII, 255 стр. Архивъ Госуд. Совѣта. т. I, 67 стр.

[2]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 67 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 221, 222 стр.

ставлялъ себѣ выходъ изъ подобнаго положенія и потому въ душѣ вполнѣ раздѣлялъ предложенія панинскихъ агентовъ, тѣмъ болѣе, что эти предложенія могли коснуться его, Гирея, самой выгодной стороной. Съ другой стороны важность дѣла и соединенныхъ съ нимъ послѣдствій, его неизвѣстность, желаніе дѣйствовать на вѣрняка—заставляли его выжидать болѣе удобной минуты. Она наступила: Мавроени объявляетъ рѣшительное предложеніе главнокомандующаго, а татарскіе послы окончательное рѣшеніе отпавшихъ собратій. Между тѣмъ калга и совѣтъ въ отвѣтъ на такія заявленія рѣшаютъ оборвать однимъ ударомъ всѣ свои отношенія къ Россіи и къ отложившимся татарамъ и выступить на путь совершенно имъ враждебный. И вотъ Шагинъ на предложеніе совѣта казнить пословъ заявляетъ, что отъ гибели Мавроени Россія не потерпитъ ущерба, но гибель его не принесетъ добра и Крыму [1]); послѣ этого милости отъ Россіи нечего будетъ ждать, заключилъ эШагинъ. Оказалось, что его поддержалъ глава духовныхъ казамеръфендій и ихъ мнѣніе произвело свое дѣйствіе. Чрезъ нѣсколько дней Мавроени освобождаютъ и вмѣстѣ съ своими высылаютъ изъ Бахчисарая, въ Россію-же отправляютъ письмо совершенно неопредѣленное, такое, которымъ старались не досадить, вручивъ оное посланнымъ татарамъ.

Мавроени оставилъ Бахчисарай въ болѣе свѣтломъ настроеніи. Онъ везъ извѣстіе едисанцамъ о бывшемъ ихъ сераскирѣ, съ которымъ успѣлъ довольно познакомиться. Извѣстіе радостное: сераскиръ хвалилъ едисанцевъ и обѣщалъ имъ помощь, обѣщалъ пересылаться. Джанъ Мамбетъ не заставилъ себя ожидать, сталъ писать Шагину, Шагинъ ему и въ результатѣ этой переписки выяснились виды обоихъ лицъ. «Хочу писать къ нему, что-бы выѣхалъ къ намъ изъ Крыма, потому что съ его выѣздомъ между крымцами послѣдуетъ великая перемѣна: изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ», говорилъ Джанъ Мамбетъ Веселицкому, прибывшему въ едисанскія кочевья у Конскихъ Водъ [2]). Пришло и другое извѣстіе. Къ Веселицкому явился Абдулъ-Керимъ эфенди, увѣрялъ въ вѣрности и твердости едисанцевъ и буджа-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. 223 стр.

ковъ и объявилъ, что все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы Шагинъ-Гирея, если это императрицѣ будетъ угодно. 8-го апрѣля 1771-го года Щербининъ даетъ знать объ этомъ въ Петербургъ и спрашиваетъ, какъ поступить съ предложеніемъ, избрать ли, т. е., для отступившихъ отъ Порты ногайцевъ особаго хана, чтобы этимъ положить начало независимости татаръ. Но въ Петербургѣ интересовались не столько ногайцами, сколько Крымомъ и ожидали болѣе благодѣтельныхъ послѣдствій для татарской негоціаціи отъ подготовлявшагося въ Крымъ похода, чѣмъ отъ ногайскихъ предложеній. Вотъ почему 13 мая пришелъ отвѣтъ: поддерживать ногайцевъ и ихъ предложеніе, но ничего не предпринимать дла его осуществленія [1]). Лучше всего заняться передвиженіемъ ордъ для того, что-бы очистить второй арміи дорогу въ Крымъ. Дѣйствительно сильная мѣра противъ Крыма была принята: 14 іюля армія во главѣ съ Долгоруковымъ была уже за Перекопомъ и побѣдоносно направлялась въ самый центръ ханства. Спустя двѣ недѣли съ небольшимъ всѣ крымскіе города находились въ рукахъ русскаго войска. Взятіемъ Керчи окончился походъ, прибывшая къ Кафѣ турецкая помощь была отбита, крымцы смирились и согласились отказаться отъ зависимости Турціи, согласились вступить въ союзъ съ Россіей. Во время этихъ переговоровъ ханъ Селимъ бѣжалъ въ Турцію и крымскій престолъ сталъ избирательнымъ. 27 іюля крымское собраніе въ Карасубазарѣ подписало присяжный листъ о союзѣ съ Россіей. Затѣмъ стали выбирать хана и такимъ выбрали Сагибъ-Гирея, брата Шагинъ-Гирея, который дѣятельно руководилъ переговорами собранія съ главно-командующимъ, самаго же Шагина избрали пашею [2]).

Такъ возникло новое независимое государство, союзное съ Россіей, татарская область. По новому плану Щербниину велѣно было и не думать объ отдѣленіи ногайцевъ; наоборотъ ногайцы, признавъ ханомъ Сагиба, должны были составить съ крымцами одно государство [3]).

---

[1]) „Объ отложеніи татаръ“, жур. гр. Панина въ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1871 г., 4 кн., 48 стр.

[2]) Ibid., 66 стр.; Архивъ Госуд. Сов., т. I, 94—98 стр.

[3]) Ibid., 107 стр.

Теперь татарской области предстояло устроиться, надо было ей окончательно условиться съ союзникомъ, надо было засвидѣтельствовать ему свою дружбу и довѣріе, надо было уладить нѣкоторыя требованія, предъявленныя имъ.

Для засвидѣтельствованія дружбы и довѣрія былъ посланъ отъ имени татарской области калга Шагинъ-Гирей. Оставивъ крымцамъ самимъ условливаться и трактовать объ уступкѣ Россіи крѣпостей Керчи и Еникале, Шагинъ 25-го августа выѣхалъ въ Петербургъ, имѣя при себѣ присяжный листъ и грамоту объ избраніи Сагиба.— Калга прибылъ въ Петербургъ въ 20-хъ числахъ ноября. Ему отвели прекрасное помѣщеніе, окружили вниманіемъ. Вмѣсто 50 рублей, получаемыхъ имъ въ пути ежедневно на содержаніе, было назначено по прибытіи 100 рублей[1]). Съ первыхъ же дней пріѣзда крымскій наслѣдникъ обратилъ всеобщее вниманіе. Красивый, образованный татаринъ не чуждался общества и, очутившись въ центрѣ цивилизаціи, жилъ европейцемъ. Одно лишь самолюбіе Гирея привело его сначала къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Сознавая, какъ онъ самъ выразился, что въ его карманѣ и въ его силѣ заключается все, что касается татарскаго народа, онъ требовалъ, чтобы Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ. Изъ-за этого возникли столкновенія двора съ калгой. Сначала попробовали убѣдить его переговорами отстать отъ подобнаго требованія, какъ не идущаго къ нему, и чиновникъ иностранной коллегіи не мало истощилъ краснорѣчія въ разговорѣ по этому поводу съ Шагиномъ, но безуспѣшно. Тогда совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ письменное объявленіе, въ которомъ отъ имени императорскаго двора было указано на упрямство его въ неисполненіи обязанностей по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при императорскомъ дворѣ; пашѣ напомнили, что «онъ является, какъ посолъ хана крымскаго, просить о подтвержденіи его въ томъ достоинствѣ, которое получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея величества»[2]). Шагинъ отсталъ отъ своего требованія относительно визита, но его «претительность» не окончилась этимъ. 22-го ноября Панинъ жаловался совѣту, что

---

[1]) Ibid., 126 стр., Ист. Росс. Солов., 28 т., 229 стр.

[2]) Ист. Росс. Солов., 28 т., 231 стр.

паша не соглашается снимать шапки на предстоящей аудіенціи, такъ какъ того не позволяетъ ему магометанскій законъ, въ случаѣ нарушенія котораго ему нельзя будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству [1]). Послѣднему требованію пришлось уступить и, чтобы дать этому дѣлу благовидную окраску, совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ въ подарокъ шапку, по случаю освобожденія татарскихъ народовъ. По этой причинѣ, объявлялъ совѣтъ, императрица жалуетъ татарскому народу тотъ самый церемоніалъ, какой употребляется въ сношеніяхъ съ Портою и персидскимъ государствомъ, позволяя въ тоже время и всѣмъ вообще татарамъ отнынѣ являться вездѣ съ покрытыми головами [2]). Этимъ и окончились недоразумѣнія, послѣ чего Шагинъ сталъ готовиться къ аудіенціи. 28 ноября совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша долженъ былъ говорить на аудіенціи, слушалъ и отвѣтъ на нее [3]). Вслѣдъ за этимъ послѣдовала и аудіенція, на которой паша вручилъ привезенныя бумаги, произнесъ рѣчь и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе.

Послѣ этого Шагинъ зажилъ обыкновенной жизнью въ столицѣ, привлекая къ себѣ все большую и большую симпатію. Живой, любознательный паша не сидѣлъ дома въ кругу своихъ татаръ, которые пріѣхали послами отъ ногайскихъ ордъ. Съ свойственнымъ ему интересомъ присматривался онъ ко всему; не упуская изъ вида политики и извѣстій изъ Крыма и съ береговъ Дуная, Шагинъ одинаково интересовался и всей окружающей обстановкой. Онъ то бываетъ на парадахъ, то осматриваетъ достопримѣчательности въ области науки, искусства и промышленности, не пропускаетъ ни одного спектакля въ театрѣ, по воскресеньямъ послѣ обѣда смотритъ, какъ танцуютъ воспитанницы въ Смольномъ монастырѣ [4]). Однимъ словомъ весь Петербургъ, обращавшій сначала вниманіе на пріѣзжаго мусульманина, мало по малу на столько привыкъ его постоянно видѣть, что появленіе его въ публичныхъ мѣстахъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Любезность,

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 122 стр.

[2]) Ibid., 125 стр. Истор. Росс. Сол., 28 т., 231 стр.

[3]) Арх. Госуд. Совѣтъ, т. I, 127 стр.

[4]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.

привѣтливость, внѣшній лоскъ, развивавшіеся подъ вліяніемъ петербургской обстановки, пріобрѣли ему много поклонниковъ. Его находили интереснымъ. Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина писала: «у насъ здѣсь въ настоящее время паша султанъ, братъ независимаго хана крымскаго; это молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, умный и желающій себя образовать» [1]. Въ другомъ письмѣ императрица дѣлала такой отзывъ о немъ: «крымскій дофэнъ—самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не по татарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его» [2].

Одинъ только Панинъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на Шагина и огорчался тѣми тратами, которыя дѣлалъ татарскій дофинъ на свою европейскую жизнь. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ калга получилъ, кромѣ подарковъ: шубы, платья, богатаго серебрянаго сервиза и выдаваемаго суточнаго жалованья, еще пять тысячъ на расходы. Не на долго хватила выданная сумма. Панинъ долженъ былъ испросить новую сумму [3]. Выдали 10 т., которыя также скоро были израсходованы. Шагинъ нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ на сторонѣ, закладывая драгоцѣнныя вещи, полученныя имъ въ подарокъ отъ императрицы. Такъ, по случаю аудіенціи въ Царскомъ Селѣ, ему были пожалованы перстень и табакерка. Эти вещи онъ заложилъ купцу Лазареву и Панину пришлось выкупить ихъ потомъ за 8,500 рублей [4].

17 февраля 1772 года послы отъ четырехъ ногайскихъ ордъ были отпущены изъ Петербурга съ Высочайшими грамотами на имя каждаго изъ ногайскихъ народовъ [5]. Въ началѣ мая выѣхали и прибывшіе съ Шагиномъ крымскіе депутаты, которымъ вручили одну грамоту крымскому обществу, другую «возвѣстительную» хану [6]. Самъ Шагинъ остался въ Петербургѣ.

Какъ представитель татарской области, объявившей себя въ союзѣ съ Россіей, Шагинъ и не могъ выѣхать, ибо отношенія

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., XIII т., 180 стр.
[2]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.
[3]) Ibid., 349 стр.
[4]) Сб. Рус. Ист. Общ., 28 т., 206 стр.
[5]) Чт. Общ. Ист. и Древ. 71 г., 4 кн., 76 стр.
[6]) Ibid., 198 и 109 стр.

между двумя державами не были еще улажены. Союзники ни за что не соглашались уступить намъ Керчь и Еникале. Самъ ханъ возсталъ противъ предложенія отдать эти крѣпости въ видахъ обезпеченія татарской независимости. «Татарская область самостоятельна и независима, а потому она должна защищаться и отстаивать себя собственными средствами», говорилъ Сагибъ-Гирей Долгорукову [1]). Шагинъ писалъ брату и совѣтовалъ не упорствовать, но не помогъ дѣлу [2]).

Дѣла въ Крыму осложнялись подъ вліяніемъ партіи, тянувшей къ Турціи. Узнавъ, что Турція прервала свои переговоры, начавшіеся въ Фокшанахъ, изъ-за независимости татаръ и уступки крѣпостей, турецкая партія стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Она объявила, что Крымъ не хочетъ быть независимымъ и отвергала союзъ, объявленный Россіею. Щербининъ терялъ надежду на успѣхъ негоціаціи съ крымцами. Переговоривъ съ вѣрнымъ Джанъ-Мамбетомъ, онъ пишетъ въ Петербургъ о необходимости удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ, назначивъ имъ Шагива сераскиромъ и, отдѣливъ ихъ такимъ образомъ отъ крымцевъ, лишить Крымъ существенной поддержки [3]). Совѣтъ рѣшилъ имѣть въ виду планъ Щербинина, преддагаемый имъ во второй разъ, но подобно тому, какъ въ 1771 г. больше интересовались крымцами, чѣмъ ногайцами, такъ и теперь вниманіе было устремлено на Крымъ. Ногайцамъ рѣшили выдать до 10 т. рублей подарками, чтобы удержать ихъ отъ турецкихъ соблазновъ, и занялись Крымомъ, который возвращался къ прежнему своему положенію. Опять потребовались болѣе существенныя мѣры, чѣмъ безполезныя увѣщанія. Генералу Щербатову было приказано стянуть войска, а генералу Прозоровскому идти съ корпусомъ въ Крымъ [4]). Щербининъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ обласканныхъ ногайцевъ и, пославъ отъ нихъ депутатовъ въ Крымъ, требовать исполненія данныхъ Россіи обѣщаній. Наконецъ Долгоруковъ долженъ былъ, по приведеніи въ исполненіе нужныхъ мѣръ,

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 347 стр.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 141 стр. Чт. Общ. Ист. и Древ., 71 г., 4 кн., 125 стр.

[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, 153 стр.

[4]) Сбор. Русс. Ист. Общ., т. XIII, стр. 269. Арх. Гос. Сов., I т., 168 стр.

заключить формальный трактатъ съ татарскою областью, который, помимо установленія отношеній между осоюзившимися державами, нуженъ былъ въ переговорахъ съ Турціею, отрицавшею татарскую независимость [1]).

Сталъ собираться въ дорогу и Шагинъ. 9-го августа совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша приготовилъ для отпускной аудіенціи [2]). Затѣмъ начались сборы. Шагину даны были новые подарки; подарена была сабля, оправленная въ золото и украшенная драгоцѣнными камнями. Для отправленія паши Панинъ просилъ денегъ и отправилъ совѣту счетъ въ 46,561 р., необходимыхъ на выѣздъ Шагина [3]). Нужно было еще выкупить заложенвыя вещи.

Но пока собирался Шагинъ, дѣла въ Крыму стали улаживаться и безъ него. 19 сентября Долгоруковъ разбилъ татарскія скопища, производившія безпорядокъ, а 29 Щербининъ былъ приглашенъ въ Карасубазаръ для соглашеній [4]). Здѣсь собрались ширины, знатные мурзы, депутаты отъ ногайцевъ, представители бейскихъ поколѣній. 1-го ноября они подписали трактатъ, которымъ татарскіе народы признавали себя независимыми, составляющими одну область, объявляли себя въ союзѣ и дружбѣ съ Россіею, въ знакъ чего уступали ей «во всегдашнее содержаніе» Керчь и Еникале [5]). Оставалось теперь ратификовать трактатъ и тѣмъ покончить недоразумѣнія.

Наконецъ въ концѣ года выѣхалъ изъ Петербурга Шагинъ. 10 декабря совѣтъ вручилъ ему письма для передачи Долгорукову и Щербинину [6]). Кромѣ того онъ везъ съ собою Высочайшій рескриптъ хану. Шагинъ вернулся въ Крымъ сильно измѣнившимся. Пребываніе въ Петербургѣ произвело на него рѣшительное вліяніе. Принимая близкое участіе въ татарскомъ дѣлѣ, которому въ Петербургѣ давали направленіе почти на его глазахъ, честолюбивый, паша сталъ смотрѣть на себя, какъ на призваннаго самой судьбою къ рѣшенію участи своего отечества. Обстоятельства подтверждали

---

[1]) Чтенія Общ. ист. и древ., 1871 г., 4 к. 131 стр.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 199 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., 207 и 208 стр.

[5]) Пол. Соб. Зак., т. XIX, № 13934.

[6]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 220.

это: Щербининъ два раза представлялъ въ Петербургъ о необходимости избрать его главой ногайцевъ и совѣтъ раздѣлялъ это предложеніе. Но что могло значить сераскирство или даже ханство надъ кочевниками для татарскаго дофина, увлеченнаго европейской цивилизаціей и тѣмъ могуществомъ, какое она доставляла? Въ его головѣ раждался образъ другой власти—образъ ханскаго престола независимаго отъ Турціи, могущественнаго, славнаго. Этотъ престолъ долженъ быть воздвигнутъ въ Крыму, который, получивъ независимость, долженъ воспрянуть къ новой жизни, къ новой роли, къ такой роли, которая въ состояніи была бы затмить все созданное когда либо Гиреями, превзойти славу Чингизовой монархіи. И эту жизнь могъ вдохнуть только онъ.

Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ высотѣ своего призванія. Образъ черноморской имперіи Гиреевъ, принимавшій болѣе и болѣе грандіозные размѣры, овладѣлъ всѣмъ его воображеніемъ.

Но пока, ему предстояло вступить въ обязанность паши при крымскомъ ханѣ, который не замедлилъ по прибытіи Шагина созвать совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ [1]). Въ это собраніе является Шагинъ. Здѣсь онъ превозноситъ щедроты государыни, объявляетъ, что будетъ всегда благодаренъ ей и усерденъ къ русскому союзу, заявляетъ, что Россія оказала Крыму неизъяснимое благо. предоставивъ ему независимость, ибо только въ союзѣ съ нею заключается счастіе и благоденствіе Крыма; потомъ съ укоромъ обращается къ собранію и спрашиваетъ, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману, нарушенію клятвы? [2]). Собраніе отвѣтило по своему: «мы одинаково боимся какъ Россіи, такъ и Турціи; находясь въ опасности отъ первой, мы согласились на ея предложенія, боясь другой, сносились съ нею, считая себя зависимыми. Дѣйствіями Россіи, отнимающей у насъ земли и обращающейся съ нами лживо, мы теперь обмануты и огорчены».—«Ничего подобнаго Россія не дѣлаетъ»! съ жаромъ возразилъ паша. Да если бы Россія захотѣла бы мстить за вѣроломство, то ничего ей не стоитъ обратить Крымъ въ пу-

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 29 т., стр. 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

стыню. И это можетъ случиться, если вы будете продолжать вести себя вѣроломно. Лучше выдайте мнѣ возмутителей спокойствія, если только хотите быть вольными помощью Россіи». Собраніе, которое недавно только подписало трактатъ дружбы съ Россіей, отвѣтило молчаніемъ. Шагинъ вышелъ изъ себя. «Полномочіе, возложенное на меня при отъѣздѣ въ Россію, обязываетъ васъ повиноваться!»— «Мы васъ не удерживаемъ; у насъ есть государь, которому мы и обязаны повиноваться» [2]).

Калгѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ жаловаться на «безпутство» своихъ единовѣрцевъ. Откровенно сознаваясь пріѣхавшему съ нимъ князю Путятину, что ничего не можетъ подѣлать съ единоземцами, которые, по его словамъ, вдесятеро стали хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде, онъ прибавилъ: «съ такими неблагодарными людьми, враждебными мнѣ и русскимъ, я не могу остаться, потому что обѣщалъ ея величеству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостанетъ быть полезнымъ Россіи и себѣ, то принужденъ буду покинуть страну и искать убѣжища подъ покровительствомъ императрицы» [2]). Путятинъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ. 11 апрѣля совѣтъ рѣшилъ: похвалить пашу за поведеніе и обнадежить его всегдашнимъ ея величества покровительствомъ [3]). Калга какъ говорилъ, такъ и сдѣлалъ: выѣхалъ изъ Бахчисарая и наконецъ остановился въ Перекопѣ [4]).

Но не для того онъ оставилъ столицу ханства, что-бы умыть руки въ крымскомъ дѣлѣ. Теперь крымскій вопросъ вступилъ въ новую фазу усложненій. Мирные переговоры съ Турціей въ Бухарестѣ убѣдили только въ упорствѣ турокъ, ни за что не соглашавшихся на признаніе Крыма независимымъ, не смотря даже на то, что имъ во очію представили союзный трактатъ Россіи съ Крымомъ, обнародованный 29 января 1773 г. Военныя дѣйствія возобновились, Турція готовилась дать отпоръ Румянцеву, извѣщала въ Крымъ, что пришлетъ помощь. Тогда Долгоруковъ стянулъ войска

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., стр. 31.

[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 243.

[4]) Ibid., стр. 236.

къ Перекопу, а Синявинъ съ своей флотиліей сталъ крейсировать вокругъ Крыма, на случай появленія турецкаго флота [1]). Въ это время у Перекопа Шагинъ ведетъ съ главнокомандующимъ бесѣду по душѣ. «Что-бы сдѣлать Крымъ независимымъ, нуженъ такой ханъ, увѣрялъ паша, который не боялся бы Турціи, а дѣйствовалъ бы рѣшительно». Шагинъ продолжалъ говорить о всегдашнемъ своемъ усердіи къ Россіи и въ концѣ концовъ обѣщалъ, что если его сдѣлаютъ самовластнымъ надъ татарами ханомъ, то онъ утвердитъ независимость Крыма отъ Порты [2]). 19 іюля Долгоруковъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ желаніи Шагина [3]). Совѣтъ, полулучивъ въ третій разъ предложеніе сдѣлать Шагина ханомъ, хотя по прежнему находилъ доводы паши основательными и справедливыми, все таки привести ихъ въ исполненіе не рѣшался, ибо это значило бы нарушить трактатъ, обнаружить свое вмѣшательство въ дѣла Крыма и этимъ дать себя въ руки Турціи. Совѣтъ сознавалъ, что не мало лѣтъ потребно для совершеннаго отдѣленія татаръ отъ Турціи и въ виду этого поручилъ только Панину обнадежить Шагина покровительствомъ императрицы и «всегдашнимъ въ случаѣ нужды сюда убѣжищемъ [4])». Но не успѣлъ еще этотъ отвѣтъ сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, стоящимъ при татарской негоціаціи, какъ, вслѣдствіе безпокойствъ на Кубани, снова пошло въ Петербургъ предложеніе о Шагинѣ.

Дѣло въ томъ, что Турція, ободрившись неудачей дунайской экспедиціи Россіи, дѣйствительно послала свои суда къ Тамани. Съ ними прибылъ на Кубань Девлетъ-Гирей. Сейчасъ на Кубани, бывшей всегда средоточіемъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ, выходившихъ изъ Крыма, въ лицѣ разныхъ искателей приключеній, въ лицѣ разнаго рода султановъ, «чаявшихъ движенія воды», пошло ходить извѣстіе, что Крымъ возвращается подъ власть Порты, почему она и назначила Девлетъ-Гирея ханомъ [5]). Ногайцы, жившіе на той сторонѣ, пришли въ движеніе, отъ котораго ихъ не

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, стр. 337.
[2]) Ист. Рос. Сол., т. 29, стр. 31.
[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 251.
[4]) Ibid., стр. 252.
[5]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 263.

могла удержать даже русская команда, находившаяся подъ начальствомъ Стремоухова, приставленнаго къ кочевникамъ. Русское вліяніе ослабѣло настолько, что Джанъ-Мамбетъ опять видѣлъ единственное средство спасенія въ отдѣленіи ногайцевъ подъ особое управленіе мощнаго сераскира, какимъ считался Шагинъ. И вотъ Щербининъ снова поднимаетъ въ совѣтѣ вопросъ объ избраніи Шагина ногайскимъ сераскиромъ и, какъ оказалось, для окончательнаго рѣшенія. Тайное вмѣшательство Турціи въ дѣла Крыма заставило Россію съ своей стороны поступать рѣшительнѣе. Пришелъ отвѣтъ: провести въ сераскиры Казы-Гирея, который также добивался начальствованія, а въ случаѣ его неудачи—Шагина [1]).

28 августа Шагинъ, сложивъ съ себя званіе калги, выѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ любезно принятъ. Ему обѣщали выдавать ежемѣсячно по 500 руб., а въ случаѣ, если по какимъ либо причинамъ онъ оставитъ Полтаву и переѣдетъ въ Петербургъ, то будетъ получать по 1000 руб. [2]). Чрезъ два мѣсяца Долгоруковъ получилъ новый рескриптъ, въ которомъ бывшему калгѣ увеличено было жалованье съ 500 р. на тысячу [3]). Между тѣмъ Казы-Гирей потерпѣлъ неудачу: Девлетъ, соединившись съ едичкульцами, напалъ на пристава Павлова, разсѣялъ его отрядъ и сталъ утверждаться среди ногайцевъ [4]). Тогда Щербининъ, взявъ на непредвидѣнные расходы изъ канцеляріи слободской губерніи 35 т., послалъ на Кубань Шагина. Съ нимъ ѣхалъ бригадиръ Бринкъ, а ихъ сопровождалъ отрядъ войска подъ начальствомъ Стремоухова. Съ своей стороны Долгоруковъ распорядился придвинуть войска къ мѣсту отправленія Шагина. Послѣдній уже прибылъ на Кубань и нашелъ дѣла въ лучшемъ положеніи: полковникъ Бухвостовъ успѣлъ разсѣять мятежныя толпы татаръ и занялъ важный пунктъ на Кубани—Копылу [5]). Помощью денегъ и прибывшихъ отрядовъ Шагинъ въ маѣ 1774 года утвердился на Кубани [6]).

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1871 г., кн. 4, стр. 160 и 161.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 260.

[3]) Ibid., стр. 267.

[4]) Ibid., стр. 275.

[5]) Ibid., стр. 277, 278 и 281.

[6]) Чтен. Общ. ист. и др., 1874 г., кн. 2, стр. 16—17.

Пока ограничились этимъ, такъ какъ Порта согласилась признать независимость татаръ, согласилась признать союзный трактатъ татарской области и Россіи и 10 іюля 1774 года заключила Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Итакъ заключенный миръ, казалось, долженъ былъ успокоить державы, долженъ былъ покончить между ними недоразумѣнія и утвердить за Крымомъ положеніе, предоставленное ему Россіей.

Но не успокоился Крымъ. Заключенный миръ образовалъ между нимъ и единовѣрною Турціей пропасть, которую оба мусульманскія государства стараются уничтожить.

Связанный узами духовнаго родства, Крымъ не могъ помириться съ оторванностью и тянулъ къ единовѣрной Турціи. Съ своей стороны послѣдняя, не смотря на незажившія еще раны, нанесенныя ей въ первую войну, не могла забыть о потерѣ Крыма, котораго Кайнарджійскій трактатъ не могъ съ формальной стороны оторвать отъ нея окончательно, сохранивъ за султаномъ право посылать калифское благословеніе каждому изъ новоизбираемыхъ хановъ.

По этимъ соображеніямъ только что заключенный съ Россіей трактатъ сталъ нарушаться. Крымцы, по выводѣ Долгоруковымъ расположенныхъ въ Крыму войскъ, отправляютъ депутацію въ Константинополь и поручаютъ ей заявить Портѣ, что они не желаютъ быть независимыми и просятъ принять ихъ подъ свою защиту [1]. Не смотря на неудачу, понесенную крымцами при нападеніи русскаго войска, волненія въ Крыму не унимались. Съ своей стороны Порта внимательно слушаетъ заявленія татарской депутаціи, посылаетъ въ Крымъ новаго пашу—Бахти-Гирея, поддерживаетъ Девлета, передвинувшагося изъ Кубани въ Крымъ, не признаетъ Сагиба ханомъ, какъ поставленнаго помощью Россіи [2].

Дѣла на это время приняли такой критическій оборотъ, что въ Петербургѣ рѣшили, въ случаѣ если Крыму суждено будетъ отойти къ Турціи, удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ [3]. Для

[1] Арх. воен.-пох. канц. гр. Румянцева въ Чт. Общ. ист. и др., 1866 г, кн. 1, стр. 4--5 11; Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 289.

[2] Чтен. Общ. ист. и древ., 1866 г., кн. 1, стр. 18; Арх. Гос. Сов., т. I, стр 301.

[3] Чтен. Общ. ист. и древ., 1872 г., кн. 2, стр. 92—93.

этой цѣли Щербинину выдали 100 т. и отправили на Кубань въ кочевья Джанъ-Мамбета [1]) дѣйствовать сообща въ пользу образованія ногайскаго ханства, но съ условіемъ, «чтобы Порта не видѣла въ этомъ явнаго нашего участія [2])». Сначала Щербининъ примирилъ Джанъ-Мамбета съ Шагиномъ, которые почему то не поладили, затѣмъ склонилъ ногайцевъ и къ концу 1774 года Шагинъ могъ уже быть объявленъ ханомъ [3]). Извѣщенный объ этомъ Панинъ 10 января 1775 г. написалъ Щербинину не медлить избраніемъ Шагина, но не производить разрыва между ногайцами и крымцами, въ виду охлажденія Порты къ татарскому дѣлу и слѣдовательно лучшаго поворота въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего ногайцы должны испросить у крымскаго хана утвержденія Шагина въ избранномъ ими ханскомъ достоинствѣ. Оставалось склонить на сторону Шагина еще безпокойныхъ едичкульцевъ, какъ новое обстоятельство дало другой ходъ происходившимъ событіямъ.

Порта, по выраженію русскаго повѣреннаго Петерсона, наскучилась крымскими хлопотами и сдѣлалась уступчивой [4]). 27 марта высочайшій манифестъ объявилъ о заключеніи мира съ Турціей [5]). Султанъ согласился выдать «нисанъ» Сагибу и признать его ханомъ, для чего отправилъ въ Крымъ съ этимъ нисаномъ своего миріалія. Пріѣздъ миріалія возбудилъ умы сильнѣе прежняго. Крымцы, руководимые Девлетъ-Гиреемъ, возмутились и низложили слабохарактернаго Сагиба, а на его мѣсто возвели Девлета [6]). Пока Щербининъ протестовалъ въ Крыму противъ низложенія Сагиба, пока Петерсонъ требовалъ отъ Порты объясненій по поводу случившагося въ Крыму, Девлетъ тѣмъ временемъ дѣйствовалъ въ пользу возвращенія ханству прежняго порядка и послалъ на Кубань сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея [7]). Тохтамышъ съ таманцами и ногайцами напалъ, въ числѣ 3 т. человѣкъ, на Шагина, перебилъ весь отрядъ, находившійся при немъ и заставилъ его бѣжать къ абазинцамъ. Гене-

---

1) Чтен. Общ. ист. и др. 1872 г., кн. 2., стр. 96.
2) Арх. Гос. Сов., т. 1, стр. 293.
3) Чт. Общ. ист. и древн., 1872 г., кн. 2, стр. 104.
4) Ibid., 1866 г., ч. I, стр. 34.
5) Ibid., 1872 г., кн. 2, стр. 105.
6) Ibid., стр. 117—124.
7) Ibid., стр. 122—126.

ралъ Борзовъ послалъ одинъ купеческій ботъ, который перевезъ Шагина въ Еникале [1]). Здѣсь ему предстояло принять участіе въ болѣе важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событіяхъ, которыя не замедлили вскорѣ обнаружиться.

Турція, подъ вліяніемъ совершившихся событій, снова заговорила. Репнину, посланному въ Константинополь, для засвидѣтельствованія дружбы и союза съ Турціей, Порта прямо заявляетъ, что Крымъ не можетъ оставаться безъ турецкаго покровительства и формально проситъ Россію отступить отъ независимости татаръ [2]). Репнинъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ, жаловался, что Порта не выводитъ своихъ войскъ изъ Крыма, задерживаетъ контрибуцію и думаетъ воспользоваться этимъ для пересмотра вопроса о вольности татаръ. Дѣйствительно, поведеніе Турціи показывало, что она не думаетъ отказываться отъ обладанія Крымомъ: новому хану, вмѣсто калифскаго благословенія, послана султанская инвеститура, какъ это дѣлалалось раньше, во время господства Турціи надъ ханствомъ. Въ добавленіе ко всему Порта ограничивала свободу мореплаванія и задерживала купеческія суда, направлявшіяся въ Керчь.

Россія рѣшила поддержать кайнарджійскій трактатъ, приходившій въ разрушеніе. 8-го марта 1776 г. императрица подписываетъ рескриптъ Румянцеву, принявшему теперь ближайшее веденіе крымскаго дѣла, придвинуть 30 тысячь войска къ сторонѣ Крыма и особый корпусъ къ кубанской линіи [3]). Въ тоже время генералъ-губернаторъ новороссійскаго края Потемкинъ, выступившій на сцену дѣйствій, долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе главнокомандующему. Было рѣшено утвердить Шагина ханомъ на Кубани, а потомъ перевести на крымскій престолъ. Шагинъ двинулся внутрь кубанской земли, гдѣ бригадиръ Бринкъ уже приводилъ въ покорность возмутителей спокойствія, а оставшихся спокойными подготовлялъ къ принятію Шагина. Въ тоже время находившійся въ Еникале генералъ Борзовъ набиралъ приверженцевъ въ Крыму [4]).

---

[2]) Сбор. рус. ист. общ., т. XV. стр. 549.

[3]) Ibid., стр. 492.

[3]) Сбор. рус. ист. общ., т. XXII, стр. 4.

[4]) Чт. Общ. ист. и древ.» 1866 г., т. I, стр. 102.

Въ октябрѣ Прозоровскій, посланный Румянцевымъ, занялъ перекопскую линію и готовъ былъ войти въ Крымъ; онъ ожидалъ только извѣстій съ Кубани, чтобы занять Перекопъ. Извѣстія пришли благопріятныя: Шагинъ былъ принятъ ногайцами и торжественно объявленъ самодержавнымъ независимымъ ханомъ [1]). Вслѣдъ за этимъ Шагинъ направился въ Крымъ и вступилъ туда вмѣстѣ съ Прозоровскимъ. Девлетъ собралъ 40 т. войска и вышелъ на встрѣчу. Сначала, чтобы выиграть время, онъ вошелъ въ мирные переговоры, потомъ вдругъ напалъ на русскій гарнизонъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ. Прозоровскій овладѣлъ дорогою къ Бахчисараю и, раздѣливъ армію на отряды для очищенія страны, съ главнымъ отрядомъ направился къ столицѣ ханства. Девлетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, покинулъ престолъ и бѣжалъ изъ Крыма [2]). Скоро жители приведены были въ покорность и согласились на избраніе новаго хана, какимъ русская партія, дѣятельно работавшая подъ шумъ войны, готовила Шагина. Дѣйствительно крымское собраніе приняло Шагина и присягнуло ему, какъ самодержавному хану съ неограниченными правами [3]). Вслѣдъ за этимъ новый ханъ извѣстилъ по обычаю Порту о своемъ избраніи, но счелъ нужнымъ умолчать о предоставленной ему неограниченной власти.

II.

И такъ, давно желанная цѣль Шагина, такъ долго замедляемая въ своемъ исполненіи пестрымъ и крайне разнообразнымъ ходомъ событій, наконецъ осуществилась. Мечта его сдѣлалась дѣйствительностью: крымскій престолъ находился въ его обладаніи. Теперь-то настала пора осуществить другую мечту, болѣе грандіозную—преобразовать ханство въ славную черноморскую имперію. Средства для этого казались въ его рукахъ: знаніе, энергія, сила воли и покорный народъ. Съ этими средствами, считавшимися для него достаточными, началъ свою дѣятельность крымскій ханъ.

Однимъ изъ золъ, подтачивавшихъ жизнь ханства, дѣлавшихъ его игрушкою въ рукахъ могущественныхъ сосѣдей, была власть

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древн., 1866 г., т. I, стр. 227.

[2]) Времен. общ. ист. и древн., 1856 г., 24 кн., стр. 101—102.

[3]) Ibid. Сбор. рус. ист. общ., т. XVII, стр. 133 (прим.)

олигархіи. Во главѣ ея находились представители бейскихъ поколѣній, ведущихъ свое происхожденіе отъ потомковъ Чингизъ-хана и сохранившихъ, въ числѣ другихъ привилегій, право на ханскій престолъ; этимъ правомъ особенно дорожили ширины, никогда не забывавшіе его [1]). Удержавъ за собою земли, на которыхъ расположились предки ихъ, перекочевавшіе съ своими ордами въ Крымъ, беи превратились въ независимыхъ владѣтелей, признающихъ одни вассальныя отношенія къ хану, при дворѣ котораго они не отправляли никакихъ должностей. Такое ихъ положеніе и связанныя съ нимъ тридиціи дѣлали беевъ ограниченіемъ самодержавной власти хана, который, не смотря на свои права и полномочія, предоставленныя ему кораномъ какъ свѣтскому. такъ и духовному владыкѣ, по отношенію къ беямъ не пользовался ими вполнѣ и даже находился въ извѣстной степени зависимости отъ нихъ. Имѣя войско и владѣя достаточными матеріальными средствами, они могли вступать въ пререканіе съ ханомъ и въ случаѣ недовольства свергали его. Послѣднему нуженъ былъ особый тактъ и умѣнье разъединять интересы высшаго дворянства, что-бы дать ему почувствовать силу своей власти. За беями слѣдовали дворянскіе роды [2]), происходившіе отъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ Крымъ, или возвысившіеся своею придворною службою; они не чуждались вмѣшательства во внутреннія междоусобія и примыкали къ той или другой партіи. Понятно, почему Шагинъ, вступивъ на престолъ, заставилъ принести себѣ присягу въ неограниченномъ самовластіи и затѣмъ сталъ ревниво оберегать свои прерогативы. Рядомъ мѣропріятій ему удалось подчинить и поставить въ непосредственную отъ себя зависимость крымскую аристократію. Успѣхъ этого дѣла обусловливался тревожными событіями, испытанными Крымомъ. Бѣдствія войны, тяжесть происходившихъ столько лѣтъ неурядицъ, отразились на экономическомъ состояніи многихъ дворянъ и по преимуществу беевъ, какъ самыхъ безпокойныхъ. Служба, которая при измѣнившихся условіяхъ администраціи открывала, въ добавокъ, доступъ честолюбію,

---

[1]) Изъ собранія ярлыковъ, принадлежащихъ мурзамъ Шириновымъ, и ихъ родословной, хранящихся въ архивѣ тавр. дворян. собр. за 1820 г.

[2]) Пам. кн. таврической губ., „Занятіе Крыма“, стр. 20.

являлась однимъ изъ средствъ содержанія, однимъ изъ источниковъ увеличенія земныхъ благъ. И вотъ Шагинъ вводитъ цѣлую систему управленія, создаетъ іерархическую службу съ опредѣленнымъ окладомъ жалованья, выдаваемымъ изъ казны.

Патріархальное состояніе администраціи, не разграничивавшей смѣсь различныхъ населеній, требовало приведенія всего управленія къ единству, къ извѣстной организаціи. Ханъ старается дать эту организацію введеніемъ централизаціи въ управленіе, установленіемъ іерархической системы, болѣе точнымъ опредѣленіемъ каждому органу управленія круга его обязанностей, учрежденіемъ новыхъ органовъ или уничтоженіемъ старыхъ. Удерживая непосредственно за собою главное управленіе и руководительство судьбами государства, Шагинъ даетъ новый видъ дивану или ханскому совѣту. Новый диванъ состоялъ изъ двѣнадцати сановникомъ [1]). По недостатку свѣдѣній трудно опредѣлить, каковъ былъ точный кругъ его вѣдомства. Можно предположить, что это былъ родъ государственнаго совѣта, стоящаго во главѣ всѣхъ учрежденій и имѣвшаго въ рукахъ административную и законодательную власть. Изъ «регистра даванному помѣсячно жалованью при Шагинъ-Гиреѣ» [2]), истребованнаго по присоединеніи Крыма княземъ Потемкинымъ отъ крымскаго земскаго правительства [3]), видимъ знатныхъ лицъ, получающихъ ежегодно отъ 2200 рублей на русскія деньги до 5500. Эти чиновники назывались мурахасами и въ числѣ ихъ поименованы слѣдующія лица: Ширинскій бей, Адильша-ага, Мегметча-мурза, Ахметша мурза, Селимша-ага, Шагинъ Гирей мурза—Ширинскіе, Мансурскій бей, Азаматъ мурза, Сары мурза, Эмерша мурза—Мансурскіе, мурахасъ Мегметъ Ага, Аргинскій бей. Изъ этого можно думать, что въ совѣтъ, какъ высшее государственное учрежденіе, вошли представители знатнѣйшаго дворянства, главнымъ образомъ тѣ изъ беевъ, которые успѣли показать усердіе новому правительству [4]). Слѣдова-

---

[1]) Врем. Общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103.

[2]) Изъ „Журнала крым. зем. прав.", хранящагося въ губернскомъ архивѣ въ г, Симферополѣ.

[3]) Отправленъ князю 27 ноября 1783 г., подъ № 145 (арх. г. Симф.).

[3]) Изъ „регистра даванному помѣсячно жалованью" (арх. г. Симф.).

тельно совѣтъ, помимо другаго своего значенія, являлся также средствомъ образовать изъ беевъ служилое сословіе.

Отдѣльные органы управленія получили болѣе ясное опредѣленіе и назначеніе. Указанъ былъ болѣе точный кругъ вѣдомства диванъ-эфендію, ставшему теперь секретаремъ совѣта; отнято было административное значеніе у капудили-баши, игравшаго прежде видную роль въ управленіи, въ качествѣ приближеннаго лица съ званіемъ «охранителя дверей хана», и обратившагося теперь въ высшаго придворнаго служителя; актаги-бей сталъ только шталмейстеромъ, а килarджи-бей—гофмаршаломъ. Вообще придворныя лица, имѣвшія при прежнемъ строѣ управленія также другое административное значеніе, съ распредѣленіемъ администраціи по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, сохранили лишь придворное значеніе въ качествѣ чиновъ свиты, въ правильномъ устройствѣ которой Шагинъ не менѣе былъ заинтересованъ, съ цѣлью придать блескъ своему двору. Казасперу-эфендію былъ данъ «подсудокъ» съ жалованьемъ въ 800 левовъ, вслѣдствіе расширившагося круга его дѣятельности.

Въ областномъ управленіи Крымъ составилъ шесть округовъ, которыми управляли особые начальники *каймаканы*, завѣдывавшіе гражданскою частью. Въ свою очередь каждое каймаканство дѣлилось на кадылыки, которыхъ считалось 44 [1]). Въ этихъ округахъ были кадіи, завѣдывавшіе судомъ, муселимы, дыздари, сердари, составлявшіе родъ военныхъ начальниковъ, башъ-бумокъ-баши—высшія военныя лица. Полицейская часть, распредѣленная между уѣздными и окружными чинами, сосредоточивалась въ рукахъ Вели-аги.

Образовалась такимъ образомъ сложная классификація государственныхъ чиновъ, представлявшихъ въ общемъ три іерархическія ступени: первыхъ, вторыхъ и третьихъ чиновъ, въ концѣ которыхъ числились писаря, съ жалованьемъ въ 200, 300 левовъ, разсыльные и пр. Изъ имѣющейся подъ руками вѣдомости расходамъ ханства видно, что въ 1778 г. получало жалованья 152 лица, содержаніе которыхъ стоило 230,936 левовъ или 138,561 рубль [2]).

Вслѣдствіе новыхъ требованій государства финансы должны были обратить особенное вниманіе хана. Дѣйствительно упорядоче-

---

[1]) „Журналъ крымск. земск. правительства„ (арх. г. Симф.).

[2]) Изъ „Регистра даванному помѣсячно жалованью“ (тамъ же).

ніе финансовой части, усиленіе финансовыхъ мѣръ было одной изъ главныхъ заботъ Шагина. Въ основу финансовой реформы легла строгая отчетность: записывался даже самый небольшой расходъ, напр. жалованье, выдаваемое ханскимъ поварамъ, кучерамъ и т. д. Завѣдываніе финансами по прежнему находилось въ рукахъ дефтердаръ-аги и такимъ былъ при немъ Кутлуша-ага, но ханъ сдѣлалъ изъ него настоящаго министра финансовъ и далъ ему въ управленіе цѣлое учрежденіе съ штатомъ чиновниковъ, счетчиковъ, таможенныхъ начальниковъ, надзирателей, писарей. Въ числѣ другихъ мы видимъ втораго дефтердара Темиръ-агу, ханскаго казнадара или казначея Мегметъ-агу и директора монетнаго двора Абдулъ-Хамитъ-агу, раздававшаго жалованье служащимъ и державшаго на откупѣ нѣкоторые источники доходовъ ханства [1]). Вообще почти всѣ доходы ханства были отданы на откупъ. Такъ въ 1777 г. доходъ съ перекопской, козловской и кефинской таможень и съ соляныхъ озеръ былъ отданъ Мавроени съ компаніей за 215 т. [2]). Въ слѣдующемъ году откупъ былъ отданъ купцу Хохлову. Но Хохловъ, уплатилъ хану 110 т., потомъ не выдержалъ и отказался, обязавшись векселемъ доплатить 105 т. Этотъ же Хохловъ держалъ съ 1777 г. по 1780 питейный откупъ за 16,500 рублей. Въ 1781 г. откупъ не былъ отданъ и сборъ его порученъ былъ еврею Веньяминъ-агѣ [3]). Рыбная ловля на Днѣпрѣ была отдана одному запорожцу за 1000 р. Сборъ съ рогатаго скота и овецъ, такъ называемые зекяты, былъ отданъ въ 1777 г. Азаметъ-агѣ. Въ 1780 г. сборъ не былъ отданъ на откупъ, а въ слѣдующемъ году его имѣлъ Абдулъ-Хамитъ-ага за 30 т., при чемъ онъ взималъ въ Крыму по 1 к. за овцу, по 10 к. за лошадь, съ 30 штукъ рогатаго скота одну голову, а за Перекопомъ тоже, что и въ Крыму, и кромѣ того за каждую штуку рогатаго скота по 9 к. [4]). Доходъ съ пчелъ, доходъ отъ соли, предназначенной исключительно для продажи въ Крыму, отъ

---

[1]) „Повелительный листъ хана Шагинъ-Гирея“ (изъ коммисейскаго рѣшенія 1808 г. за № 383, хран. въ архивѣ г. Симферополя).

[2]) Изъ вѣдомости отправленной при рапортѣ кн. Потемкину, ноября 22 дня 1783 г. подъ № 1423 (архивъ г. Симфер.).

[3]) Ibid., п. 2.

[4]) Изъ объясненій Ширинскаго бея и Абдулъ-Хамидъ-аги, приложенныхъ къ вышеозначенной вѣдомости.

продажи землянаго мыла (киля), пошлинный сборъ въ Карасубазарѣ, Ахмечети и Бахчисараѣ—всѣ эти доходы тоже были отданы на откупъ.

Нельзя сказать, чтобы введенная ханомъ откупная система была дѣйствительной фискальной мѣрой. Тѣмъ не менѣе доходы ханства значительно увеличились противъ прежняго уже потому только, что по кучукъ-кайнарджійскому трактату султанъ лишился своихъ владѣній въ Крыму, составлявшихъ суданскій и мангупскій кадылыкъ. Эти владѣнія отошли къ хану, сборъ съ земельныхъ угодій этихъ кадылыковъ отданъ на откупъ Абдулъ-Хамитъ-агѣ и приносилъ дохода 14 т. [1]). Городовой сборъ въ Кафѣ, также отошедшій къ хану, доставлялъ 4 т. Затѣмъ, съ переселеніемъ христіанъ въ азовскую губернію, остались во владѣніи хана земли и сады переселившихся, доходъ съ которыхъ составлялъ 1500 р. [2]). Всѣ эти имѣнія находились въ вѣдѣніи Тапъ-Агасы, начальника придворной экономіи. Въ видахъ же усиленія средствъ ханъ увеличилъ подать, платимую селившимися въ Крыму евреями и цыганами; вмѣсто прежнихъ 60 к. съ души платили: богатые по 7 р. 20 к., средніе по 3 р. 60 к. и наконецъ бѣдные по 1 р. 80 к. въ годъ [3]).

Вообще среднимъ числомъ ханство имѣло доходовъ на 345,612 руб. Изъ этого числа 138,561 р. расходовалось на содержаніе администраціи и болѣе 85,000 р. на содержаніе двора.

Послѣ финансовъ войско было другой важной заботой хана.

Состояніе войска носило первобытный характеръ. Передовой и главной ратью служили ногайцы, представлявшіе орду хищныхъ наѣздниковъ, способныхъ производить одни разгромы и потому устремлявшіеся впереди войска для разоренія пограничныхъ областей. За ними выступалъ ханъ съ войскомъ, составлявшимся изъ отрядовъ, которые выставлялись беями и другими знатными мурзами, получавшими отъ хана земли. Кромѣ того Турція, въ качествѣ покровителя, выставляла въ поле свои полки, находившіеся въ Кафѣ, Керчи и Еникале. Подобное разношерстное войско не могло удовлетворить Шагина, мечтавшаго о завоеваніяхъ на Востокѣ—на Кавказѣ и Персіи; оно не имѣло никакого устройства, не было обучено во-

[1]) Изъ „Регистра", п. 1.

[2]) Ibid., п. 5.

[3]) Ibid., п. 9 и 10.

инскому строю и въ добавокъ ставило хана въ зависимость отъ беевъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что турецкихъ полковъ уже не было. Въ виду этого, учрежденіе постояннаго войска и обученіе его воинскому строю было необходимою задачей новаго правительства. Шагинъ принялся за это дѣло съ особою рѣшительностью и въ этомъ отношеніи пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы привлечь все народонаселеніе къ отбыванію воинской повинности, Шагинъ послалъ особыхъ чиновниковъ переписать все население для установленія набора со всего государства[1]). Затѣмъ было объявлено брать изъ пяти дворовъ одного человѣка. Это распоряженіе, хотя и съ трудомъ, въ виду народнаго неодобренія, но все-таки принялось. Произведенный наборъ положилъ начало регулярному войску, которое стали обучать европейскому строю[2]). Еще большее вниманіе было обращено на особый полкъ *сайменовъ*. Они составляли ханскую гвардію, имѣли особую форму, особенное устройство и пользовались отличнымъ вниманіемъ со стороны хана. Кромѣ того во дворцѣ появились gardes de corps, куда вступали избранные мурзы. Затѣмъ архивныя данныя указываютъ намъ на Мегметги-бея, состоявшаго начальникомъ при *бешлейскомъ* войскѣ съ жалованьемъ въ 70 т. анча въ годъ.

Въ связи съ указанными реформами измѣнился самый образъ жизни при ханскомъ дворцѣ: первобытная простота въ соединеніи съ азіатскою роскошью уступила мѣсто болѣе утонченному образу жизни, устроившемуся на европейскій манеръ. Ханъ уже не былъ доволенъ Бахчисараемъ, способнымъ удовлетворить своимъ закрытымъ мѣстоположеніемъ прежнихъ хановъ, занимавшихся наѣздами и какъ бы укрывавшимися въ глубокомъ бахчисарайскомъ ущельи. Преобразователю ханства было нужно море, обобщающее народы, приближавшее Кавказъ съ его богатствами къ имперіи Гиреевъ. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на Кафѣ, выбираетъ ее, по ея приморскому положенію, будущей своей резиденціей и начинаетъ тамъ строить дворецъ[3]). По его плану новая столица должна была стать центромъ татарской гражданственности и промышлен-

[1]) Врем. общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103—104.

[2]) Исторія Херсон. тавр. Сестренцевича, т. 2, стр. 389.

[3]) Врем. общ. истор. и древ., кн. 24, стр. 113.

ности, для насажденія которой Шагинъ вызываетъ иностранцевъ. Однимъ изъ первыхъ предначертаній въ этомъ направленіи былъ планъ устройства въ Кафѣ литейнаго завода; заводъ пороховый появился очень скоро, но не въ Кафѣ, а подлѣ Бахчисарая.

Но что всего удивительнѣе, что болѣе всего возбуждало удивленіе правовѣрныхъ, это немусульманскій образъ жизни хана. Онъ въ постоянныхъ общеніяхъ съ невѣрными, мало того онъ преданъ имъ; онъ вѣрнѣйшій союзникъ Россіи, голосу которой внимаетъ, съ которой совѣтуется. У него въ дворцѣ большая часть прислуги изъ христіанъ; тутъ и «кофешенкъ-Косма», повара: Алексѣй, Иванъ, какой-то нѣмецъ и др., извощики Иванъ, Алексѣй и др., лекарь Иванъ Ивановичъ, тутъ же видимъ англичанина Робертсона и т. д. [1]). Ханъ не ѣздитъ верхомъ, какъ то дѣлали прежніе ханы, а ѣздитъ въ каретѣ, ѣстъ сидя, за парараднымъ столомъ, сервированнымъ по европейски, и если не рѣшается бриться, то по крайней мѣрѣ прячетъ концы своей бороды подъ широкій галстухъ [2]).

Такъ началъ дѣйствовать Шагинъ Гирей, мечтавшій о возвышеніи и возвеличеніи своей монархіи путемъ только тѣхъ средствъ, которыя находились въ его распоряженіи. Жизнь показала, что ему недоставало того могущественнаго средства, которое заключается въ подготовленности общества къ воспринятію вводимыхъ въ его бытъ началъ, короче говоря—ему недоставало общественной симпатіи. Первые шаги его дѣятельности были встрѣчены съ нѣмымъ равнодушіемъ, чрезъ которое можно было видѣть начало глубокаго недоброжелательства. Мало по малу общественное настроеніе выяснилось. Масса ничего другого не видѣла въ его дѣятельности, кромѣ попранія вѣры, и съ ужасомъ встрѣчала ханскихъ чиновниковъ, занимавшихся переписью жителей, дѣломъ невиданнымъ, неслыханнымъ. А тяжесть новаго правленія, строгаго и требовательнаго, только вооружала населеніе, привыкшее жить въ патріархальной простотѣ, и дѣлала его главнымъ противникомъ затѣянныхъ реформъ. Дворянство видѣло въ дѣятельности хана одну лишь угодливость Россіи, и только небольшой кружокъ людей, связанныхъ интересами съ новымъ правительствомъ, былъ на сто-

[1]) Изъ „Регистра“, № 145 (арх. г. Симфэр.).

[2]) Ист. Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр. 380.

ронѣ Шагина. Обстоятельства показывали, что одряхлѣвшее ханство не способно возродиться. Начались смуты, направленныя противъ хана, и на этотъ разъ взбунтовалась чернь. Отдѣльныя шайки бунтовщиковъ бросились по разнымъ направленіямъ, поднимая жителей къ возстанію. Одна толпа, подъ предводительствомъ Агасы, Сеита и Лиши, направилась къ Бахчисараю, но была отбита высланнымъ противъ нее отрядомъ сайменовъ. Шайка направилась къ Карасубазару, подъ которымъ стоялъ Прозоровскій. Оказалось, что Прозоровскій принялъ заранѣе соотвѣтствующія мѣры и настолько усилился, что при видѣ его отряда толпа разошлась. Возвращаясь, мятежники встрѣтили хана, вышедшаго усмирять мятежъ, бросились на него, но потерпѣли пораженіе. Не смотря на побѣду, ханъ, видя, что возстаніе охватило всю горную мѣстность, сблизился съ Прозоровскимъ и усилилъ себя его отрядомъ. Пока мятежники распоряжались въ Бахчисараѣ, гдѣ ограбили дворецъ, казнили визиря Абдулу, разорили дома ханскихъ приверженцевъ, пришло извѣстіе о высадкѣ близь Козлова хана Селимъ-Гирея, прибывшаго изъ Очакова. Тогда мятежники устремляются къ нему на встрѣчу и ставятъ его во главѣ возстанія. Затѣмъ направляются къ Бахчисараю, гдѣ намѣреваются сдѣлать его ханомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Прозоровскій рѣшается усмирить мятежъ вооруженной силой. Сначала онъ очищаетъ отъ мятежныхъ шаекъ мѣстность, прилегающую къ Бахчисараю, послѣ чего направляется къ Альмѣ, а оттуда къ Качѣ. Здѣсь русскіе полки были посланы по различнымъ направленіямъ для обузданія мятежниковъ и приведенія жителей въ покорность. Неорганизованное возстаніе было очень скоро подавлено, и горскіе жители, приведенные, по донесенію начальниковъ посланныхъ отрядовъ, въ «полунебытіе», съ полною готовностью приносили повинную. Въ февралѣ 1778 года Селимъ-Гирей оказался окруженнымъ русскимъ войскомъ. Не видя спасенія, Селимъ и съ нимъ предводители возстанія отдали себя во власть Шагина. Такимъ образомъ междоусобная война, во время которой погибло болѣе 12 т. человѣкъ въ разныхъ стычкахъ, а множество стариковъ, женщинъ и дѣтей отъ стужи и голода, окончилась, благодаря русскому оружію, въ пользу Шагина [1]). Казнивъ предводи-

---

[1]) Врем. общ. ист. и древ. 1856 г., кн. 24, стр. 104—112.

телей возстанія, Шагинъ снова утвердился на престолѣ и строгими мѣрами рѣшилъ поддерживать спокойствіе.

Событія въ Крыму пробудили Турцію. Въ концѣ апрѣля она посылаетъ свои войска на помощь правовѣрнымъ. Суворовъ, оберегавшій берега, не допустилъ десанта и заставилъ турецкій флотъ вернуться безъ успѣха, потерявъ въ безплодныхъ попыткахъ къ высадкѣ 7 судовъ и болѣе 7 т. человѣкъ [1]). Не смотря на неудачу, Порта не признавала Шагина ханомъ, отрицала законность избранія его, объявляла избраніе нарушеніемъ трактата. Только настоятельныя представленія Стахіева, каждый разъ угрожавшаго полнымъ разрывомъ, и вмѣшательство Франціи заставили Порту уступить и выдать Шагину грамоту. Послѣ этого, въ силу конвенціи, заключенной между Россіей и Турціей, изъ Крыма были выведены въ 3-хъ мѣсячный срокъ, какъ русскія, такъ и турецкія войска, остававшіяся тамъ въ небольшомъ числѣ, еще со времени заключенія кучукъ-кайнарджійскаго трактата [2]). Въ Крыму остался только Суворовъ для переселенія христіанъ изъ Крыму въ азовскую губернію.

Возстановивъ себя на престолѣ, Шагинъ снова отдается своей дѣятельности. Чрезъ посредство Веселицкаго, состоявшаго при ханѣ чрезвычайнымъ посломъ, Шагинъ проситъ позволенія разрѣшить вывозъ изъ Россіи металловъ для битья монеты, для чего устраиваетъ въ Кафѣ монетный дворъ. Завѣдываніе имъ было поручено Абдулъ-Хамитъ-агѣ, игравшему немаловажную роль въ исторіи финансовъ послѣдняго крымскаго хана. Денежныя работы начались съ 1780 г. и за три года было выбито 92,113 ханскихъ мѣдныхъ рублей, 37,480 рублей 50-й пробы, 91,136 пятой пробы, 5,853 р. 80-й пробы. Чистая выручка отъ монетнаго двора съ 1780 по 1783 г. составляла 17,737 руб. [3]).

Въ началѣ 1779 года Суворовъ, обнаруживавшій въ Крыму особую дѣятельность, посылаетъ въ новороссійскую губернскую канцелярію составленный имъ, по просьбѣ хана, *регистръ почтамъ*

---

[2]) Ист. Рос. Сол., т. 29, стр. 279, 281 и 282.

[3]) Ibid., стр. 309.

[1] Изъ „Перевода съ регистра монетнаго двора, поднесеннаго ген.-пор. Игельстрому, директоромъ двора Абдулъ-Хамидомъ, о сдѣланныхъ деньгахъ“, 27 ноября 1783 г., хран. въ архивѣ г. Симферополя.

въ Крыму. По этому *регистру* отъ Бахчисарая до Перекопа и до Арабата было учреждено 16 станцій. Каждый, кто имѣлъ позволеніе крымскаго правительства или рекомендацію Суворова, могъ получать лошадей съ платою отъ шести до девяти коп. за лошадь [1]).

Приверженность свою къ европеизму Шагинъ высказываетъ уже смѣлѣе прежняго, при чемъ чувства, питаемыя ею, всецѣло переноситъ на Россію, въ которой онъ видитъ свою защиту и опору. Туда онъ намѣревается отправить своихъ племянниковъ, для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, и себя проситъ зачислить въ петербургскій полкъ. Оттуда онъ выписываетъ художниковъ, оружіе, украшенія для своего двора и другіе необходимые предметы [2]). Чѣмъ дальше шелъ Шагинъ, тѣмъ больше и больше разрывалъ связи съ прошлымъ своей родины. Наконецъ къ всеобщему соблазну правовѣрныхъ онъ не держитъ болѣе трехъ женъ и брѣетъ уже бороду [3]).

Въ то время, когда Шагинъ былъ такъ занятъ своими планами объ устроеніи черноморской имперіи, другой дѣятель, генералъ-губернаторъ Потемкинъ, основывалъ Новороссію въ южныхъ степяхъ, прилегающихъ къ Черному морю, для которыхъ настала пора исторической жизни. Море открылось уже для новаго края, но нужно было овладѣть еще сѣвернымъ берегомъ его, нужно было присоединить къ нему Крымъ, жизнь котораго, не смотря на предпринимаемыя Шагиномъ мѣры, была на исходѣ. Поэтому недремлющимъ окомъ слѣдитъ устроитель Новороссіи за сосѣднимъ Крымомъ, дни котораго были уже сосчитаны и съ которымъ скоро не замедлилъ случиться послѣдній ударъ. Этотъ ударъ находился въ связи съ предшествующими событіями и завершалъ собой рядъ событій, случившихся въ Крыму съ самаго начала крымскаго вопроса.

Народное недовольство Шагиномъ не могло уничтожиться возстановленіемъ его на престолѣ и принятіемъ къ искорененію этого недовольства крутыхъ мѣръ. Оно коренилось въ самомъ ходѣ вещей и ожидало только случая, чтобы обнаружиться съ новой силой. Поведеніе Шагина, доходившаго до явнаго пренебреженія

---

[1]) „Обозр. ист. новорос. края", Скальковскаго, ч. I, стр. 138.

[2]) „Дѣянія кн. Потемкина", Рус. Арх., 1867 г., стр. 1211.

[3]) Ibid., стр. 1220.

освященныхъ религіей и вѣками обычаевъ, заставило правовѣрныхъ возстать на защиту поруганной вѣры. Движеніе обнаружилось сначала на Кубани. Въ концѣ 1780 года ногайцы, руководимые прибывшимъ изъ Турціи комендантомъ Сулейманъ-Агой заволновались, отказались повиноваться Шагину и рѣшились избрать новаго хана [1]). За ними возстали крымцы и въ іюлѣ 1781 года отправляютъ депутацію въ Петербургъ съ разными жалобами на хана: на его жестокость, притѣсненія, несправедливость. Извѣщенный объ этомъ Потемкинъ приказалъ депутаціи вернуться и объявилъ, что Россія не признаетъ другой власти и иного начальства, кромѣ верховнаго правленія законнаго государя ихъ Шагинъ-Гирея [2]). Тогда крымцы рѣшаются избавиться отъ злополучнаго Шагина и зовутъ къ себѣ на престолъ находившагося на Кубани брата его Богадыря, который, вмѣстѣ съ другимъ братомъ Арсланомъ, раздѣлялъ общую непріязнь къ хану [3]). Шагинъ отвѣтилъ казнью вожаковъ возстанія, но безуспѣшно—на мѣсто ихъ явились другіе. Пока собирался въ Крымъ Богадырь, султанъ Алимъ, собравъ отрядъ вооруженныхъ татаръ въ три тысячи человѣкъ, открылъ дѣйствія и напалъ на Шагина. Ханъ послалъ противъ него своихъ сайменовъ, но послѣдніе сами пристали къ мятежникамъ [4]). Тогда Шагинъ съ Веселицкимъ спасаются бѣгствомъ подъ защиту русскаго гарнизона въ Еникале, а мятежники избираютъ ханомъ прибывшаго въ Крымъ Богадыря, послѣ чего составляютъ двѣ грамоты: одну къ султану, другую къ императрицѣ о низложеніи Шагина и избраніи новаго хана [5]). Но грамоты не были отправлены, а Потемкинъ получаетъ рескриптъ: усмирить военною силою мятежъ и возстановить Шагина [6]). Подъ этимъ князь понималъ обстоятельство болѣе важное и значительное, чѣмъ возвращеніе Шагину престола. Виды Потемкина относительно Крыма получили въ то время довольно ясное выраженіе. Въ «меморіалѣ по дѣламъ политическимъ», поданномъ канцлеромъ кн. Бездородко, раздѣляв-

---

1) Истор. Рос. Сол., т. 29, стр. 327.
2) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 206.
3) Рус. Арх., 1867 г., стр. 1200.
4) Врем. Общ. ист. и древ., кн. 24, стр. 117—118.
5) Ibid., стр. 117.
6) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 210.

шимъ планы Потемкина, въ концѣ сентября 1780 года, въ числѣ предложеній Россіи, заявленныхъ австрійскому двору, было «пріобрѣтеніе крымскаго полуострова»[1]). Ко второй половинѣ 1782 года, когда Потемкину было поручено ввести войска для усмиренія Крыма, мысль о присоединеніи Крыма яснѣе высказалась въ «наставленіи» императрицы, данномъ Потемкину, въ которомъ она указываетъ, что независимость татаръ въ Крыму ненадежна и что «*надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова*[2]). Этого только и ждалъ Потемкинъ.

По полученіи рескрипта, князь приказываетъ де-Бальмену двинуться къ Перекопу, а генерала Самойлова отправляетъ въ Крымъ къ хану. Самойловъ прибылъ въ Керчь и видится съ Шагиномъ[3]). Онъ находитъ его подъ удручающимъ впечатлѣніемъ событій вторичнаго возстанія подданныхъ, избравшихъ себѣ другаго хана, и невозможности держаться на крымскомъ престолѣ безъ помощи русскаго оружія. Ханъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ и охотно слушалъ Самойлова, краснорѣчиво убѣждавшаго его въ невозможности болѣе править такимъ вѣроломнымъ народомъ, каковы крымцы, среди которыхъ онъ находится въ постоянной опасности за свою жизнь. Шагинъ не могъ не согласиться съ этимъ и былъ очень радъ, когда Самойловъ намекнулъ, что есть страна, гдѣ ханъ можетъ быть счастливымъ, именно Персія, на престолъ которой онъ можетъ быть возведенъ за уступку Россіи Крыма[4]). Въ такомъ настроеніи онъ оставляетъ Керчь и, вмѣстѣ съ Самойловымъ, пріѣзжаетъ въ петровскую крѣпость, гдѣ стояло войско. Здѣсь онъ пишетъ письмо о своемъ критическомъ положеніи и передаетъ его Самойлову для врученія Потемкину, прибывшему къ этому времени въ Херсонъ, чтобы слѣдить оттуда за крымскими событіями[5]). Въ отвѣтъ на полученное письмо, князь лично явился къ хану. Возвратившись, Потемкинъ пишетъ императрицѣ, что слѣдуетъ присоединить Крымъ къ Россіи, не обращая вниманія на то, что ска-

---

[1]) Сборн. Рус. ист. общ., т. XXVI, стр. 385.
[2]) Рус. Арх., 1873 г., стр. 929 („Канц. Безбородко“).
[3]) Ibid., 186› г., стр. 1221.
[4]) Ibid., стр. 122!.
[5]) Ibid.

жутъ другія державы, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ быть присоединенъ безъ труда. «Хану пожалуйте, пишетъ Потемкинъ, въ Персіи, что хотите. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму и жители охотно принесутъ о семъ просьбу [1])». Тѣмъ временемъ Самойловъ, соединившись съ ханомъ, вошелъ въ Крымъ, взялъ Перекопъ и подъ Чонгаромъ встрѣтилъ Алимъ-Гирея съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ татаръ. Ударивъ на мятежниковъ, войско безъ труда разсѣяло толпу и направилось далѣе. Богадырь-Гирей хотѣлъ уйти на Кубань, но былъ настигнутъ гренадерскимъ сводным баталіономъ и взятъ въ плѣнъ [2]). Разославъ во всѣ стороны объявленія, призывавшія жителей къ спокойствію и, отрядивъ въ найболѣе опасныя мѣста отдѣльныя команды, Самойловъ, вмѣстѣ съ ханомъ, прибылъ къ Карасубазару и остановился главной квартирой въ 7 верстахъ отъ города въ загородномъ домѣ одного изъ мурзъ, бывшихъ въ числѣ возмутителей [3]). Скоро былъ взятъ въ плѣнъ и Алимъ-Гирей; тогда мятежъ былъ усмиренъ. Послѣ этого Шагинъ началъ расправу съ мятежниками и сталъ ихъ предавать казни. Смерть висѣла даже надъ головой родныхъ его братьевъ, которые были отправлены въ Херсонъ въ ссылку только по ходатайству русской власти. Казни только раздражали озлобленный народъ, который не признавалъ Шагина ханомъ и выражалъ желаніе отдаться навсегда Россіи. Не видя надежды удержаться на престолѣ, Шагинъ въ собраніи въ Карасубазарѣ призвалъ на своихъ подданныхъ судъ Божій и объявилъ, что не хочетъ быть ханомъ такого коварнаго народа [4]).

Пока все это происходило въ Крыму, Потемкинъ получилъ отвѣтъ на свое представленіе о необходимости присоединить Крымъ. Императрица 14 декабря подписала рескриптъ, которымъ она объявила Потемкину «свою волю на присвоеніе крымскаго полуострова и на присоединеніе его къ Россійской Имперіи», съ цѣлью «обратить Крымъ въ замѣну и вознагражденіе восьмилѣтняго безпокойства» [5]).

---

[1]) Русск. Вѣст., 1862 г., 5 к., стр. 35 (ст. Соловьева).

[2]) Врем. Общ. ист. и древ., 24 к., стр. 123.

[3]) Рус. Арх.. 1867 г., стр. 1223—1224.

[4]) Ibid., стр. 1224.

[5]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXII, стр. 221.

24 января 1783 г. Потемкинъ поручаетъ вице-адмиралу Клопачеву собрать всѣ суда и войти въ Ахтіарскую (Севастопольскую) гавань, Суворову и Михаилу Потемкину занять Тамань и Кубанскія земли, а де-Бальмену войти въ Крымъ [1]). Здѣсь де-Бальменъ вступилъ въ переговоры съ татарами, предлагая имъ подать императрицѣ формальную просьбу о принятіи Крыма. Хану же было объявлено, что государыня огорчена его жестокимъ поведеніемъ по отношенію къ подданнымъ, которые пользуются покровительствомъ Россіи, и что въ виду этого сохраненіе его на престолѣ «не составляетъ для государства такого интереса, для котораго Россія обязана находиться всегда въ войнѣ или по крайней мѣрѣ въ распрѣ съ Турціей» [2]). Переговоры съ ханомъ велъ резидентъ Лашкаревъ, получившій для этого надлежащія наставленія. Въ концѣ февраля эти переговоры окончились: ханъ отрекся отъ престола и отдавалъ себя подъ покровительство Россіи. Ему было обѣщано ежегодное жалованье въ 200 т., а потомъ ханство въ Персіи [3]).

Заключительнымъ актомъ всего совершившагося былъ манифестъ Екатерины отъ 8-го апрѣля, извѣстившій Европѣ, что «полуостровъ крымскій, островъ Тамань и вся кубанская сторона приняты подъ россійскую державу». Потемкинъ выѣхалъ въ Крымъ для принятія новой области и обнародовалъ полученный имъ высочайшій манифестъ о принятіи крымцевъ въ русское подданство. 10 іюля онъ далъ знать, что Крымъ, Тамань, Едисанская и Джамбулукская орды присягнули на вѣрность Россіи.

III*).

Такимъ образомъ въ 1783 г. Крымъ вступилъ на новое поприще исторіи и начиналъ новую жизнь. Какова же была дальнѣйшая судьба отложившагося хана?

---

[1]) „Ордера кн. Потемкина“ въ Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 259.

[2]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 232.

[3]) Ibid., т. XXVIII, стр. 240.

*) При составленіи этой главы, кромѣ сырого матеріала, обнародованнаго въ XIII т. Зап. Од. Общ. ист. и древ., мы воспользовались однимъ дѣломъ за 1786 г., хранящимся въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя; это такъ наз. „дѣло о ханской свитѣ“, на которое ниже дѣлаются ссылки.

Съ отреченіемъ отъ престола, Шагинъ сошелъ въ рядъ обыкновенныхъ смертныхъ и въ своей дальнѣйшей судьбѣ могъ положиться на милость Екатерины, которая обѣщала ему свое покровительство. Бывшему хану предложено сначала ѣхать въ Херсонъ. Тамъ предполагалось указать ему дальнѣйшее мѣстопребываніе, на ассигнованное жалованье, въ одномъ изъ центральныхъ городовъ. Получивъ это извѣстіе, ханъ сталъ собираться въ дорогу и къ 23 мая ханскій обозъ, заключавшій въ себѣ имущество, гаремъ и свиту, готовъ былъ уже тронуться въ путь. Но тутъ ханъ измѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того, чтобы направить обозъ въ Херсонъ, приказалъ свитѣ ѣхать съ обозомъ въ Азовъ, а оттуда на Ею [1]). Самъ онъ не выѣхалъ и медлилъ рѣшеніемъ. Наконецъ онъ объявляетъ резиденту Лашкареву, что желаетъ ѣхать въ Тамань и проситъ дать знать объ этомъ князю, а самъ собирается ѣхать. Пока прибылъ Потемкинъ, ханъ былъ уже въ пути и направлялся въ Тамань, гдѣ расположился съ своей свитой, гаремомъ и имуществомъ [2]).

Неизвѣстность положенія или другія какія либо причины заставляютъ хана послать изъ Тамани въ Петербургъ съ нѣкоторыми донесеніями императрицѣ одного изъ офицеровъ, приставленныхъ къ нему—капитана Тугаринова. Когда узналъ объ этомъ Потемкинъ, то приказалъ немедленно вернуть посланнаго Тугаринова обратно и далъ знать хану, что онъ не имѣетъ права распоряжаться приставленными къ нему офицерами безъ разрѣшенія военнаго начальства [3]). Между тѣмъ пребываніе Шагина въ Тамани возбудило умы обитавшихъ тамъ ногайцевъ; произошло смятеніе, которое наконецъ было подавлено вооруженной рукой Суворова [4]). За ханомъ начали внимательно слѣдить; генералу Суворову былъ порученъ надзоръ за его поведеніемъ и приказано не допускать его сноситься съ ногайцами. Не смотря на принятыя мѣры, Шагинъ однако велъ тайные переговоры съ мятежниками, посылалъ имъ письма и даже имѣлъ свиданіе съ депутатами—мур-

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 262.

[2]) Ibid., стр. 369.

[3]) Ibid., стр. 271.

[4]) Ibid., стр. 279.

замп, посланными съ неизвѣстными порученіями отъ ногайцевъ [1]). О такомъ поведеніи хана дано было знать Потемкину. Тогда послѣдній потребовалъ отъ него немедленнаго удаленія изъ Тамани. Шагинъ медлилъ и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца оставался на мѣстѣ. Потемкинъ далъ знать въ Петербургъ, послѣ чего получилъ отъ императрицы письмо къ хану. Въ немъ Екатерина указывала бывшему хану городъ Воронежъ для пребыванія и повторяла, что на содержаніе его тамъ будетъ отпускаться 200 т. ежегодно. Кромѣ того, на путевыя издержки туда ассигновалось 20 тысячъ, которыя должны быть выданы на руки капитану Гельфрейху, назначенному сопровождать хана [2]). Въ отвѣтъ на это письмо ханъ вошелъ «въ разныя нескладныя изъясненія» [3]). Тогда Потемкинъ посылаетъ на Тамань Игельстрома, смѣнившаго въ начальствованіи надъ войсками въ Крыму генерала де-Бальмена, поручивъ объявить бывшему хану высочайшее повелѣніе немедленно оставить Тамань и избрать для мѣстожительства одинъ изъ слѣдующихъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу, при чемъ обнадежить его аккуратнымъ полученіемъ обѣщаннаго жалованья; въ случаѣ же упорства объявить, что дальнѣйшее его пребываніе въ новоприсоединенной области не можетъ быть допущено, и съ этою цѣлью препроводить его подъ стражей въ одинъ изъ указанныхъ городовъ, возложивъ исполненіе этого дѣла на генералъ-поручика Павла Потемкина [4]). Посылка Игельстрома оказала свое дѣйствіе: 15 мая 1784 г. Шагинъ-Гирей, оставивъ на Тамани свиту, состоявшую почти изъ 2000 человѣкъ, гаремъ и имущество, отправился, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, на фрегатѣ «св. Николай» въ Таганрогъ [5]). Оттуда, конвоируемый атаманомъ Иловайскимъ, онъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Въ Воронежѣ хану жилось хорошо: онъ былъ окруженъ вниманіемъ и не ощущалъ недостатка ни въ чемъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой безмятежной жизни, Шагинъ отказался отъ

---

[1]) Ibid., стр. 282.
[2]) Ibid., стр. 289 и 290.
[3]) Ibid., стр. 297.
[4]) Ibid., стр. 297—299.
[5]) Ibid., стр. 301.

мысли выступить снова въ роли искателя власти и пересталъ домогаться престола въ Персіи.

Да не о ханствѣ думали и въ Петербургѣ. 24 сентября 1784 г. кіевскому губернатору Черткову былъ посланъ высочайшій указъ о томъ, что бывшій крымскій ханъ имѣетъ слѣдовать въ Кіевъ, откуда Чертковъ долженъ былъ озаботиться препровожденіемъ его въ турецкія владѣнія [1]). Потемкинъ объявилъ объ этомъ Шагину, который написалъ въ Петербургъ письмо о дозволеніи ѣхать и сталъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Весь конецъ 1784 года и весь слѣдующій годъ ханъ провелъ въ ожиданіи. Наконецъ въ концѣ 1785 г. было дано знать, что онъ переводится въ Калугу. 17 января новаго года Шагинъ выѣхалъ туда, въ сопровожденіи находившагося при немъ Лашкарева, отправивъ впередъ свою небольшую свиту, въ которой состояли Терзи-Измаилъ-Эфенди, двое муллъ, капитанъ-ага ханскаго корабля и съ ними 20 человѣкъ нижнихъ служителей. На пути оказывали ему особую честь: приказано было выставлять подъ его проѣздъ до ста подводъ, исправникамъ и городничимъ—встрѣчать и провожать, а также отводить удобныя помѣщенія [2]). 11 января ханскій обозъ былъ уже въ Богородицкѣ, чрезъ пять дней прибылъ туда самъ Шагинъ. Между прочимъ ханъ останавливался здѣсь на ночлегъ у Болотова, сохранившаго о переводѣ хана въ Калугу любопытнѣйшія записки и оставившаго намъ изображеніе хана [3]). На другой день ханъ выѣхалъ чрезъ Тулу въ Калугу.

Въ Калугѣ Шагинъ поселился въ отведенномъ для него загородномъ домѣ, гдѣ жилъ весьма уединенно, раздѣляя время съ Лашкаревымъ, къ которому питалъ особенное расположеніе.

Но не могъ бывшій ханъ оставаться покойнымъ: съ первыхъ же дней его пребыванія здѣсь начались недоразумѣнія, которыя сильно его разстраивали. Современники указывали на кн. Потемкина,

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 141.

[2]) „Записки Болотова“ въ Рус. Стар., 1875 г., стр. 76—77.

[3]) „Я имѣлъ довольно времени разсматривать черты лица его и замѣтить столь сильно въ своей памяти, что, по отъѣздѣ его, въ состояніи былъ заочно нарисовать одними красками портретъ столь на него похожій, что всѣ татары, заѣзжавшіе послѣ его ко мнѣ, тотчасъ узнавали, что это портретъ ихъ хана“. Записки Болотова, стр. 82, Рус. Ст., 1875 г., кн. I.

который будто-бы «не допустилъ хана спокойно окончить свою жизнь». Болотовъ такъ объясняетъ это: «Потемкинъ за что-то не любилъ хана и всячески старался не допустить его до двора императрицы, чего онъ съ великою ревностью добивался [1]). Другой современникъ, англійскій дипломатъ при русскомъ дворѣ, лордъ Мальмесбюри въ своемъ письмѣ къ лорду Грантаму передаетъ слѣдующій отзывъ, сдѣланный въ 1782 г. кн. Потемкинымъ о Шагинѣ: «это человѣкъ бездарный и смѣшной, имѣющій претензію быть подражателемъ Петра Великаго» [2]). По прибытіи хана въ Калугу, выѣхалъ въ Петербургъ одинъ изъ бывшихъ при немъ приставовъ—Хрущовъ. Шагинъ передалъ ему письмо къ канцлеру Бездородку, съ которымъ, по собственному своему признанію, хотѣлъ завести дружбу и въ знакъ этой дружбы сдѣлать, по принятому на востокѣ обычаю, подарокъ. Онъ просилъ Хрущова написать изъ Петербурга, позволитъ ли государыня имѣть канцлеру пріязнь съ нимъ. прибавляя, что, по увѣдомленіи, онъ вышлетъ перстень для подарка. Хрущовъ три раза писалъ о высылкѣ перстня. Послѣ третьяго письма Шагинъ выслалъ; но перстень не былъ врученъ и былъ отобранъ. Калужскій губернаторъ Кречетниковъ, прибывшій въ то время въ Петербургъ, привезъ его обратно и возвратилъ хану, при чемъ заявилъ, что ея императорское величество весьма сожалѣетъ о таковомъ поступкѣ. «Удивленіе хана, а паче прискорбіе въ семъ случаѣ, доноситъ Кречетниковъ Потемкину, было чрезвычайно» [3]). Въ поданномъ вслѣдъ за этимъ губернатору формальномъ отзывѣ ханъ жаловался, что его безпокоятъ напрасными обвиненіями, будто-бы чрезъ Хрущова онъ хотѣлъ подкупить перстнемъ графа Бездородка, дабы исходатайствовать себѣ прибытіе въ Петербургъ. «Я уже издавна знаю, писалъ ханъ, что россійское министерство никто не въ состояніи подкупить, кольми паче такого состоянія человѣкъ, въ коемъ я нынѣ, да сверхъ того и не имѣю никакой нужды, понеже я въ прошломъ году получилъ повелѣніе, что могу ѣхать въ Турцію, на которое я письмомъ къ ея величеству отвѣчалъ и по днесь нахожусь въ ожиданіи повелѣнія по человѣколюбію предпріять путь по

---

[1]) Ibid., стр. 76.

[2]) Русскій Архивъ, 1874 г., к. 2 („Записки лорда Мальмесбюри“), стр. 867.

[3]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 132—135.

желанію моему. Я не зналъ, что ея величеству не угодно, чтобы я имѣлъ дружбу съ ея министромъ, а мое желаніе было всегда оную имѣть да и вновь пріобрѣтать, то я безъ всякаго зазрѣнія явно говорилъ, что желаю познакомиться съ графомъ Безбородко и по нашему азіатскому обычаю сдѣлать дружескій подарокъ» [1]). Шагинъ просилъ Кречетникова представить это объясненіе государынѣ. Этимъ, кажется, и окончилась исторія съ перстнемъ.

Но потомъ начались недоразумѣнія покрупнѣе. Оставшіеся на Тамани приближенные Шагина безпокоились его участью и неполученіемъ отъ него извѣстій. 7-го марта 1786 года братъ Шагина Арсланъ пишетъ ему письмо и спрашиваетъ, «какой конецъ послѣдуетъ дѣламъ его» и получилъ-ли онъ то письмо, которое было отправлено ему чрезъ одного изъ кабардинскихъ князей. Упрекая Шагина въ равнодушіи къ своимъ, онъ говоритъ, что всѣ выѣхавшіе съ нимъ на Тамань «не уповаютъ получить отъ него никакой помощи, да и по посредству его подъ покровительствомъ Россіи остаться опасаются». «Вспомни Бога! заключаетъ Арсланъ, открой намъ истинный конецъ свой, и если вы удалитесь отъ всѣхъ свѣтскихъ предпріятій, то дайте намъ объ этомъ знать, дабы и мы о пропитаніи самихъ себя возможныя мѣры приняли» [2]).

Переписка эта показалась настолько подозрительной, что признано было нужнымъ усилить мѣры предосторожности. Еще 13 января 1786 года Потемкинъ писалъ правителю таврической области Каховскому: «одобряя предосторожность вашу въ разсужденіи безпорядковъ, могущихъ произойти отъ писемъ, посылаемыхъ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, который требуетъ къ себѣ нѣкоторыя состоящія въ области таврической имущества, давно уже въ казенное вѣдомство взятыя, рекомендую употребить съ своей стороны мѣры къ недопущенію впредь оныхъ въ Тавриду, а между тѣмъ объявить бахчисарайскому еврею Веніамину, чтобы онъ по порученіямъ хана не осмѣливался требовать вещей, состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ и брать на себя подобныя комиссіи» [3]). Каховскій велѣлъ пограничнымъ комендантамъ, находившимся въ Еникале, Перекопѣ

---

[1]) Ibid., стр. 134.

[2]) Ibid., стр. 135.

[3]) „Ордеръ Каховскому“ за № 6, 13 января 1786 г. (Изъ дѣла „о ханской свитѣ“).

и Арбатѣ останавливать людей, которые будутъ слѣдовать изъ Калуги въ Крымъ или Тамань съ порученіями отъ хана и если при нихъ окажутся письма, то таковыя отбирать [1]). Скоро послѣ этого бригадиръ Ѳонъ, занимавшій перекопскую линію, задержалъ слѣдовавшаго изъ Калуги на Тамань съ письмами отъ хана и его свиты Кугаса и нашелъ при немъ до 38 писемъ, изъ которыхъ 30 писемъ были написаны на татарскомъ языкѣ и 8 на русскомъ. Ѳонъ арестовалъ Кугаса и препроводилъ его въ Симферополь къ Каховскому, отправивъ съ нимъ и отобранныя письма [2]).

Тогда Потемкинъ посылаетъ Каховскому 23-го апрѣля слѣдующій ордеръ: «по извѣстіямъ, что оставшаяся послѣ бывшаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея свита имѣетъ доселѣ пребываніе свое на островѣ Тамани безъ вступленія въ подданство ея императорскаго величества, предписываю объявить всей той свитѣ высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе, чтобы они сами приняли присягу въ вѣрности подданства ея величества, или-же, немедленно оставя всероссійскую область, удалились за границу» [3]).

Пока въ Калугѣ Кречетниковъ просилъ Потемкина «о произвожденіи Шагину пенсіона въ четыре срока въ году», указывая на то, что полученіе имъ пансіона въ два срока заставляетъ его нуждаться въ деньгахъ, которыя онъ «сыскиваетъ крайними процентами и огорченіями» [4]), въ Крыму Каховскій взялся за исполненіе распоряженія Потемкина относительно свиты. 27-го мая онъ выѣхалъ на Тамань предложить ханской свитѣ или принять подданство Россіи, или выселиться въ Турцію. 1-го іюня онъ былъ уже на Тамани и имѣлъ разговоръ съ начальникомъ ханской свиты Islямъ-беемъ. На предложеніе принять русское подданство послѣдній отвѣчалъ: «присягу я учинилъ Шагинъ-Гирею и далъ ему клятвенное слово во всю жизнь быть ему подвластнымъ; если Шагинъ позволитъ, то я согласенъ, но предварительно надо спросить хана» [5]). Каховскій далъ ему срокъ подумать до вечера и въ тоже

---

[1]) „Ордера секундъ-маіору Розенбергу, бригадиру Ѳону и Арабатскому коменданту Каховскому“, 7 февраля 1786 г. (Изъ дѣла о ханск. свитѣ).

[2]) Донесеніе брегадира Ѳона.

[3]) „Ордеръ Каховскому“ за № 153 отъ 23 апрѣля 1766 г. (Изъ дѣла о ханской свитѣ).

[4]) Зап. Одес. Общ., ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

[5]) „Рапортъ къ Потемкину“ отъ 8 іюля (Дѣло о ханской свитѣ).

время велѣлъ ему переписать всю свиту. Ислямъ-бей явился вечеромъ, принесъ списокъ ханской свиты, но рѣшительно отказался отъ принятія подданства. Тогда ему было объявлено явиться на другой день въ мечеть со всѣми мурзами, числящимися въ свитѣ. Призванные мурзы явились; пришелъ и начальникъ ханскаго гарема, султанъ Али-ага. Каждому изъ нихъ порознь Каховскій представлялъ выгоды вступленія въ русское подданство, убѣждая не опасаться гнѣва и мести Шагина. Всѣ они твердили, что ханъ приказалъ дожидаться его возвращенія, вслѣдствіе чего безъ его позволенія не смѣютъ вступить въ подданство [1]). Одинъ только Али-ага просилъ отсрочки, чтобы посовѣтоваться съ ханскими женами и потомъ объявить окончательное рѣшеніе. Отпустивъ затѣмъ собранныхъ, Каховскій ѣздилъ въ ногайскіе аулы, расположенные за городомъ съ тѣмъ-же предложеніемъ; но ногайцы тоже отказались. Между тѣмъ вернулся Али-ага и заявилъ Каховскому, что ханскія жены рѣшили ѣхать въ Румелію, а потому и самъ онъ отправляется съ ними. Убѣдившись въ безполезности переговоровъ, Каховскій приказалъ свитѣ выѣхать за Кубань—въ Турцію, а начальникамъ свиты выѣхать только послѣ того, какъ они перепишутъ все имущество хана и сдадутъ его по описи на храненіе командированнымъ для этой цѣли коллежскому ассесору Караценову и переводчику Ибрагимовичу [2]). Ногайскіе аулы подъ конвоемъ прибывшаго военнаго отряда начали переправляться за Кубань; къ отъѣзду готовы были и мурзы. Въ это время генералъ-маіоръ Розенбергъ, находившійся тамъ-же на Тамани, приводитъ къ Каховскому султана Али-агу. Послѣдній объявляетъ, что ханскія жены ни подъ какимъ предлогомъ не хотятъ ѣхать за границу, что онѣ рѣшили дожидаться возвращенія Шагина изъ Россіи и потому приказали ему принять присягу на вѣрноподданство. Не довѣряя словамъ Али-аги, Каховскій посылаетъ Караценова и Ибрагимовича узнать отъ самихъ ханшей принятое ими рѣшеніе. Онѣ подтвердили, что безъ ханской воли не смѣютъ никуда ѣхать и потому просятъ принять въ русское подданство начальника ихъ Али-агу [3]).

---

[1]) „Рапортъ къ Потемкину“ 8 іюля (Дѣло о ханск. свитѣ).

[2]) Ibid.

Ibid.

Послѣ этого было сдѣлано распоряженіе о приводѣ къ присягѣ Али-аги и остальныхъ людей, находившихся при немъ. 4-го іюня 187 человѣкъ ханской свиты и съ ними султанъ Али-ага принесли присягу на вѣрность россійскаго подданства, послѣ чего присягнувшимъ было позволено остаться на мѣстѣ, а султану Али-агѣ поручили кромѣ того надзоръ и храненіе ханскаго имущества, заключавшагося въ табунѣ изъ 71-й лошади, въ конской сбруѣ, охотничьихъ принадлежностяхъ и т. д. [1]).

Тѣмъ временемъ Islamъ-бей и съ нимъ 29 крымскихъ и ногайскихъ мурзъ съ 1,205 служителями переправлялись за Кубань подъ конвоемъ Караценова. 7-го іюня выселившаяся свита находилась уже на кубанской сторонѣ и расположилась близъ Анапы; но анапскій паша потребовалъ отъ Ислямъ-бея за пропускъ 1,500 р. Послѣдній отказалъ. Тогда паша велѣлъ взять Ислямъ-бея подъ стражу и посадить его на трехмачтовое судно, а въ Константинополь послалъ о происходившемъ на Кубани извѣстіе, для полученія необходимымъ указаній. Въ это время начальникъ сосѣдняго ногайскаго аула Оглу-Джанъ-Орсланъ, узнавъ о поступкѣ паши, объявилъ ханскую свиту подъ своимъ покровительствомъ и съ нѣсколькими ногайцами отправился въ Анапу, гдѣ потребовалъ освобожденія Ислямъ-бея, угрожая въ противномъ случаѣ оружіемъ. Паша послалъ въ горы къ абазинцамъ за помощью. На его приглашеніе явилось болѣе 200 человѣкъ, съ которыми онъ и укрѣпился. Джанъ-Орсланъ осадилъ крѣпость. Тогда анапскіе жители стали просить освободить Ислямъ-бея; паша уступилъ и Ислямъ-бей получилъ свободу [2]).

Что-же дѣлалъ въ это время Шагинъ? По выраженію Кречетникова, онъ сталъ «примѣтно неспокоенъ». Сначала у него отняли Лашкарева. Шагинъ жаловался, что ему не съ кѣмъ теперь дѣлить время, такъ какъ одинъ Лашкаревъ изъ числа русскихъ приставовъ знаетъ татарскій языкъ [3]). Но въ особенности оскорбился Шагинъ арестомъ Кугаса и посланныхъ на Тамань писемъ. Наконецъ, когда до него дошло извѣстіе о происшедшемъ на Кубани,

---

[1]) Зап. Одес. общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 140.

[2]) Рапортъ Каховскому.

[3]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

Шагинъ сталъ усиленно проситься въ Турцію. 4-го августа Кречетниковъ извѣщаетъ Потемкина, что Шагинъ послалъ ему копію съ высочайшаго указа, даннаго 24 сентября 1784 г. генералу Черткову о доставленіи его чрезъ Кіевъ въ турецкія владѣнія, и просилъ объ исполненіи этого указа. На замѣчаніе Кречетникова, что указъ относится къ Черткову, Шагинъ просилъ донести императрицѣ о его желаніи оставить Россію и ѣхать въ Турцію [1]). Просьба его была исполнена: приблизительно чрезъ мѣсяцъ пришло разрѣшеніе на выѣздъ. 11-го сентября Кречетниковъ уже спрашиваетъ Потемкина, какъ доставить Шагина, представляя на его разрѣшеніе слѣдующія двя обстоятельства: 1) что ханъ задолжалъ болѣе 130 т. разнымъ лицамъ и теперь разсчитываетъ уплотить долги по взысканіи съ купца Хохлова, оставшагося ему должнымъ за содержаніе откупа соляныхъ доходовъ и таможенныхъ пошлинъ, и 2) что ханъ медлитъ, ожидая отвѣта изъ Константинополя съ разрѣшеніемъ ему въѣзда въ Турцію [2]). Велѣно было торопить хана. 14 сентября въ Крымъ было послано Каховскому требованіе отпустить въ Кіевъ ханскій обозъ, а гаремъ препроводить на ханскомъ суднѣ въ Турцію [3]). Для этой цѣли па Тамань были отправлены изъ Калуги Крымъ-Гирей и офицеръ Крейсъ. Туда-же изъ Симферополя отправляется Караценовъ сдать по описи прибывшимъ имущество. Кромѣ того Караценову было поручено убѣдить нѣкоторыхъ изъ свиты не ѣхать въ Турцію, въ случаѣ-же неудачи—отпустить свиту не иначе, какъ выдавъ имъ русскіе паспорты [4]). Прибывъ на Тамань, Караценовъ собралъ свиту и говорилъ ей, что правитель таврической области, снисходя къ ея нуждамъ, позволяетъ каждому избрать опредѣленное положеніе, съ условіемъ остаться въ Крыму, или на Тамани и обѣщалъ необходимое вспомоществованіе, а кто пожелаетъ ѣхать за ханомъ, то будетъ отпущенъ не иначе, какъ съ срочнымъ русскимъ паспортомъ. Въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе Крымъ-Гирей просилъ Караценова спросить татаръ: «на какомъ основаніи они

---

[1]) Ibid., стр. 141.

[2]) Ibid., стр. 144.

[3]) „Отношеніе Протасова къ Каховскому“ отъ 14 сентября.

[4]) Рапортъ Каховскаго Потемкину.

раньше учинили присягу?» «Нужды никакой не имѣю, былъ отвѣтъ послѣдняго, ибо совершенно знаю, да и сами татары знаютъ, что присягали на вѣрность подданства всероссійской державы! Пусть лучше всякъ скажетъ: кто намѣренъ ѣхать и кто остается». Выступили «лучшіе», по выраженію Караценова, татары и чистосердечно признались, что хотятъ служить своему господину-хану; остальные молчали. Крымъ-Гирей снова заговорилъ и заявилъ, что ханъ считаетъ людей свиты своими подданными, такъ какъ, по увѣренію ѣздившаго на Тамань Кугаса, свита принесла присягу на вѣрность, а не на подданство. Султанъ Али-ага подтвердилъ, что дѣйствительно онъ самъ присягалъ только на вѣрность, а не на подданство. Только послѣ серьезныхъ доводовъ Караценовъ изобличилъ неправду. Все таки переговоры не привели къ желаннымъ результатамъ. Караценову ничего не оставалось дѣлать, какъ приготовить свитѣ паспорты и отпустить обозъ. 12 октября Кугасъ принялъ обозъ съ ханскимъ имуществомъ и выѣхалъ изъ Тамани въ Крымъ. Вслѣдъ за этимъ прибыли въ Керчь ханскія судна, взяли гаремъ и остальныхъ людей въ числѣ 117 душъ обоего пола, въ томъ числѣ и дѣтей, и 21 октября вышли въ море. Дурная погода занесла экипажъ въ балаклавскую бухту; простоявъ тамъ четыре дня, суда продолжали путь въ Турцію. Что касается обоза, слѣдовавшаго сухимъ путемъ, то, прибывъ къ Перекопу, Кугасъ просилъ позволенія перезимовать тамъ, но получилъ отказъ и выѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ ханомъ [1]).

Дѣйствительно ханъ находился уже въ дорогѣ. 5-го декабря, когда Кречетниковъ, узнавъ, что хотинскій паша не пропуститъ Шагина чрезъ границу безъ султанскаго разрѣшенія, спрашивалъ Потемкина, какъ поступить ему съ ханомъ и просилъ во всякомъ случаѣ избавить его отъ такого гостя, въ этотъ самый день Шагинъ былъ уже въ Бердичевѣ [2]), а 9 декабря продолжалъ путь къ Каменцу. Чрезъ недѣлю съ лишнимъ онъ былъ уже на границѣ, гдѣ не подалеку отъ Каменца въ $1^1/_2$ в. остановился въ деревнѣ Длужѣ въ ожиданіи возвращенія посланнаго въ Константинополь за разрѣшеніемъ ѣхать въ Турцію [3]). Въ тре-

[1]) Изъ дѣла о „ханской свитѣ". Донесеніе Караценова.
[2]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 149.
[3]) Ibid.

вожномъ ожиданіи отвѣта ханъ провелъ болѣе мѣсяца. Сопровождавшій его приставъ Вельяминовъ писалъ Кречетникову, что ханъ сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ, вслѣдствіе чего и говоритъ, «что удержится выѣзжать въ турецкую область». Кречетниковъ отвѣтилъ, что если Порта не приметъ хана, то внушитъ ему ѣхать въ Хотинъ и тамъ остаться «подъ претекстомъ поправленія своего здоровья, гдѣ можетъ начать переписку и требованія, какія ему заблагоразсудятся». Приставъ писалъ кромѣ того, что отпущенныя хану по 16 число декабря деньги уже израсходованы. Кречетниковъ выхлопоталъ ему содержаніе еще на одинъ мѣсяцъ, но объявилъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, выдача пенсіона прекращается со вступленіемъ его за турецкую границу.

Наконецъ 24 января возвратился давно ожидаемый Сеитъ-Ахметъ-Эфенди и привезъ хану письмо отъ визиря, который съ радостью объявлялъ султанское разрѣшеніе на пріѣздъ Шагина въ Турцію. Визирь писалъ: «для принятія по древнимъ нашимъ обычаямъ вашу свѣтлость и оказанія почестей со вступленія на границу и препровожденія отъ Хотина къ Бухаресту, а отколь чрезъ Ергокъ прямо къ Адріанополю опредѣленъ приставомъ Измаилъ-ага, а особливо, какъ вы почтенный и пріятный его султанскаго величества гость, для спокойствія и доставленія въ пути разныхъ выгодъ и всего того, что вашей свѣтлости будетъ угодно» [1]).

27 января 1787 года бывшій крымскій ханъ Шагинъ-Гирей оставилъ Россію; Вельяминовъ, сдавъ хана Измаилъ-агѣ, вернулся въ Россію.

Почтенному гостю султанскаго величества назначили для жительства Чифтилинъ въ Румеліи. Нашъ посолъ въ Турціи Булгаковъ, сообщая о семъ Каховскому, прибавлялъ: «не знаю истинной причины перехода сюда Шагина, но онъ самъ просился и раскается тысячу разъ о сей глупости» [2]). Дѣйствительно Шагинъ испыталъ участь сверженныхъ хановъ: онъ погибъ, по повелѣнію столь любезно ожидавшаго его султана, насильственною смертью на островѣ Родосѣ [3]).

Ѳ. Лашковъ.

[1]) Зап. Од. Общ. ист. и древн., т. XIII, стр. 153.

[2]) Изъ дѣла 1787 г. хранящагося въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя: „Сообщенія чрезвычайнаго посла при турецкомъ дворѣ г. Булгакова“.

[3]) Истор. царства Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр, 383.

ВѢДЬМА.

(Польскій разсказъ).

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

VII.

Надъ мѣстечкомъ, отстоящимъ на шесть верстъ отъ Сухой Долины, съ самаго утра стоялъ огромный гулъ голосовъ, надъ которымъ далеко разносился въ воздухѣ колокольный звонъ. На рыночной площади народъ кишѣлъ, какъ въ муравейникѣ. Тутъ продавались и покупались лошади, волы, коровы, телята, хлѣбъ, домашній холстъ, птица, яйца и множество другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Сани стояли возлѣ саней такъ близко, что и пройти нельзя, нерѣдко даже наѣзжая полозьями на полозья, люди и скотъ собирались въ подвижныя группы; крикъ, споры, брань торгующихся, ржаніе лошадей, мычаніе скота—все это сливалось въ одинъ общій, невообразимый гулъ; огромная пестрота костюмовъ и огромное разнообразіе лицъ мужескихъ и женскихъ, крестьянъ, евреевъ и мелкихъ шляхтичей дополняли картину ярмарки. Всѣ четверо Джурджей явились также на ярмарку, каждый со своимъ товаромъ. Петръ съ Климомъ пригнали корову и лошадь для продажи. Степанъ двухлѣтняго бычка, а Семенъ привезъ четверть гороху и жита. Все равно опишутъ и продадутъ, такъ лучше продать въ свою пользу все, что только можно вынести изъ дому. Многіе хозяева, прочитавъ молитву, отправляли бабъ въ церковь, а сами оставались возлѣ своихъ саней и товаровъ. Петръ оставилъ свое добро на попеченіе сына, а самъ направился къ небольшой бѣлой церкви, съ колокольни которой далеко разносился волнами праздничный звонъ колоколовъ. На паперти была такая тѣснота и давка, что спокойный, торжественно настроенный крестьянинъ едва могъ протолпиться до порога и ступить нѣсколько шаговъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., августовск. кн., стр. 693—726.

въ притворѣ. Здѣсь широкія спины въ кожухахъ стояли плотно, какъ непроницаемая стѣна, только между косматыми мужскими головами и убранными по праздничному головами женщинъ виднѣлась позолота иконостаса, пестрѣли хоругви, блестѣли горящія свѣчи, сверкнула на минуту поднятая вверхъ чаша и скрылась въ алтарѣ. Но вотъ послѣ минутнаго молчанія раздалось стройное хоровое пѣніе и медленные звуки херувимской, плавные и торжественные, росли все сильнѣе и сильнѣе и подымались къ самымъ сводамъ. Петръ хотѣлъ стать на колѣни, но не могъ вслѣдствіе тѣсноты и, наклонивъ голову, ударяя себя въ грудь, зашепталъ:

— Отче небесный, Царю земный, одпусти намъ тяжки грихи наши!..

Онъ самъ придумалъ себѣ эту краткую молитву еще въ то время, когда его мучило раскаяніе въ нанесенной матери обидѣ и съ тѣхъ поръ онъ всегда повторялъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда бывалъ въ особенно набожномъ настроеніи.

Началась эктенія. Петръ поднялъ глаза къ верху и всматривался въ рѣзьбу иконостаса, виднѣвшуюся надъ головами толпы; между вырѣзанными оригинальнымъ узоромъ, деревянчыми и золочеными колонками, рамами и пилястрами темнѣли намѣстные образа, изображенія четырехъ евангелистовъ, фигуры другихъ святыхъ, каждый со своею эмблемою, подъ ними выдѣлялись круглолицые серафимы, надъ царскими вратами красовалась въ серебрянной оправѣ икона, представляющая Тайную Вечерю. Глаза крестьянина наполнялись кроткою задумчивостью, губы перестали двигаться. Можетъ быть, онъ припоминалъ все, что когда либо перетерпѣлъ и перечувствовалъ, глядя на эту самую предъ-алтарную преграду: раскаяніе и тревоги собственной совѣсти, болѣзни сыновей, всѣ горести и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ радости и утѣшенія. Можетъ быть также, что онъ искалъ взоромъ надъ алтаремъ, надъ фигурами святыхъ, подъ самыми сводами, того свѣта и сіянія, въ какихъ смутно представлялось его воображенію царствіе небесное. Долго блуждалъ онъ взглядомъ въ вышинѣ и поминутно вздыхалъ.

— Отче небесный, Царю земный, Спасителю людській...

Блѣдное лице его, поднятые къ небу глаза и громкій вздыхающій шопотъ—все это выражало столько печали, благодарности и покорности... Но вотъ окончилось пѣніе и среди глубокой тишины отчетливо раздалось съ амвона: Во имя Отца и Сына, и святаго Духа... Начиналась проповѣдь. Съ своего мѣста Петръ могъ ясно различать стоявшаго на возвышеніи священника, его блестящія ризы и бѣлую тетрадку въ рукахъ Языкъ, на которомъ говорилась проповѣдь, не употребляется въ повседневной жизни крестьянъ и они съ трудомъ понимали ег о поэтому Петръ весь обратился во вниманіе; онъ наклонилъ голову, наставилъ уши и прислушивался изо всѣхъ силъ къ чистому, громкому голосу, будившему звучное эхо подъ сводами. Окружающіе люди слушали тоже, но по большей части разсѣянно или безъучастно. Они стояли въ сосредоточенныхъ, благоговѣйныхъ позахъ, даже часто вздыхали и въ тоже время посматривали на всѣ стороны, или дремали, закрывъ глаза.

Петръ вслушивался съ большимъ вниманіемъ въ слова проповѣди, но не всѣ они производили на него одинаковое впечатлѣніе. Иныя слова не пробуждали въ немъ никакихъ понятій и чувствъ, но были и такія, которыя трогали его до глубины души. Въ длинномъ вступленіи священникъ разсказывалъ народу о благости Божіей и козняхъ дьявольскихъ. При упоминаніи о Богѣ лице крестьянина прояснялось такъ, какъ будто озарялъ его лучъ небесный, и принимало блаженное, растроганное выраженіе. Когда-же раздавалось названіе сатаны, густыя брови его сдвигались надъ глазами, губы дрожали отъ гнѣва и тревоги, онъ весь дрожалъ и, казалось, готовъ былъ сплюнуть, если-бы не удерживала его отъ этого святость мѣста. Наконецъ проповѣдь оканчивается и служба идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ вся масса народу съ глухимъ шумомъ опускается на колѣни, сперва передній рядъ, за нимъ другой, третій и такъ дальше до самыхъ дверей; на клиросѣ снова раздается пѣніе, сопровождаемое шопотомъ и сдавленными вздохами. Усиленно работая локтями, Петръ расчистилъ себѣ мѣстечко и, припавъ головою къ холодному полу, зашепталъ:

— Нехай Божа сила переможе нечисту силу...

Вдругъ кто-то сильно толкнулъ его въ бокъ. Петръ оглянулся и увидѣлъ Клима, который наклонившись шепнулъ ему въ самое ухо.

— Татку! старшина хоче коня купити... я самъ не знаю, якъ зробити.

Петръ оттолкнулъ сына и снова наклонялся къ землѣ, но Климъ потянулъ его за кожухъ.

— Ходить, татку, а то стратимо торгъ...

— Скажи старшини, нехай самъ иде до церкви и людямъ не мишае молитись...

Это было сказано такимъ тономъ, что Климъ больше не настаивалъ; онъ тоже опустился на колѣни, положилъ нѣсколько поклоновъ и вышелъ изъ церкви. Но Петръ не могъ уже возвратить прежняго молитвеннаго настроенія; что-то начинало мучить и безпокоить его. Онъ встряхивалъ плечами, оглядывался, наконецъ не выдержалъ, поднялся съ колѣнъ, еще нѣсколько разъ перекрестился и вышелъ изъ церкви. На паперти Петръ встрѣтилъ Степана, идущаго въ церковь.

— А що тамъ чуть про мого коня? спросилъ онъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Та тамъ старшина поеднався зъ Климомъ... Ходи швидче, а то втеряешъ торгъ.

Степанъ тоже не продалъ еще своего бычка и потому не долго пробылъ въ церкви; Семенъ только помолился на паперти и поскорѣе направился къ корчмѣ съ деньгами, вырученными за горохъ и жито. Ни одинъ изъ нихъ не протолпился на середину церкви, а тѣмъ болѣе къ алтарю, передъ которымъ стояло полукругомъ множество людей, исповѣдавшихся передъ обѣднею и теперь ожидавшихъ причастія.

Передъ сумерками ярмарка кончилась и народъ началъ расходиться, за то по мѣрѣ того, какъ пустѣлъ рынокъ, число саней и лошадей передъ обширной каменной корчмою все болѣе и болѣе увеличивалось. Людямъ, которые цѣлый день провели на холодѣ, зябли въ церкви и зябли продавая и покупая на

рынкѣ, было даже необходимо обогрѣться и подкрѣпить свои силы въ теплыхъ стѣнахъ прежде, чѣмъ пускаться въ путь по домамъ. Закругленныя ворота корчмы, на сквозь прорѣзывающія цѣлое зданіе, напоминали собою темную пасть, которая поглощала всѣхъ входившихъ сюда людей; передъ корчмою на небольшой площади, твердой отъ мороза, покрытой снѣгомъ, усыпанной соломою и блестѣвшей замерзшими лужами, стояло множество саней, а лошадиныя головы и шеи совсѣмъ исчезали въ привязанныхъ передъ ними мѣшкахъ съ кормомъ.

Здѣсь корчма была гораздо просторнѣе и помѣстительнѣе, нежели въ Сухой Долинѣ; очевидно въ мѣстечкѣ должны были разсчитывать на значительно большее число посѣтителей, чѣмъ въ селѣ Въ огромной печи горѣлъ сильный огонь; каждый входящій останавливался передъ нимъ на минуту погрѣть прозябшія руки, топалъ ногами, чтобы согрѣться, потомъ отходилъ къ одному изъ столовъ, окружавшихъ комнату и снималъ полотняный мѣшечекъ, висѣвшій на веревочкѣ черезъ плечо. Такой мѣшочекъ былъ у каждаго; въ немъ хранились съѣстные припасы, взятые изъ дому на цѣлый день и различающіеся по количеству и качеству, соотвѣтственно степени зажиточности каждаго. Одни доставали изъ своихъ сумокъ только черный хлѣбъ, щепотку соли, да нѣсколько кусковъ твердаго сыру; другіе кромѣ хлѣба имѣли сало, колбасы, крутыя яйца. Одни широко разсаживались на скамьяхъ передъ своими припасами, другіе ѣли стоя и даже ходя изъ угла въ уголъ. Толпа все болѣе и болѣе возрастала, шумъ становился оглушительнымъ, со всѣхъ сторонъ слышались требованія водки, пива, меду; евреи разныхъ возрастовъ, шинкарь и его семья, безъ устали кружились въ толпѣ съ жестяными кружками, квартами, рюмками и стаканами зеленаго стекла въ рукахъ, съ глиняными мисками, наполненными кислыми огурцами и соленою рыбою, которыми крестьяне закусывали послѣ водки.

Въ корчмѣ собрались жители отдѣльныхъ селъ, но всѣ почти принадлежали къ одной волости. Поэтому почти всѣ были болѣе или менѣе знакомы между собою и занимали другъ друга

разговорами о нынѣшней ярмаркѣ, о понесенныхъ убыткахъ или барышахъ, о различныхъ обстоятельствахъ своей домашней жизни. Въ глубинѣ хаты старшина, самый главный начальникъ волости, уже не молодой крестьянинъ съ длинной рыжей бородой, въ черной бараньей шапкѣ, надвинутой на самыя брови, угощалъ медомъ довольно многочисленную компанію. Въ этой компаніи принимали участіе между прочими и нѣкоторые обыватели Сухой Долины, а между ними главная роль принадлежала Петру Джурджѣ, который доставилъ поводъ для угощенія продажею своей лошади. Естественно по этому, что бесѣда началась разсказомъ о различныхъ достоинствахъ этой лошади, затѣмъ перешла къ оживленнымъ разговорамъ о лошадяхъ вообще, по временамъ доходившимъ даже до споровъ, которые, впрочемъ, старшина прекращалъ съ самаго начала, подливая въ рюмки меду изъ жестяной кружки и любезно приглашая собесѣдниковъ.

— Котентуйтеся, панове громадо, котентуйтеся! Будьмо здорови! Дай Боже щастя!

Выраженіе *панове громадо* ежеминутно повторялось на его устахъ. Онъ чувствовалъ себя главою и начальникомъ общины или громады и не упускалъ ни малѣйшаго случая напоминать объ этомъ всѣмъ и каждому. Крестьяне кивали головою въ знакъ благодарности и подносили рюмки къ губамъ. Одинъ только Климъ не пилъ и не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ былъ слишкомъ молодъ, еще не женатъ и не имѣлъ собственнаго хозяйства; онъ прибылъ съ отцемъ и только при немъ что нибудь значилъ; присутствіе старшины и столькихъ пожилыхъ, уважаемыхъ хозяевъ лишало его смѣлости и не дозволяло принять участія въ общемъ угощеніи. Онъ все время стоялъ за спиною отца и просовывая оттуда свое румяное лице, нѣсколько застѣнчиво и не безъ зависти посматривалъ на кварты и рюмки. Быстрые, плутовскіе глаза старшины, уже развеселившіеся отъ меду, встрѣтились съ его застѣнчивымъ взглядомъ.

— Аааа! протянулъ онъ съ усмѣшкой и какъ-бы въ удивленіи указывая на юношу. Пановѐ громадо! Чи се парубокъ, чи дивчина?

И вытянулъ голову, какъ-бы для того, что-бы лучше разглядѣть.

— Дивлюсь, дивлюсь и не можу пизнати, що воно таке! Здаеться й парубокъ, але-жъ зховався за батька и засоромився, якъ дивчина... А ну, вылазь... иди до столу, бо справди подумаю, що ты зъ хлопця та дивкою ставъ!...

Громкій смѣхъ послѣдовалъ за этою остротою; засмѣялся и Петръ и толкнулъ сына къ столу.

— Ну, иди, коли панъ старшина кличуть..

Впрочемъ Климъ далеко не былъ такимъ застѣнчивымъ, какимъ считалъ его старшина; правда, онъ прикрылъ рукою ротъ, но все таки прямо смотрѣлъ веселыми глазами на главнаго сановника волости. Тотъ налилъ полный стаканъ меду и подалъ молодому парубку.

— Пый, щобъ швидче усы пидъ носомъ росли! сказалъ онъ ему и доливая всѣмъ стаканы, повторялъ:

— Пыйте, панове громадо, просю вашои милости!

Всѣ выпили и смѣялись надъ Климомъ, который, при напоминаніи объ усахъ, погладилъ рукою золотистый пушокъ, пробивавшійся надъ верхнею губою, потомъ кивнулъ головою и бойко произнесъ:

— Дай Боже здоровья, пане старшино!

— На здоровъя тоби! отвѣчалъ старшина и прибавилъ, обращаясь къ Петру:

— Не пишовъ въ москали? га?

— А не пишовъ, отвѣчалъ отецъ съ сіяющимъ лицемъ; якъ прыйшла ёму пора выймати жребій, Ивась ще бувъ малый, а мени вже, дякувати Богу, 51-й рикъ минавъ. Братъ малый... батько старый... значить винъ и выйшовъ вильготнымъ и зостався въ хати. Дякувати за те Богу милосердному...

— Отъ и выкрутився, замѣтилъ кто-то съ боку.

— Ну, щасливый, прибавилъ другой.

— А щасливый, повторилъ Петръ, коли-бъ тилько на все такъ Господь благословивъ...

Старшина подавалъ счастливцу другой стаканъ меду со словами:

— Пый, та памъятай, хто тебе частуе.

Парубокъ нерѣшительно взглянулъ на отца, но Петръ, обрадованный честью, оказанною его сыну и сверхъ того довольный его скромнымъ поведеніемъ, толкнулъ его въ бокъ, говоря:

— Пый, коли панъ старшина кажуть..

На этотъ разъ Климъ, уже совершенно освоившійся и чрезвычайно довольный, не просто поднесъ стаканъ ко рту, а быстро поднялъ его къ верху и самъ подпрыгнулъ такъ, что часть меду пролилась на столъ.

— Щобъ кинь такъ выбрыкувавъ! крикнулъ онъ и залпомъ осушилъ стаканъ.

Выдумка эта очень понравилась окружающимъ, которые также подымали надъ головою стаканы и повторяли другъ за другомъ:

— Щобъ такъ кинь выбрыкувавъ, пане старшино, щобъ такъ кинь выбрыкувавъ!

Тостъ этотъ относился къ той лошади, которую старшина купилъ въ этотъ день у Петра Джурджи. Антонъ Бодрукъ, староста Сухой Долины, веселый отъ природы, а можетъ быть и не лишенный нѣкоторыхъ разсчетовъ, въ свою очередь хотѣлъ попотчивать старшину и всю компанію и потребовалъ еще кварту меду.

— Не хочемо меду! отозвалось нѣсколько голосовъ, коли частуешъ, такъ давай горилки!

Бодрукъ приказалъ подать водки и, наливая старшинѣ стаканъ меду по его желанію, началъ:

— Таке дило есть, пане старшино. Хочемо починати процесъ за тіи грунта и луги... Коли-бъ давность не зайшла. . скажить, що знаете про те... може вы намъ що нибудь порадите.. Таке дило есть...

И хотя онъ выпилъ много меду и еще водки сверхъ того, но все таки началъ еще довольно обстоятельно разсказывать это

важное для цѣлаго села дѣло. Но Петръ прервалъ его и самъ принялся излагать дѣло передъ старшиною. Максимъ Бодрукъ и трое Лободъ въ свою очередь перебивали и того, и другаго; поднялось настоящее смѣшеніе языковъ. Но старшина былъ уже опытенъ въ дѣлахъ общественныхъ.

— По черзи, панове громадо! крикнулъ онъ, кажить по черзи! Зъ початку одинъ, а потимъ другій, а я буду слухати. Я мижъ вами усима найстаршій и вси вы до мене якъ до батька...

— Якъ до батька! хоромъ подтвердили всѣ; въ эту минуту пьяный Семенъ протолпился къ старшинѣ и началъ, цѣлуя его въ локоть:

— Я до васъ, пане старшино, якъ до батька.., не продавайте господарства... Гиркая бида на мене й моихъ дитокъ...

Нѣсколько рукъ протянулось впередъ и оттолкнуло пьянаго, и онъ, шатаясь, направился къ шинкарю, бормоча:

— Хацкелю, дай горилки... Коли боишься Бога, дай ще крючкивъ зо два... Маю ще два злота... заплатю... Ой, гиркая доля...

Замѣтивъ, что между старшиною и прочими хозяевами заходитъ серьёзный дѣловой разговоръ, Климъ удалился изъ этой группы и перешелъ въ другую, состоявшую изъ нѣсколькихъ десятковъ бабъ, которыя грѣлись передъ огнемъ. Онѣ тоже ѣли принесенные изъ дому припасы, говорили о сегодняшней ярмаркѣ, спорили, или повѣряли другъ другу свои горести. Съ приближеніемъ Клима въ этой группѣ тотчасъ раздались пискливые крики и хохотъ. Два стакана меду развеселили его и придали развязности; онъ сейчасъ же ущипнулъ за руку какую-то знакомую женщину изъ Сухой Долины, другой шепнулъ на ухо что-то такое, отъ чего она вспыхнула, какъ піонъ и закрылась отъ него рукою. Другія женщины постарше толкали его кулаками, кто шутя, кто съ притворнымъ гнѣвомъ и прогоняли его къ мущинамъ. Вскорѣ однако всѣ затихли и внимательно разсматривали предметъ, который Климъ вынулъ изъ подъ кожуха и показывалъ бабамъ; это была довольно большая икона, представляющая какую-то святую въ рамкѣ, выклеенной золотою бумагою. Нѣкоторыя даже подымались на цыпочки, чтобы по-

лучше разсмотрѣть ее черезъ плечи сосѣдокъ. Святая представлена была въ красной одеждѣ, съ золотою короною на головѣ, въ рукахъ держала голубую пальму. Грубо положенныя яркія краски и блестѣвшая передъ огнемъ позолота рамокъ привели женщинъ въ восхищеніе; всѣ смотрѣли, любовались, хвалили и начинали допрашивать Клима, для кого онъ купилъ такой прекрасный образъ, для себя и для кого другаго. Тотъ зналъ прекрасно, для кого купилъ его, но ни за что не хотѣлъ признаться и, заливаясь отъ смѣха надъ любопытствомъ и жадностью, отражавшимися въ глазахъ женщинъ, спряталъ образокъ за пазуху. Въ это время изъ группы, засѣдавшей за рюмками у окна, окликнулъ его небольшаго роста, подвижной человѣкъ съ вздернутымъ носомъ, одѣтый на половину по крестьянски, на половину по шляхетски, лѣсничій изъ сосѣдняго помѣстья, купившій въ этотъ день корову у Петра Джурджи.

— Климе, а, Климе! выпый-но зъ нами. Щобъ корова була здорова!

Климъ выпилъ поданную рюмку и подскочивъ къ стоявшей въ углу бочкѣ съ водою, опрокинулъ ее и вылилъ воду на полъ, приговаривая:

— Щобъ корова стилько молока давала!

Громкій смѣхъ раздался по хатѣ, женщины съ крикомъ и визгомъ разбѣжались по угламъ. Широкая струя воды текла изъ угла въ уголъ, унося съ собою брошенныя на землю яичныя скорлупки, корки огурцовъ, головы и хвосты селедокъ. Климъ исчезъ въ толпѣ крестьянъ, окружившихъ его съ чарками въ рукахъ; между ними былъ и Семенъ, который поминутно дергалъ его за рукавъ, не выпуская рюмки изъ рукъ, и бормоталъ:

— Позычъ грошей, Климе, змилуйся позычъ... хочъ злота позычъ.. вже свои вси пропивъ... Гиркая доля мени й моимъ диткамъ...

Наступила совершенная темнота; шинкарь принесъ три тоненькія сальныя свѣчки въ мѣдныхъ, залитыхъ саломъ подсвѣчникахъ и разставилъ на столѣ въ разныхъ углахъ комнаты.

Между тѣмъ Степанъ Джурджа собралъ возлѣ себя небольшой кружокъ и громко разсказывалъ что-то, видимо довольный тѣмъ, что и ему удалось хоть гдѣ нибудь играть первую роль. Когда подали свѣчи, онъ увидѣлъ старшину, окруженнаго обывателями Сухой Долины, которымъ онъ говорилъ что-то съ чувствомъ собственнаго достоинства. Смуглое, морщинистое лице Степана вспыхнуло яркою краскою, частью отъ оживленной бесѣды, частью отъ выпитой водки. Однако его интересовало знать, о чемъ говорилъ старшина съ его сосѣдями; онъ приблизился къ ихъ группѣ и началъ прислушиваться.

— То вже такъ треба, панове громадо, убѣждалъ старшина, безъ того не можна, безъ того вже ничого не буде. Треба обрати повномочныкивъ, щобъ одъ всихъ васъ пишли у мисто, та наняли аблаката; то найперша ричъ—обрати повномочныкивъ... а друга ричъ наняти аблаката. Цилою громадою не пидете до аблаката, ани до суду... Повномочныки за васъ ходитимуть. Зійдетесь соби уси до старосты якого тамъ дня, та й порадитесь, кого обрати, хто мижъ вами найрозумнійшій и найповажнишій

Изъ уваженія къ старшинѣ рѣчь его выслушана была стоя и съ большимъ вниманіемъ; но когда онъ кончилъ, нѣсколько голосовъ отозвалось:

— На вищо намъ одкладати на дали! Мы соби й заразъ выберемо... нехай панъ старшина будуть свидкомъ.

— Але! подтвердили другіе, можна, чому не можна...

— Не вси-жъ мы тута, возразилъ одинъ голосъ.

— Ничого не шкодить! Що мы тутъ постановимо, на те уси згодяться, утверждалъ староста Сухой Долины

— А багато-жъ ихъ треба, тихъ повномочныкивъ? спросилъ Петръ.

— Трое, отвѣчалъ старшина, бильшъ не треба, але трехъ то вже доконче треба.

Въ эту минуту Степанъ Джурджа дернулъ Петра за рукавъ и шепнулъ:

— Скажи, Петре, нехай мене выберуть повномочникомъ..

Но шопотъ его заглушило множество голосовъ:

— Першъ усього то вже просимо старосту...

Круглое, полное лице Антона Бодрука съ льняными усами и вздернутымъ носомъ иросіяло, какъ полный мѣсяцъ.

— Добре, отвѣчалъ онъ, буду, чому ни...

На этотъ разъ Степанъ уже толкнулъ кулакомъ Петра подъ бокъ.

— Ну озывайся-жъ... кажи, щобъ мене выбрали...

Глаза его горѣли жаждою отличія, а можетъ быть и отъ предстоящей оживленной дѣятельности. Но крестьяне провозгласили другимъ уполномоченнымъ стараго Лободу, который теръ себѣ лысину и просилъ уволить его отъ такихъ хлопотъ, а лучше возложить ихъ на котораго нибудь изъ его сыновей. Самый старшій изъ нихъ, Пилипъ, тотчасъ заявилъ самъ, что онъ не прочь; хоть ему тяжело будетъ оставлять хозяйство и ѣздить въ городъ, но онъ все таки не откажется.

— Нехай буде Пилипъ, согласились крестьяне.

— Ну, а третій? спросилъ старшина.

— Нехай вже третимъ буде Петро Джурджа.

Петръ выпрямился также какъ въ то время, когда его избрали старостою и съ сіяющимъ видомъ благодарилъ за честь. Степанъ опять толкнулъ его кулакомъ.

— Скажи, Петре, нехай выберуть мене за четвертого...

Петръ съ безпокойствомъ почесалъ затылокъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Може-бъ ще Степана узяти четвертого..

— Не треба четвертого, крикнули ему со всѣхъ сторонъ, панъ старшина казали, що тилько трехъ треба, бильше не треба!

— То може нехай буде Степанъ на мое мисце? предложилъ Пилипъ Лобода и просто прибавилъ: мени тяжко буде, я не хочу...

— Не хочемо Степана, крикнули всѣ. На що винъ намъ здався? тилько зъ другими сваритиметься про все...

— Ще аблоката прибъе, прибавилъ кто-то смѣясь.

Кровь бросилась къ лицу Степана, онъ ворвался въ самую середину кружка и началъ кричать, доказывая, что выборы производились незаконно, такъ какъ на нихъ присутствовали не всѣ хозяева Сухой Долины, что его должны выбрать уполномоченнымъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ жаловаться въ судъ и т. д. Началась ссора и дѣло навѣрно перешло-бы въ драку, но старшина поднялся со скамьи и сталъ кричать на Степана, не жалѣя грубыхъ словъ и ругательствъ. Онъ чувствовалъ себя лично оскорбленнымъ.

— Якъ-то не по закону? кричалъ онъ, коли я тутъ, такъ все по закону. Я тутъ найстаршій и все можу становити .. Мене самъ царь настановивъ надъ вами... Схочу, пожалую, а схочу, у каторгу зашлю...

Степанъ смѣшался было на минуту, но тотчасъ-же оправился, съ задорнымъ видомъ крикнулъ на шинкаря, приказывая подать кварту водки, и усѣвшись съ нѣсколькими пріятелями поодаль отъ старшины, сталъ пить на пропалую.

Между тѣмъ Петръ, приведенный уже въ мечтательное настроеніе и обрадованный отличіемъ, которымъ его почтили, въ свою очередь потчивалъ старшину и сосѣдей.

— Дякую, пане старшино! дякую, панове громадо! повторялъ онъ безпрестанно и, остановившись передъ Антономъ Бодрукомъ съ чаркою въ рукѣ, съ прищуренными глазами, торжественно произнесъ:

— Ты повномочникъ и я повномочникъ, ты староста и я староста... такъ и поцимуймося.

И оба громко поцѣловались.

Впрочемъ и общее всей толпы пьянство достигло къ этому времени довольно высокаго развитія, но оно отличалось извѣстными характеристическими чертами. Людей, которые, подобно Семену Джурджѣ, пили каждый отдѣльно, безъ всякаго повода, было очень немного. Огромное большинство пило тоже на пропалую, но взаимно угощая другъ друга по различнымъ поводамъ, а въ такихъ поводахъ не было недостатка; здѣсь все уже являлось благовиднымъ предлогомъ: и продажа лошади, и по-

купка коровы, и встрѣча съ знакомымъ, и примиреніе между спорящими, и воспоминаніе объ отцѣ, умершемъ годъ тому назадъ, и проектъ женитьбы сына, или выдачи замужъ дочери и т. д. Радостные или грустные случаи, прибыль или убытокъ, пріятельство или ссора, надежда или печаль, все было поводомъ къ угощенію, на которое каждый считалъ обязанностью отвѣтить въ свою очередь. Въ хатѣ царила невообразимая смѣсь голосовъ, настроенныхъ на самые разнообразные тоны, и движеній, обличавшихъ различныя степени опьяненія. Въ одномъ концѣ хаты начиналась драка, которая оканчивалась выталкиваніемъ побѣжденныхъ за дверь, въ другомъ притиснутый къ стѣнѣ еврей шинкарь кричалъ отъ страха, а потомъ въ свою очередь бранилъ отчаянно ругавшихъ его крестьянъ; дальше два парня, подбоченившись, покачивались другъ передъ другомъ, повторяя однообразнымъ голосомъ одно и тоже слово. Нѣсколько крестьянъ изъ Сухой Долины, съ чарками въ рукахъ, лѣзли цѣловаться къ старшинѣ, который, тоже сильно подпившій, развалился на лавкѣ, надвинулъ свою огромную шапку глубоко на глаза. Крестьяне цѣловали его въ щеки и повторяли:

— Ты надъ нами найстаршій, ты всимъ намъ якъ батько..

Напротивъ Семенъ подошелъ теперь къ нему съ задорнымъ видомъ.

— Ты мени господарства описувати не смій! крикнулъ онъ, бо якъ опишешъ, забъю... далеби забъю... Хочь ты и старшина, а таки забъю... и буде тоби шабашъ!

Петръ Джурджа сталъ передъ Максимомъ Бодрукомъ.

— Въ тебе дочка, а въ мене сынъ, разсуждалъ онъ; отъ воно й добре... и слава Богу милосердному.

А Бодрукъ говорилъ въ тоже время:

— Въ тебе сынъ, а въ мене дочка... Чому не мае бути воли Божои... буде... присылай тильки старостивъ...

— Присылай! утвердительно повторилъ Петръ и, поднявъ къ верху указательный палецъ, продолжалъ размазывать съ умиленнымъ видомъ:

— Въ тебе дочка, а въ мене сынъ... нехай, якъ той казавъ, Божа сила переможе нечисту силу..

Въ эту минуту Климъ потянулъ его за рукавъ.

-- Идьмо до дому, татку, запищалъ онъ тонкимъ, жалобнымъ голосомъ.

Онъ былъ тоже пьянъ, но еще не терялъ сознанія и ему хотѣлось домой, чтобы поскорѣе отдать Настѣ образокъ. Петръ изумленными глазами посмотрѣлъ на сына и сердито закричалъ:

— А ты бувъ хворый! мало не вмеръ! Нечиста сила тоби ту хворобу поробила...

Климъ плюнулъ и перекрестился.

— Бодай вона сьвита не бачила, ота, що мени таку биду наслала! Їдьмо до дому, татку!

И тащилъ отца за рукавъ кожуха; тотъ не противился, но слѣдуя за сыномъ, оглядывался на Максима и кричалъ:

— Памъятай-же, Максиме! въ тебе дочка, а въ мене сынъ... нехай Божа сила подужае нечисту силу..

У самаго порога отецъ съ сыномъ натхнулись на Семена.

— А ты чого ще тутъ байдыкуешъ! крикнулъ на него Петръ; до дому тоби... а то остатню копійку пропъешъ...

— Вже й пропивъ... похвалился Семенъ,—все, що взявъ за жито й за горохъ, все вже до копійки пропивъ... вже й шабашъ мени и моимъ диткамъ...

Выходя изъ корчмы, Петръ съ Климомъ вытолкали и Семена сперва въ сѣни, а затѣмъ на площадь, усѣянную еще крестьянскими саньми, хотя часть людей уже разъѣхались. Здѣсь они увидѣли Степана, который снималъ у своей лошади мѣшокъ съ шеи и готовился къ отъѣзду.

— Гей, дядьку! окликнулъ его Климъ, почекайте, разомъ поидемо...

Степанъ отличался еще большею злостью и угрюмостью, когда бывалъ пьянъ; вмѣсто всякаго отвѣта онъ только проворчалъ сквозь зубы какое-то проклятіе и потомъ крикнулъ Петру:

— А я таки, шельмо ты, буду повномочникомъ... чуешъ?

— А ты не лайся... бо нема за що... Слава Царю небесному на вики виковъ... отвѣчалъ Петръ.

Семенъ также поплелся къ своимъ санямъ, бормоча про себя:

— Не дала .. шельма видьма... не дала грошей .. щобъ вона сьвита не бачила .. а теперъ вже шабашъ тоби й твоимъ диткамъ...

Трое Джурджевыхъ саней одновременно тронулись отъ корчмы мелкою рысью крестьянскихъ лошадей и, миновавъ мѣстечко, вскорѣ очутились среди занесенныхъ снѣгомъ полей.

Холодно. Морозъ не особенно сильный, не больше десяти градусовъ, но рѣзкій сѣверный вѣтеръ подымаетъ съ земли цѣлыя облака снѣгу. Снѣгъ падаетъ и сверху, мелкій какъ песокъ, но густой и твердый. Мѣсяца не видно за бѣлыми снѣговыми тучами, которыя заволокли все небо, и, хотя ночь не могла быть темною, но все таки плохо видно было сквозь эту снѣжную мглу. Вѣтеръ сбиваетъ его клубьями или подымаетъ въ воздухѣ густыми облаками, а мѣсяцъ, прорывая на секунду бѣлый покровъ неба, проникаетъ атмосферу какою-то матовою ясностію, которая ничего не освѣщаетъ.

Всего шесть верстъ отдѣляло мѣстечко отъ Сухой Долины и дорога на всемъ почти протяженіи была обсажена деревьями, которыя темнѣли въ снѣговомъ туманѣ, какъ-бы блуждающія по полю привидѣнія; но путники узнавали ихъ время отъ времени, подгоняли лошадей и ѣхали дальше. Никто изъ нихъ не спалъ: Петръ, ѣхавшій впереди, набожно вздыхалъ по временамъ, или шепталъ что-то про себя, а Климъ нѣсколько разъ начиналъ свистать; Степанъ угрюмымъ голосомъ понукалъ лошадь; Семенъ, почти лежавшій на саняхъ, сдѣлался необыкновенно крикливымъ и разговорчивымъ. Громкій вѣтеръ заглушалъ его слова, а онъ продолжалъ выкрикивать свое, не обращая вниманія на то, слушаетъ-ли его кто нибудь, или нѣтъ, кому-то грозилъ, кого-то проклиналъ, на кого-то жаловался.

— Отъ и Пригорки! вдругъ крикнулъ Климъ.

Такъ назывался холмъ, поросшій дубовымъ и березовымъ лѣсомъ и отстоящій версты на полторы отъ стараго креста, отъ котораго оставалась уже самая незначительная часть пути до Сухой Долины, по прямой линіи. Отсюда уже не болѣе двухъ верстъ отдѣляло ихъ отъ села, но здѣсь оканчивались деревья, окаймлявшія дорогу, и открывалась гладкая равнина; только возлѣ самаго креста подымалось нѣсколько небольшихъ холмичковъ, теперь занесенныхъ снѣгомъ и совершенно незамѣтныхъ.

Проѣхали Пригорки и снова ничего не видно впереди. Все бѣло вокругъ: и на небѣ, и на землѣ, и въ воздухѣ. Снѣгъ и снѣгъ повсюду, ни дерева, ни верстоваго столба, ни холма, ничего. Климъ потянулъ возжами на лѣво, сани вдругъ погрузились въ снѣгъ.

— Куды ты ѣдешъ? проворчалъ Петръ.

— Добре, татку, такъ треба, возразилъ тотъ и бойко засвисталъ.

Въ дѣйствительности, если бы кто нибудь спросилъ его, за чѣмъ онъ своротилъ влѣво, когда дорога отъ Пригорокъ до Сухой Долины шла ровно, какъ струна, онъ ничего не могъ-бы отвѣтить. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что совсѣмъ и не сворачивалъ въ сторону и въ случаѣ надобности могъ-бы присягнуть въ этомъ.

Остальные двое совсѣмъ не правили своими лошадьми; оба лежали навзничъ въ саняхъ. Степанъ угрюмо молчалъ, какъ-бы прислушиваясь къ завываніямъ вѣтра; Семенъ говорилъ и покрикивалъ безъ умолку. По временамъ лошади утопали въ снѣгу и съ трудомъ могли выбраться изъ него, по временамъ бѣжали рысью по гладкой поверхности, иногда слышны были подъ полозьями обнаженныя вѣтромъ борозды. Уже ѣхали по полю, а не по дорогѣ, но никто не обращалъ на это вниманія, пока не мелькнулъ снова передъ глазами тотъ-же холмъ и лѣсъ.

— А тожъ що? зновъ Пригорки? вскричалъ Климъ.

— Ага! по якому-жъ ты ѣдешъ? удивлялся Петръ, вырвалъ возжи изъ рукъ сына и поворотилъ на право, желая исправить его ошибку.

— Не такъ! закричалъ Степанъ изъ своихъ саней.

— Такъ! не бійсь, такъ! отвѣчалъ Петръ и ѣхалъ впередъ, пока лошадь его не загрузла по колѣни въ какой-то ровъ.

— Дивись! изумился онъ, таки зновъ не туды поїхали!

То понукая, то дергая возжами, онъ вскорѣ освободилъ изъ рва свою крѣпкую лошадку и поворотилъ назадъ. Остальные тоже повернули свои сани, такъ что теперь Семенъ очутился впереди; ѣхали, ѣхали, пока Степанъ не крикнулъ со своихъ саней Петру:

— Зновъ Пригорки.

— Пху! згинь, пропади нечиста сило! сплюнулъ Петръ и закричалъ Семену:

— Завертай назадъ!

— На що мени назадъ, коли й такъ добре? возразилъ новый проводникъ.

— Може й добре! або я знаю, заворчалъ Петръ.

Климъ уже трясся и стучалъ зубами.

— Татку, отозвался онъ, здается, що зновъ мене та хвороба бере.

Въ дѣйствительности не болѣзнь разбирала его, а просто съ непривычки голова начинала болѣть отъ водки, а вѣтеръ пронизывалъ его холодомъ до самыхъ костей, не смотря на кожухъ. Петръ сплюнулъ, перекрестился и началъ шептать молитву.

— Отче небесный, Царю земный, змилуйся надъ нами гришными...

— Завертай! завертай, Семене! крикнулъ ему Степанъ; не бачишъ, що надъ ставъ прыихали!

Не смотря на мятель, онъ различилъ очертанія растущихъ на берегу пруда деревьевъ; могучій голосъ его покрылъ шумъ вѣтра и достигъ до слуха Петра, который тотчасъ-же поворотилъ лошадь; тоже сдѣлали и остальные два.

Болѣе часу уже кружились они такимъ образомъ по равнинѣ, на половину безсознательно и ослѣпленные снѣжною мятелью, сворачивая въ разныя стороны, никакъ не могли по-

пасть на дорогу, которую уже много разъ перерѣзывали въ разныхъ мѣстахъ.

— Чортъ пускае туманъ въ вичи! отозвался Петръ.

— Але! подтвердилъ Климъ, весь дрожавшій отъ холода.

— Доведеться чоловикови змерзнути, якъ псу, заворчалъ про себя Степанъ и черезъ минуту прибавилъ:

— Тая видьма вже зовсимъ замучить хлопця, якъ мене не стане... И тяжело вздохнулъ; Семенъ съ своей стороны причиталъ въ своихъ саняхъ:

— Ой гиркая, гиркая доля мени и моимъ диткамъ!

Вдругъ Климъ привсталъ на саняхъ и воскликнулъ въ сильномъ испугѣ:

— Зновъ Пригорки!

Петръ также поднялся и напрягалъ зрѣніе.

— А такъ! Пригорки, подтвердилъ онъ. Чертъ водыть, то вже не инакше... Десь нечистый увъязався за нами нынька, туманъ пускае въ вичи, та й водыть...

— На однимъ мисци водыть... замѣтилъ Климъ.

— Але, на еднимъ мисци. Чертъ, не инакше... злизай съ саней...

Онъ всталъ самъ и звалъ сына.

— Будемо дороги шукати...

Оба встали; въ эту минуту подъѣхалъ Степанъ такъ близко, что сани ихъ столкнулись и сцѣпились полозьями.

—Ходимъ шукати дороги! закричалъ Петръ Степану и Семену.

Всѣ четверо, утопая въ снѣгу, едва ступили нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ Климъ воскликнулъ въ испугѣ:

— Дывиться, татку, дывиться!

И указалъ рукою на темную, подвижную тѣнь, которая въ эту минуту показалась изъ-за лѣса Пригорокъ и медленно приближалась къ нимъ въ снѣжномъ туманѣ. Петръ въ ужасѣ перекрестился.

— Во имья Отца и Сына... згинь, пропади нечистая сило!..

Степанъ, самый отважный, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ.

— Чортъ, чи баба... произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Баба... началъ Семенъ; шельма баба, грошей не дала, видьма ота... я іи якъ матери просивъ... Ого! почекай!

И пустился было впередъ, но черезъ минуту всею быстротою своихъ пьяныхъ ногъ возвращался къ своимъ санямъ, загрузшимъ въ снѣгу; припалъ къ санямъ и запыхавшись, бормоча различныя ругательства, началъ вытаскивать одинъ изъ поперечныхъ шестовъ, образующихъ сидѣніе и прикрытыхъ соломою.

— Вона сама,—бормоталъ онъ, видьма ота... чортова пріятелька.. Ковалиха проклята... грошей не дала, а людей водыть по ночи, щобъ поморозити...

— Вона! зновъ вона! крикнулъ Петръ и тоже началъ вытаскивать шестъ изъ саней.

— Нехай нечиста сила пропаде передъ небесною силою... нехай сила Божа подужае нечисту силу... Погана іи душа... сынка въ мене хотила загубити, а теперъ зновъ у поли заморозити... не диждешъ!..

— Чого вона до нашои родины причепилась? чого ій треба? закричалъ Климъ.—Чи то вже моя молоденька голова пропасти мае черезъ неи?...

Степанъ не проронилъ ни слова и молча вытаскивалъ колъ изъ саней.

Среди окружающаго полумрака нельзя было различить ихъ лица, но громкое, тяжело переводимое дыханіе, угрюмое бормотанье и пьяные возгласы—все это свидѣтельствовало о сильнѣйшемъ разгарѣ страстей, тревоги и мести. Прошла минута, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трехъ саней затемнѣла среди снѣжной мглы шумная группа людей, раздались страшные крики и вопли; порывы вѣтра то покрывали ихъ своимъ шумомъ и свистомъ, то далеко разносили по полю...

Прошло еще нѣсколько минутъ, сильный порывъ вѣтра прорвалъ на мгновеніе снѣжный туманъ и открылъ дорогу, которая прямо какъ струна тянулась въ пространство, а на этой дорогѣ трое саней, въ которыхъ сидѣло четверо крестьянъ.

Уничтожили орудіе бѣсовской силы и дорогу нашли; ударили по лошадямъ, крикнули на нихъ протяжнымъ голосомъ, сани быстро понеслись по гладкой дорогѣ и скоро исчезли въ густыхъ снѣжныхъ заносахъ. За ними Василина лежала темнымъ неподвижнымъ пятномъ на бѣломъ снѣгу; кольями переломали ей грудь и ребра, молодое лице залили кровью и оставили въ чистомъ полѣ на съѣденіе чернымъ воронамъ.

Заключеніе.

Въ залѣ суда душно отъ огня и тѣсноты. Тяжелое утомленіе отъ поздняго ночнаго времени и длинныхъ рѣчей наполняетъ воздухъ. Плотно закрытыя двери, охраняемыя стражею, наконецъ открываются. Глухой гулъ проносится по залѣ,—это публика подымается со своихъ мѣстъ; встаютъ и подсудимые на своей скамьѣ. Присяжные длиннымъ рядомъ выходятъ послѣ совѣщанія; старшина ихъ съ серьёзнымъ видомъ, полнымъ достоинства громкимъ голосомъ прочитываетъ четыре вопроса, изъ которыхъ каждый относится къ одному изъ подсудимыхъ и долженъ заключаться краткимъ отвѣтомъ: *виновенъ*, *невиновенъ*. Среди глубокой тишины четыре раза въ ярко освѣщенной и наполненной народомъ залѣ громко раздается слово:

— Виновенъ, виновенъ, виновенъ, виновенъ.

Послѣ непродолжительнаго перерыва другой голосъ громко произноситъ приговоръ:

Петръ, Степанъ, Семенъ и Климъ Джурджи приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на десять лѣтъ и къ пожизненному поселенію въ Сибири.

Голосъ, провозгласившій приговоръ, умолкъ, а осужденные все слушали, слушали. Совершилось! По блѣдному, какъ полотно, лицу Петра одна за другою катились тихія, крупныя слезы, руки медленно подымались и скрестились на груди.

— Господи небесный, Царю земный, буде воля Твоя якъ на небеси и на земли,—произнесъ онъ громко и отчетливо и подня лъ глаза къ небу.

Степанъ и не дрогнулъ, только измятое, сморщенное лице его вспыхнуло густымъ румянцемъ, да черные глаза сверкнули страшнымъ, отчаяннымъ выраженіемъ.

Семенъ остался, какъ былъ, съ обвисшими руками, полуоткрытымъ ртомъ и влажнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Казалось, все на свѣтѣ было для него чуждымъ и безразличнымъ, онъ по видимому даже не сознавалъ, чѣмъ должна быть отнынѣ его жизнь.

Но за этимъ пьяницею вдругъ поднялись вверхъ двѣ молодыя руки, еще не успѣвшія огрубѣть и почернѣть въ тяжелой работѣ, и конвульсивнымъ движеніемъ впились въ густые льняные волосы. Климъ схватился обѣими руками за голову и громко зарыдалъ.

Потомъ они одинъ за другимъ осужденные начали выходить изъ своей скамьи и медленно, тяжело ступая, поочередно выходили въ низкія двери, открывшіяся передъ ними, за которыми виднѣлась сосѣдняя комната, рѣзко отличавшаяся своею темнотою отъ яркаго освѣщенія залы. Тамъ исчезали они одинъ за другимъ въ темнотѣ изъ потоковъ свѣта, а за ними слѣдомъ скрылись изъ глазъ и два замыкавшіе шествіе вооруженные солдата. Низкія двери закрылись медленно, безъ звука...

ЖИТІЕ СКОВОРОДЫ, ОПИСАННОЕ ДРУГОМЪ ЕГО, М. И. КОВАЛѢНСКИМЪ.

(Предисловіе).

Въ восемнадцатомъ столѣтіи историко-культурное движеніе европейской мысли совершалось въ двухъ направленіяхъ, просвѣтительно-либеральномъ и мистико-охранительномъ. Съ одной стороны созданъ былъ культъ разума и возникло преклоненіе передъ культурными дѣятелями даннаго момента при отрицаніи значенія культурныхъ дѣятелей прошлыхъ временъ; съ другой стороны выработалось мнѣніе о всепоглощающемъ значеніи чувства и фантазіи, созданъ былъ культъ сердца, и разумъ отнесенъ въ разрядъ безделицъ. Обнаруживается съ одной стороны сухое разсудочное направленіе, эгоистическое, резонерствующее; съ другой всепоглощающее внутреннее созерцаніе, неопредѣленное, таинственное, мистическое. Первое направленіе выразилось въ вольтеріанствѣ и энциклопедизмѣ, и крайними его представителями можно считать Ламетри, Гольбаха и Гельвеція; второе направленіе выразилось въ масонствѣ, и главными его выразителями можно считать Бэма, Эккартсгаузена, Сенъ-Мартена, за которыми уже слѣдуютъ или чистые сумасброды, въ родѣ Сведенборга, или отъявленные плуты и обманщики, въ родѣ Каліостро. Оба направленія, матеріалистическое, просвѣтительное и мистическое масонское, развиваются въ прямой зависимости одно отъ другаго.

Масонство было такой формой религіозно-нравственной жизни и соціальнаго строенія общества, въ которую въ разное время вкладывалось различное содержаніе, и потому нѣтъ возможности опредѣлить масонство точно и положительно. На выставку ставились всегда цѣли нравственныя и просвѣтительныя; но далеко не всегда дѣйствительное положеніе дѣла отвѣчало руководящимъ идеальнымъ требованіямъ общественнаго или личнаго совершенствованія. Въ

однихъ случаяхъ выдвигались на первый планъ филантропическія цѣли, ясныя и отчетливыя; въ другихъ развивался непроглядный мистицизмъ и темное гешефтмахерство.

Масонство развилось изъ средневѣковыхъ строительныхъ братствъ или корпорацій ремесленниковъ и художниковъ, соединявшихся для построенія церковныхъ зданій. Братства эти состояли преимущественно изъ каменьщиковъ и, по образцу всѣхъ средневѣковыхъ цеховъ, имѣли свой особый уставъ, судъ, печать, ритуалъ. Строительныя братства или ложи свободныхъ каменьщиковъ пришли въ упадокъ въ XVII стол., съ упадкомъ церковной архитектуры. Въ 1717 г. изъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ возникла Великая ложа съ своеобразными стремленіями. Великая ложа составилась изъ людей разныхъ занятій и спеціальностей, и идеальной цѣлью была поставлена не постройка вещественнаго храма, а созданіе въ сердцѣ человѣка нерукотворнаго храма добродѣтели. Такъ возникло масонство, воспринявшее въ себя, во первыхъ, средневѣковый мистицизмъ и символику, во вторыхъ, деистическія и филантропическія идеи XVII и XVIII столѣтій. Вскорѣ оно перешло на европейскій материкъ и здѣсь подверглось значительнымъ измѣненіямъ, раздробившись на множество толковъ или системъ: систему строгаго наблюденія или орденъ тампліеровъ, систему слабаго наблюденія или циннендорфскую (иначе называлась шведской системой), авиньонское братство, эклектическій союзъ, мартинизмъ, розенкрейцерство, иллюминатство. Разница между этими системами была значительная, и въ то время, какъ первыя двѣ системы опирались преимущественно на умѣренномъ мистицизмѣ и филантропіи, послѣдняя система была темной сектой, опиравшейся на обманѣ и плутовствѣ; въ глазахъ умѣренныхъ масоновъ иллюминаты были «злодѣями рода человѣческаго».

Англійское масонство проникло въ Россію въ 1731 г. Первоначально оно существовало въ небольшомъ кружкѣ заѣзжихъ иностранцевъ, но затѣмъ быстро охватило значительное число русскихъ, въ 1760 г. проникло въ Москву, а въ семидесятыхъ годахъ въ разные углы и закоулки Россіи, причемъ проводниками его были большею частью крупные аристократы. Въ Россіи быстро появились всѣ главныя масонскія системы: англійская, или елагинская, шведская, циннендорфская или рейхелевская, розенкрейцерская. Выда-

ющимися дѣятелями масонства въ Россіи были Елагинъ, Рейхель, профес. Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ, Лабзинъ. «Если вы пріймете въ соображеніе, писалъ Фишеръ въ 1806 г. въ «Элевзиніяхъ», свойства нашихъ знатныхъ людей, которые отчасти состоятъ изъ иностранцевъ, отчасти посредствомъ путешествій знакомы съ Европой лучше, чѣмъ съ своей родиной, если вы пріймете въ соображеніе богатство этихъ знатныхъ людей, недостатокъ у нихъ самостоятельнаго образованія, ихъ наклонность, за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній, подчиняться авторитету, производящему на нихъ впечатлѣніе, то вы до нѣкоторой степени можете объяснить себѣ исторію масонства въ Россіи. Вы догадаетесь также, что у насъ не было ничего собственнаго, что чужое пришло къ намъ черезъ вліятельныхъ людей» (Вѣст. Европы, 1868 г., т. VI, стр. 583).

Не подлежитъ сомнѣнію, что масонство было въ первое время своего появленія въ Россіи явленіемъ чуждымъ русской жизни, случайно занесеннымъ на русскую почву; но прошелъ одинъ, два десятка лѣтъ, и оно получило значеніе серьезнаго фактора въ общественномъ развитіи. Многіе хорошіе русскіе люди сдѣлались масонами, увлекшись филантропической стороной масонства, сдѣлались масонами въ надеждѣ найти въ немъ нравственное удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ уйти въ него отъ легкомыслія, формализма и жестокости окружающаго общественнаго строя.

Г. Тихонравовъ такимъ образомъ опредѣляетъ міровоззрѣніе русскихъ масоновъ: [1]) «представимъ себѣ два треугольника, вершины которыхъ совпадаютъ въ одной точкѣ; изъ этой точки, какъ изъ центра опишемъ кругъ, и пусть этотъ кругъ, насколько онъ находится въ треугольникахъ, будетъ означать человѣка. Половина круга находится въ верхнемъ треугольникѣ, другая въ нижнемъ. Верхній треугольникъ означаетъ міръ духовный, міръ свѣта, божества; нижній треугольникъ обозначаетъ міръ матеріальный, міръ тьмы и невѣдѣнія, міръ дьявола. Человѣкъ принадлежитъ и тому и другому; онъ высшее существо матеріальнаго и низшее духовнаго міра. Человѣкъ отъ природы одинаково притягивается и къ свѣту, духовному міру, и къ мраку, міру матеріальному. Было время, когда человѣкъ принадлежалъ только свѣту, только небесному міру; но грѣхъ Адама лишилъ его этого состо-

[1]) „Четыре года изъ жизни Карамзина 1785—1788“.—Рус. Вѣст., 1862 г., т. IV, стр. 737.

янія; удалите преграду грѣха; не слушайте обольщеній матеріи, тьмы, и вы возродитесь къ первобытному божественному состоянію человѣка; въ васъ заблещетъ небесный свѣтъ; высшее знаніе будетъ дано вамъ. Для этого человѣку нужно подниматься отъ нижняго треугольника къ верхнему, т. е. отъ грѣховности земной къ свѣту небесному; ему нужно уединиться отъ соблазновъ матеріальнаго міра, углубиться въ самого себя, предаться самопознанію. Внутреннее откровеніе, возвращеніе къ божественному свѣту замѣнитъ для человѣка пустую школьную науку. Торжествующая совѣсть просвѣтитъ разумъ, и ему станетъ все понятно».

Останавливаясь преимущественно на нравственной сторонѣ христіанства, масоны игнорировали его догматическую сторону и вполнѣ равнодушно, а иногда съ пренебреженіемъ относились къ наукѣ и искусству. Изслѣдователи масонства: Ешевскій, Тихонравовъ, Пыпинъ, Лонгиновъ. Пекарскій, признаютъ въ немъ много хорошихъ и много дурныхъ сторонъ; причемъ одни изслѣдователи, напримѣръ, Пекарскій, считаютъ его явленіемъ болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, другіе, напримѣръ, Ешевскій, придаютъ ему значеніе элемента важнаго и благотворнаго въ исторіи русской цивилизаціи. Хорошей стороной русскаго масонства было требованіе религіозной, національной и сословной терпимости, уваженія къ нравственному достоинству личности и взаимной помощи и любви. Слабой его стороной было отреченіе отъ міра, отъ бытовой дѣйствительности и, слѣдовательно, отъ борьбы со зломъ въ общественной жизни, темный мистицизмъ, мрачная символическая обрядность и отрицаніе науки и искусства.

Религіозно-мистическое направленіе духовнаго настроенія русскаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія отразилось, между прочимъ, и на странствующемъ украинскомъ философѣ того времени, Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ. Сковорода не былъ масономъ, но онъ въ значительной степени выросъ и воспитался въ той атмосферѣ, которая питала русское масонство и между нимъ и масонами находятся общія точки соприкосновенія, въ видѣ особеннаго расположенія къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, мистическаго ихъ толкованія, равнодушія къ догматической сторонѣ христіанства, строго-аскетическаго образа жизни и стремленія ученіемъ о нравственности и личною нравственною жизнью поднять нравственный

уровень общества, въ чемъ Сковорода сходился съ лучшими русскими масонами, Новиковымъ, Лопухинымъ и въ особенности съ Гамалѣей. Сходство между нравственнымъ характеромъ и образомъ жизни Сковороды и Гамалѣи настолько значительно, что тутъ можно подозрѣвать вліяніе не только извѣстныхъ общихъ нравственныхъ принциповъ, но и общаго происхожденія Сковороды и Гамалѣи изъ Малороссіи и свойственныхъ имъ обоимъ общихъ національныхъ чертъ малорусскаго народа.

«Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ», говоритъ его біографъ Г. П. Данилевскій. «Видя все безсмысліе окружающей его среды (подразумѣвается кіевскій духовный коллегіумъ), откуда дѣйствительно выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ коллегіи, обошелъ съ палкой и съ сумой за плечами Европу и воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ-же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куреней уединенныхъ пасикъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество вслѣдъ за Сковородой стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и наконецъ вызвало къ жизни украинскую литературу» (Украин. Старина, стр. 3).

Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германію. Въ половинѣ XVIII ст. въ Германіи сильно былъ развитъ мистицизмъ и квіетизмъ. Сковорода всегда сохранялъ предпочтеніе къ этой странѣ предъ всѣми прочими, исключая своей родины, Малороссіи.

Родители Сковороды были простолюдины; первоначальное образованіе онъ получилъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ; эти два обстоятельства, въ особенности простонародное происхожденіе Сковороды, представляются весьма важными въ опредѣленіи характера и дѣятельности Сковороды.

Живое чувство природной красоты Малороссіи и любовь къ малорусскому языку были характерными чертами Сковороды и отличались такой прочностью, какая возможна только при условіи

опредѣленныхъ, исключительно малорусскихъ впечатлѣній и привычекъ, частью врожденныхъ, частью выработанныхъ въ дѣтствѣ. Увлеченіе малорусскими природой и языкомъ прорывались въ Сковородѣ чрезъ покрывшій его въ значительной степени школьный схоластицизмъ. Въ стихотвореніяхъ Сковороды обнаруживается вліяніе малорусской народной поэзіи. Въ собраніи сочиненій Сковороды, вышедшемъ въ 1861 г. въ Петербургѣ въ одномъ небольшомъ томикѣ, Сковородѣ приписана пѣсня черноморскихъ козаковъ:

Ой годи намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царици за службу заплаты...

Сковорода, нужно думать, только распѣвалъ эту пѣсню и сообщалъ ее другимъ, почему она и прослыла его пѣснью. Вполнѣ принадлежитъ Сковородѣ извѣстная распространенная въ народѣ пѣня: «Всякому городу нравъ и права». Она вполнѣ отвѣчаетъ его религіозно-нравственному міросозерцанію и обнаруживаетъ особенности его литературнаго стиля. Стихотвореніе «Всякому городу нравъ и права», и независимо отъ его отношенія къ народному понятію о правдѣ и кривдѣ, представляется цѣннымъ по силѣ, выразительности и простотѣ изложенія. «Вотъ уже около ста лѣтъ, говоритъ А. А. Потебня, какъ слѣпцы поютъ пѣсню, которой научилъ ихъ Григорій Савичъ Сковорода, «Всякому городу нравъ и права»; но конечно ни они, ни слушатели не понимаютъ, что разумѣла «Черная Сковорода», пекшая бѣлые блины», подъ припѣвомъ:

А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ зъ ума,
Какъ бы умерети не безъ ума.

Можно подумать, что Сковорода былъ мрачный аскетъ, ежеминутно помышлявшій о часѣ смертномъ и этимъ отравлявшій себѣ жизнь; однако это неправда. Сковорода училъ съ Эпикуромъ, Гораціемъ, Сенекою, что

Sera nimis est vita crastina; vine godie,

т. е., что жить значитъ быть «веселымъ и куражнымъ», а веселіе сердца дается только стремленіемъ къ неуловимой «птицѣ—истинѣ» (Потебня, къ исторіи звуковъ, II. 24). Мысль Сковороды о сущности

счастья яснѣе имъ выражена въ другомъ его стихотвореніи: «Ой ты птичка желтобока», представляющемъ любопытное соединеніе народныхъ поэтическихъ мотивовъ съ личными сковородинскими, такъ что изъ трехъ строфъ, средняя строфа, вторая, представляетъ близкое переложеніе народной пѣсни: «Стоитъ яворъ надъ водою». Основная мысль стихотворенія выражена въ началѣ первой строфы и затѣмъ въ послѣдней, третьей строфѣ:

Ой ты, птичка желтобока,
Не клади гнѣзда высоко;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
. . . .
На что же мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется,
А я буду себѣ тихо
Коротати малый вѣкъ,
Такъ минетъ мене все лихо,
Счастливъ буду чѣловѣкъ. (Соч. Сков., 24).

Какъ далеко заходила демократичность Сковороды, видно съ одной стороны изъ того, что онъ ходилъ въ сѣрой свитѣ, употреблялъ простую пищу, проживалъ большею частью на пасѣкахъ, говорилъ на простонародномъ языкѣ (Данилев., 34, 35), съ другой стороны изъ его сочиненій, гдѣ между прочимъ встрѣчаются такія разсужденія: «Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа?» (Данилевскій, Укр. Стар. 80). Вторая половина XVIII ст. въ исторіи южной Россіи представляется эпохой закрѣпощенія крестьянъ, и Сковорода является живымъ протестомъ противъ развивавшагося крѣпостничества. Любопытнымъ совпаденіемъ представляется слѣдующее обстоятельство: въ то время какъ на югѣ Россіи Сковорода возсталъ противъ наименованія крестьянъ чернымъ народомъ, на сѣверѣ Россіи Новиковъ возсталъ противъ

наименованія простаго народа подлымъ. «Подлый человѣкъ, писалъ Новиковъ, тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баронъ, князь или графъ, а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ» (Трутень, стр. 80). Это были первые проблески литературно-публицистическаго протеста противъ крѣпостничества и приниженія народа, того протеста, который сильнѣе высказывается въ концѣ прошлаго столѣтія въ стихотвореніяхъ Пнина и въ «Путешествіи» Радищева, въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ сочиненіяхъ поэтовъ-декабристовъ и блистательно завершается въ сороковыхъ годахъ повѣстями Григоровича и Тургенева, въ особенности «Записками охотника» Тургенева.

Вліяніе схоластической школы на Сковороду обнаруживается въ языкѣ его сочиненій, формѣ изложенія и даже въ формѣ ихъ заглавій. Общее заглавіе сковородинскихъ стихотвореній «Садъ божественныхъ пѣсней» отзывается школьнымъ направленіемъ и напоминаетъ такія заглавія старинныхъ южнорусскихъ сборниковъ проповѣдей, какъ «Огородокъ Божіей Матери» Радивиловскаго. Нужно впрочемъ оговориться, что заглавія прозаическихъ сочиненій Сковороды, какъ «Начальная дверь ко христіанскому добронравію», «Діалогъ—душа и нетлѣнный духъ», составлены въ духѣ распространявшагося тогда въ Европѣ и Россіи масонства. Подъ вліяніемъ школы, можно думать, въ Сковородѣ окрѣпла наклонность къ странствованіямъ. Въ древнемъ и старинномъ малорусскомъ обществѣ всегда были бродячіе элементы, выражавшіеся въ широкой формѣ казацкихъ передвиженій и появленія козацкихъ отрядовъ на службѣ у московскаго правительства не только въ южныхъ украинныхъ городахъ, Путивлѣ, Воронежѣ, Бобровѣ, но даже въ сибирскихъ украинныхъ городахъ, затѣмъ въ довольно широкой формѣ чумачества, наконецъ въ ограниченной формѣ странствующихъ бурсаковъ и семинаристовъ. Квитка и Гоголь яркими чертами обрисовали странствующихъ семинаристовъ. Семинарское начальство отпускало иногда учениковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ, въ домахъ помѣщиковъ, иные пробирались на Запорожье. Вольная жизнь въ лѣтнее

время на воздухѣ, на просторѣ полей, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ комнатъ и отъ строгихъ внушеній семинарскаго начальства—все это плѣняло воображеніе семинаристовъ и влекло ихъ изъ семинаріи въ село. Разъ выработалась наклонность къ странствованію, не трудно было подыскать для нея теоретическое основаніе и аргументировать ее философскимъ образомъ, и поэтъ-философъ Сковорода подыскалъ философское основаніе для своей страннической жизни: «что жизнь?» спрашиваетъ онъ, и затѣмъ отвѣчаетъ: «то странствіе. Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, за чѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами, а буря надъ головою и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!..» (Данилев., стр. 36).

Сковорода скончался въ 1794 г., на 73 году жизни. Вся жизнь его прошла въ учительствѣ и странствованіи: сначала онъ выступаетъ спеціалистомъ учителемъ, то отдѣльныхъ личностей, въ качествѣ домашняго наставника, то преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ бросаетъ учительское ремесло и обращается въ странствующаго наставника, въ проповѣдника философскихъ началъ жизни разумной и нравственной, обоснованныхъ на священномъ писаніи. За отсутствіемъ другаго, высшаго нравственнаго интереса въ обществѣ (слободско-украинскомъ) того времени, замѣчаетъ Г. П. Данилевскій, за отсутствіемъ науки и литературы въ главномъ городѣ слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василія Назаровича Каразина послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета (стр. 53)... Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали... Лучшее доказательство силы Сковороды то, что безъ него въ извѣстной степени не было-бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію

его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ 618 тысячъ руб. сер. для основанія его были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому: это были все или ученики или короткіе знакомые и друзья Сковороды» (стр. 77).

Съ именемъ Сковороды тѣсно связано имя его друга и біографа М. И. Ковалѣнскаго. Личность Ковалѣнскаго замѣчательна, какъ личность человѣка, получившаго отличное образованіе, начитаннаго, вдумчиваго, и его «Житіе Григорія Савича Сковороды» представляетъ весьма любопытный литературный и бытовой памятникъ второй половины прошлаго столѣтія. «Житіе Сковороды» Ковалѣнскаго давно уже извѣстно людямъ науки. Нѣкоторыя черты изъ него взяты Снѣгиревымъ въ статьѣ о Сковородѣ въ «Отечеств. Запискахъ» 1823 г. и архимандритомъ Гавріиломъ въ «Исторіи русской философіи» 1840 г. Аскоченскій передалъ въ извлеченія содержаніе рукописи Ковалѣнскаго въ «Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ» 1855 г. Въ трудъ его вкрались значительныя ошибки; такъ, на стран. 279 онъ смѣшиваетъ Ковалѣнскаго съ Ковалевскимъ (Данилев., Укр. Стар., 15). Г. П. Данилевскій, авторъ лучшей въ настоящее время біографіи Сковороды, говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія о Сковородѣ: «сообщаемъ жизнеописаніе Сковороды по неизданнымъ до сихъ поръ запискамъ Ковалѣнскаго въ спискѣ, полученномъ нами отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго находилась у Аскоченскаго въ Кіевѣ и передана имъ М. П. Погодину. Все жизнеописаніе Сковороды такимъ образомъ, продолжаетъ далѣе г. Данилевскій, построено нами на подлинномъ разсказѣ и собственными словами Ковалѣнскаго». Сообщенія Ковалѣнскаго г. Данилевскій дополняетъ сообщеніями Срезневскаго, Вернета и Гессъ-де-Кальве и приводитъ въ концѣ статьи нѣсколько писемъ Сковороды и Ковалѣнскаго, характеризующихъ ихъ умственный и нравственный обликъ.

Можно сказать, что все относящееся къ Сковородѣ, извлечено г. Данилевскимъ изъ «Житія» Сковороды», составленнаго Ковалѣнскимъ. Но въ этомъ любопытномъ литературномъ и историко-бытовомъ памятникѣ отразилась просвѣщенная личность самаго Ковалѣнскаго и, что еще болѣе заслуживаетъ вниманія, отразилось воз-

никшее во второй половинѣ XVIII ст. умственное пробужденіе слободско-украинскаго общества и въ особенности проникшія въ тогдашнее слободско-украинское дворянство религіозно-мистическія вліянія, шедшія частью изъ Германіи, частью изъ Петербурга и Москвы. «Житіе Сковороды» читается съ интересомъ, благодаря легкому литературному стилю Ковалѣнскаго, ясности и послѣдовательности изложенія и въ особенности въ силу искренности, задушевности и добродушія, разлитыхъ въ «Житіи» отъ первой и до послѣдней его строки. Видно, что Ковалѣнскій говоритъ отъ сердца, что слова льются изъ души, что все сказанное было предварительно имъ продумано и прочувствовано.

Такой памятникъ заслуживаетъ приведенія его въ извѣстность въ подлинномъ и цѣльномъ его видѣ и мы дѣлаемъ это по рукописи, сообщенной редакціи «Кіевской Старины» г. Добротворскимъ, изъ Курска. По видимому это и есть та рукопись, которою въ свое время пользовался г. Данилевскій. «Житіе» написано на 33 листикахъ синей бумаги, въ 4 д. листа. Первые пять листиковъ значительно попорчены, нижнія части ихъ подгнили и оборваны. Кое-что изъ утеряннаго мы возстановили по тѣмъ выпискамъ изъ «Житія», которыя находятся въ сочиненіи г. Данилевскаго о Сковородѣ.

Н. Сумцовъ.

Житіе Сковороды, Григорія Савича.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечлѣновыхъ ископаемыхъ земля; въ растительномъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собой и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тьмъ быша*.

(Далѣе недостаетъ около десяти строкъ).

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе, изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ человѣ-

чества, удѣляетъ оному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество—свободную волю.

На семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

Множественность предполагаетъ различіе, неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ, выборъ нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство,—любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія; *подвижникъ истины называется мудрый,* дѣло его—добродѣтель.

(Далѣе недостаетъ нѣсколько строкъ).

Поставленный между вѣчностію и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ бытія, состояніи, званіи, степени есть мудрый, праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, кіевскаго намѣстничества, лубенской округи, *въ селѣ Чернухахъ, въ 1722* году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно-достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимствомъ, богопочитаніемъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ Богопочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ и пѣвалъ отмѣнно пріятно. Любимою (пѣснею его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія».

По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ кіевскую академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ [1]) сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ кіевской Самуилъ Миславскій, человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его Григорія.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный го-

---

[1]) Отмѣченное скобями здѣсь и далѣе взято изъ „Укр. Старины“ Данилевскаго.

лосъ его подали случай быть ему выбранну ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ при вступленіи на престолъ государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда и, при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и снова началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ. Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-майоръ Вишневскій, который для находившейся тамъ греко-россійской церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопутствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми учеными и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинской, по чему и способствовался доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ состояніемъ весьма тѣснымъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма было велико, (потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго. Сковорода, имѣя тогда уже болѣе обширныя познанія) въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ искуству оной—образомъ столь новымъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія.

Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился оставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное давали понятіе объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искуства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую пословицу: Alia res sceptrum, alia plectrum, т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

(Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше по средѣ дому моего творяй гордыню. Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища). Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостяжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нуждъ его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кавтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ и, по службѣ обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвремянно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякой день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце: но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе и униженіе себя, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности.

Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Но въ одно время, разговаривая съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а по сему обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслитъ о томъ, что говорили. Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ не прилично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслитъ о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а (барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ) ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала пріуготовлять сердце его къ несправедливостямъ людскимъ которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуждаясь крайне, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и страннолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Калиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и почитая его пришельцомъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать Сковорода въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали всегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня докуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпеча себя искренностію его, предался любомудрію и исканію истины. Часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано по утру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдниками глумленій его. Лѣта, дарованія и силы душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, только удалившемся отъ начала своего, увидѣлъ онъ мрачное гнѣздо сперщихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ союзу мудрости.

Душа человѣческая, повергаясь въ состояніе низшихъ себя степеней, погружаясь въ звѣрскіе страсти, предаваясь чувству, собственному скотамъ, принимаетъ на себя свойства и качества ихъ: злобу, ярость, несытность, зависть, хитрость, гордость и проч., возвышаясь же подвигомъ добрыя воли выше скотскихъ увлеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, исходитъ на высоту чистоты

умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ заимствуетъ нѣкоторый духъ величественности, вѣдѣнія и разумѣнія высшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго, и превосходнѣйшей святости въ чувствіяхъ, которыми преисполняясь внутренно [1]), являетъ въ воображеніи бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако:

«Въ полночь ноября 24 числа 1758 года, въ селѣ Каврай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житья человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскія чертоги, наряды, музыки, плясанія, гдѣ любящіися то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели и пр. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ склянницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ нарогѣ бываетъ; такъ же и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ. Тутъ поставя въ одинъ рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали, кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достоинъ быть парою. Отсюда вшелъ я въ постоялые домы, гдѣ лошади, упряжъ, сѣно, расплаты, споры и прочее слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій обширный и прекрасный: тутъ яко-бы въ день сошествія Святаго Духа служилъ я литургію съ діакономъ, и помню, что возглашалъ сіе громко: „яко святъ еси Боже нашъ" и прочее до конца. При семъ по обоимъ хорамъ пѣто было протяжно: „Святый Боже"... Самъ же, я съ діакономъ предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками

---

[1]) Сократу часто снился одинъ сонъ: оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: „Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной".

Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной.

Критонъ, другъ Сократовъ, пришелъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: такъ и быть сему, но не завтра, мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась мнѣ въ длинныхъ бѣлыхъ ризахъ и, назвавъ меня по имени, говорила: „чрезъ три дни прибудешь ты въ плодоносную твою Пѳію", что и сбылось.

осквернено. Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и самого священника не минуя, почти вырываетъ въ складку. Отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ союзныхъ почти храму комнатахъ отправляемы были и въ которыя изъ олтаря многія двери находились, во время литургіи духъ проникалъ до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище. Какъ нѣкоторымъ не доставало къ ястію птичьихъ и звѣриныхъ мясъ; то они одѣтаго въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голыя колѣна и убогія сандалія, убитаго въ рукахъ держа, при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо съ потекающимъ жиромъ отрѣзывая и отгрызывая жрали, и сіе дѣлали акибы нѣкіе служители. Я не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратилъ очи и вышелъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрашилъ" [1]).

Я пишу жизнь человѣка сего въ христіянскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи. Да прочтуть книгу христіанства, святое писаніе и увидятъ, что человѣку толико же сродно быть прозорливцемъ, во плоти ангеломъ, богочеловѣкомъ, какъ и звѣремъ, бѣсомъ, идоломъ: не разумливый да не разумѣваетъ!

Сковорода началъ чувствовать вкусъ къ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ растройки съ самимъ собою. Лжемудрствующее самолюбіе, сія преукрашенная дщерь свѣтскаго разума, не могла обьять сердца его,—величественное свойство мыслящаго бытія: волю углубилъ онъ со всѣмъ умствованіемъ и ея желаніями въ ничтожность свою; повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви Божіей, дабы промыслъ его располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, аможе хощетъ и якоже хощетъ

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землею пустою, непроходною и безводною, тогда Духъ святый занимаетъ всѣ чувствія его и возстановляетъ царствіе Божіе, т. е. возжигаетъ въ немъ способности жизненные огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, проницательнѣйшій огнь, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, и поглощается безздною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ

---

[1]) Тацитъ, политикъ, философъ глубокомысленный, писатель, описывая обстоятельство Цецины съ Армоніусомъ, не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цециною сна. Читай Тацита лѣтопись, глава 1, 65 артик. о Германикусѣ, гл. II, 14 артик.

радостію и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, что близъ его, все, что окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняясь чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!— Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой курсъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предъуготовила званіе изъ-далѣче.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миктевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія; сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискуству и по старой пріязни игуменъ Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ 1759 года.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, окончa срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени отдохнове-

нія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, уговаривать его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщевая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтывать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользъ его, предстоящую ему въ семъ поприщѣ честь, славу, почтеніе и, по его мнѣнію, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ, выслушавъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножалъ число фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой". Гервасій, убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви: но Сковорода, твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ". Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Григорій, примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемиреннѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія". Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою; а Сковорода съ миромъ отошелъ и тотчасъ отправился къ новому пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удоліями, благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи само-произволенія духа, т. е. побужденій отъ себя, отъ самолюбія происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ, предая себя въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ.

Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отзывѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножительство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преоборотъ скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажать ихъ, есть дѣло не инаго [1]), какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣ сущее и все исполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечаліи, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: «о свобода, о науки»!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, посѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, что-бъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнакомыхъ ему, спросилъ: не находится ли тутъ такой то племянникъ, NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и незнакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, смотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковый былъ устроенъ для него перстомъ Божіимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить

---

[1]) Надобно имѣть глубокое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишену быть, чтобъ содержать себя долгое время въ уединеніи, снесть себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойнымъ духомъ, быть довольну сердемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть дѣло великое и ключь истиннаго счастія.

Сковороду, что-бъ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа; и взялъ предложеніе его всеохотно съ тѣмъ, что-бъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактическій. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашелъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, что-бъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и правоученію, онъ же, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полуучеными и школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ коихъ тогда святилища наукъ находились, которые и положили ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могши согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до правоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгочіе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастіе человѣческое состоитъ въ томъ, что-бъ имѣть всего много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорда одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно счастливымъ то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыслъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть суть пути къ счастію. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а по сему и недо-

стойны они осужденія, но почтенія и подраженія въ любви къ истинѣ. И есть ли Богъ есть истинно, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодаго человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣденіе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и что Богъ, раздѣляя члены общества, ни какого не обидѣлъ; проклятіе же налагаетъ Онъ точію на сыновъ противленія, которые, не вникъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И понеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, т. е. въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную. Прочіе жители его внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узналъ истины разума его; желалъ быть другомъ, но не ученикомъ его. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинскій языкъ общественно; а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіянъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, пріучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ изкорениться. Странное произшествіе истребило

ихъ до основанія, и сіе такъ описано въ поденныхъ запискахъ сего молодаго человѣка.

1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сковородою и находя въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо просвѣтилъ меня въ истинѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ [1]).

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сіяли прозрачно свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять свя—тыхъ муче—ни—ковъ Ана—ні—я, Аза—рі—я, Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненныя искры, подобно, какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сковороду. Онъ стоялъ на земли, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упадали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъяснимое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся.

По утру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, троицкому священнику Бор:, у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: «Ахъ молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа: онъ поставленъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ». Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству [2]).

Представившіяся въ велелѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которія изображены въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскиновомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ

---

[1]) Зри книгу Филона о снахъ и къ Коринѳ. 2 посланіе, гл. 12; Іова гл. 33, ст. 15—16.

[2]) Сей самый писатель жизни.

при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкоему махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не разсказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Дамаскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная по чему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе слыша тогда и приведя на память видѣнное имъ во снѣ за тридесять одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердецъ ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей, поле Деирово—время, пещь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суестрастіями, пламенями жгучими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и небрегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіяся духу міра сего, во злѣ лежащаго, и не вреждены огнемъ любострастныя плоти, но прохлаждаясь свыше Духомъ святымъ, пѣснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно - образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ мнѣніямъ и правиламъ его и нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ однѣхъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто въ собесѣдованіяхъ съ нимъ раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и внѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ, того небеснымъ, сего земнымъ, того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ царемъ, господиномъ, началомъ; другаго же, по земному бытію его, ра-

бомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью; и какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго: то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія природы пріучалъ онъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизмѣняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя въ тайнѣ и послѣдуя движенію его, ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ прочихъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалилища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокоривыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писаніе: *Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминая, учиши, да, премѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ тя Господа* [1])! Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый [2]) геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго.

Онъ говорилъ съ сильнымъ убѣжденіемъ истины: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не плева, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленіе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, т. е. гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты со-

---

[1]) Премудр. Солом., гл. 12.

[2]) Древніе подъ названіемъ генія разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генія демономъ. Слово *демонъ* есть еллинское и значитъ разумѣвающій. Геній и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генія разумѣютъ изощреное чувствованіе добра и зла, другіе сильное нравственное чувство. Зри о геніи Сократовомъ Плутарха особое сочиненіе.

лому, плеву, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ произрастилъ намъ колосъ невидимою силою Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголъ Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго. Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ; видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебя ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ, буди увѣренъ, что и самый нечувствительный власъ головы твоея, потерявши наличность въ немъ свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, onебеся всякаго просвѣщаемаго имъ и восполняя своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣсто десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ немногимъ извѣстнымъ правиломъ водясь онъ, принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопребыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посовѣтуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины, находившееся у друга его въ гостиномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что счастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряп

чими по дѣламъ, многіе ученые разнощиками, многіе судьи пахарями, военачальники пастухами, монахи цаловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, произходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другаго окаянствуетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почтеннымъ безъ почестей, а другаго обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокомудрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада, одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе, одного монашество освятило, а другаго очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе, скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ею всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабіихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрѣшающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разснащеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что [1]) вѣнцу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается, отъ сѣмени въ сѣмя яблонь закрывается, земля въ путь земли идетъ и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе первоначальное тварей?—Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго во времянной свидимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся

---

[1]) Читай о семъ книгу подъ названіемъ: „О началѣ, употребленіи и злоупотребленіи разума и вѣры", 328 страница.—Мысли Сковороды о семъ предлогѣ точно таковы, каковы въ ономъ сочиненіи на упомянутой страницѣ изображены.

природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свіется, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Бого-человѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городскаго. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что либо приличное благодушеству, иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверсѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божію за нисполаніе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августѣ мѣсяцѣ.

По пріѣздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ учениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно кругомъ бродить по свѣту! пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо, ты будешъ столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, пре-

подобные! возразилъ онъ въ горячности: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты опреподобила! коль многихъ оканнствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею: но всѣхъ несчастнѣе есть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтрѣ прогулятся за монастырь. Согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сковороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею; но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?.. Сковорода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращатися во свояси. Сковорода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссіи, отъ чего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью потому, что родился тамъ, а Украину теткою по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человѣкъ! для чего не возмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! отвѣтствовалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ

низкаго, простаго, безпечнаго, уединительнаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умный человѣкъ! онъ прямо счастливъ: было меньше бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть, ты имѣешъ способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣнія, предувѣреніе....

— Если бы я почувствовалъ сего дня, прервалъ рѣчь Сковорода, что могу безъ робости рубить турокъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности пріятенъ. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человѣкъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствію или любви Божіей, т. е. живота, или гнѣва Божія, т. е. суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе напечатлѣно ощутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви (Еванг. Іоанна, гл. 3), и Богъ суда или гнѣва. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благости въ Творцѣ, а когда въ Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще. Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ, любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными, предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ пріемовъ, въ собраніяхъ запи-

малъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и не охотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проницающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверсѣ, бандорѣ и гусляхъ пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласили его. Онъ охотнѣйше принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи“.

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія правила, коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почитаніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое разсужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія не соотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ,

государя разумѣетъ и почитаетъ пастухъ свиной и цаловальникъ, какъ министръ его, военноначальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣть о Богѣ, какія въ монастырьскихъ уставахъ и школьныхъ типикахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близь Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродущіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и оградя спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностію, написалъ онъ тутъ первое сочиненіе свое въ образъ книги, названное имъ *Наркизъ*, или о томъ: *познай себя*. Прежнія его, до того писанныя, малыя сочиненія были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ же свое пустынножительктво, написалъ онъ другое сочиненіе, подъ именемъ: *Книга Асханъ*, о познаніи себя самого, которое приписалъ другу своему.

Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе, клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода охуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклята отъ всѣхъ соборовъ; то законословы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика; сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды и проч. Какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи имъ созданы; то и заключили, что онъ богохульникъ.

При томъ поелику Сковорода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса; то и выводили естественнымъ послѣдстіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, т. е. человѣконенавистникомъ.

Сковорода, узнавши о семъ и не желая. что-бъ добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію правилъ своихъ, говорилъ тако: [1]) было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мясъ,

---

[1]) Сіе самое объясненіе описываетъ онъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

и вина. Но потому ли лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, когда велитъ поудержаться отъ употребленія онаго тому, у котораго вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всещедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтовалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ того отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но когда отецъ у младолѣтняго сына вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороху, самъ однако же пользуясь оными; то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ изобрѣтены Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика. Не ложно то, что всякой родъ пищи и питія есть полезенъ и бодръ; но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки, или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ.

Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ народѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе, и всегда помнить мою ничтожность предъ ними. Сіе самъ я стараясь сохранить, и прочимъ совѣтывалъ дѣлать такожде, отъ чего и попалъ я въ оклеветаніе. Оглагольники мои, если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было-бы мнѣ; но сіи языковредныя, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлаютъ меня еще душегубительнымъ, т. е. еретикомъ, и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ совѣтывать съ своею природою, что-бъ они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю, не совсѣмъ сродную ему; то старался бы, какъ можно, удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хотя нѣсколько жалобы между людьми и роптанія предъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывали и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда-же въ уединеніе.

Въ изюмской округѣ харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшой просилъ тутъ же Сковороду

пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе въ деревнѣ его. гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самого хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувствія тѣхъ драгоцѣнныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ. Мнози глаголютъ: (такъ писалъ онъ къ другу своему) что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же во Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни, продолжалъ онъ, есть главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани пловущіе. Но о развращенныхъ я не говорю: свое всякому радованіе мило, азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе, кромѣ сея забавы, и пути ея пути вѣчны.

Между симъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы: въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ ноябрѣ.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потопъ мыслей покрылъ разумъ его и бездна желаній отверзлась предъ сердцемъ его. Но пріучась отъ наставника своего Сковороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ постельнаго удивленія, и три года проживя въ столицѣ, всегда хранилъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе Блаженъ, аще бы не уклонно во всѣ текущія лѣта послѣдовалъ сему великаго совѣта ангелу!

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ китаевской пустыни, что подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ [1]) внутреннее движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Слѣдуя сему, по своему обыкновенію, проситъ онъ Іустина

---

[1]) Душа мужа возвѣщати болѣе обыче, нежели седмь блюстители высоцѣ сѣдящіе на стражѣ.—Сирахъ гл. 37, ст. 18.—Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя произшествія, гдѣ Сократовъ духъ предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души.

чтобъ его отпустилъ онъ въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться Григорій непреклонно настоитъ, чтобъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположеніе Іустина къ отпуску его, пошелъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украину: тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подолъ, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришелъ на гору, откуда сходятъ на Подолъ; вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильной запахъ мертвыхъ труповъ, что перенесть не могъ и тотчасъ поворотился домой. Духъ убѣдительнѣе погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Актырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ разсказывалъ другу своему тако:

Имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязность, легкость, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя возгорѣлась огнемъ, и казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ изчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близъ насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже ко-

кошъ птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точно не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей растлѣнной.

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занимался упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе краи и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 году въ Швейцарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніилъ Мейнгардъ, человѣкъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвши даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столь похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно бы почесть его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозаны прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣденіями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 году, расказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человѣка на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр: сынъ) Сава Сковорода, Даніилъ Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, не многіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точностя былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе «Икона Алкивіадская», которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради пріятныхъ положеній природы, жительствовалъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Иван-

вкѣ у Ковалевскаго. у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сенпянскомъ и пр. по нѣскольку времяни. Иногда жилъ у кого либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?—О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ: поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?—Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчалъ Сковорода: глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е всѣ дѣла свои направляетъ, чтобъ дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ: философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно; то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудріе, поселяясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніе, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія, несравненныя ни съ какими счастливцами.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканной плащаницѣ, предлягало щедрою рукою чувствамъ его трапезу; тогда

онъ, принимая чашу забавъ, не растворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радозанія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои; тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, не далеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкій и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармоніею природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнивіи и всегда низу поникшіи ума моего помыслы! возмитеся и возвыситеся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть праздень, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако-жъ полунощные часы провожалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, не сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ къ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла

Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключь адскихъ мученій, благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидяй въ дому, идяй путемъ, засыпая и просыпаясь; пріемли и обращай все во благо; буди доволенъ сущими; о всемъ приключающемся тебѣ не воздавай безумія Богу; всегда радующеся, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію. Не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заводя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣріе къ внутреннему гласу духа, пробудя жаръ истиннаго любомудрія, возжгло въ немъ разумъ внѣшній и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ облагопріятствовалъ его своими дарами: наложа на него успѣяніе, далъ ему жену, друзей, пріятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды. Но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастіи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ утѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лицепріятіе.

Таковы были послѣдствія свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самого, собралъ разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо исказилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печаляхъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастія его, въ сердечномъ чувствованіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истины пѣснь:

О Іерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ! и проч...

Промыслъ Божій воззрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую по-

году и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нравъ, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчеваемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другѣ его усыпленныя силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностію; а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли, или главной мудрости.

Я не знаю мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатанъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ, а нужное не труднымъ!

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживъ въ малѣ, исполнь лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостяжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія. Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ,

яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и св. писаніе безъ вѣры; вѣра же невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его; то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе; то, относя сіе къ искуству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключаю ли кирпичь, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

Читая св. писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властемъ придержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, напримѣръ, исторію, чтоАаронъ первосвященникъ золотаго тельца жидовскаго, здѣланнаго ими въ небытность его и покланяемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума; то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для чего добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а не поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастіе въ жизни

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: *премудрость прости*? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложенное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишъ невидимаго, силу Божію, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣка духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовремянно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть не дѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ воли Творца. Такой душевной миръ пріуготовляется изъдали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ здѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ преходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или странныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человѣкъ. Посмотри, жизнь временная есть сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи времянности сей изчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? Чрево матери, и великій міръ сей: по вступленіи младенца изъ того въ сей все прошедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человѣческія и

судъ Божій. Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огнь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотъчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоитъ духомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ; тутъ [1]) огнь мученій не угаса тъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?— Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ буренъ, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. По сему разумѣй животъ вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства не отдѣляемыя отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, перемѣнно: не разуменъ, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія

Не говори мнѣ о высокихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліяніе природы, а не пристрастій [2]), и есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ бренной сей временности тѣлеснаго бытія. Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окружности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда.

---

[1]) *Угрызенія совѣсти* суть духи черные, мученія и уязвляющія змѣи, молніи проницающія, ясныя истины, суть адъ; сія истина ввѣрена на сохраненіе послѣднему часу жизни человѣка.

[2]) Est quaedam flere voluptas.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человѣкъ [1]), подошедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С! прошу любить меня.—Могу-ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, имянемъ и прозваніемъ [2]) N. N., отвѣчалъ сей. Сковорода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на мое сердце.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долголѣтній подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокомудрствующихъ и обнажалъ простоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія. говорили другимъ: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее", и въ то время, когда сей увѣнчеваемъ уже былъ знаменами истины, они, обвѣшаны знаменами соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ истины.

Старость, осеннее время, безпрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось.

Другъ его упрашивалъ остаться у него зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать. и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться; то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотетова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

---

[1]) Губернскій прокуроръ.

[2]) Директоръ экономіи.

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить оную.

Пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ ради безпрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе; но не туда, куда намѣревалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣстопребываніе, гдѣ нѣсколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончать теченіе.

Болѣзни старостію, погодою, усталостію отъ пути приблизили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для пріуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ, почитая обряды обрѣзанія не нужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, по утру, на разсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ.

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучщія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержанія:

Число твореній моихъ:

1. Наркизъ, узнай себя.
2. Симфонія: рѣхъ, сохраню пути моя.
3. Симфонія: аще не увѣси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавітъ міра, о природѣ.
6. Разговоръ кольцо.
7. Древній міръ.
8. Жена Лотова.
9. Брань архангела Михаила съ сатаною.
10. Икона Алкивіадская.

11. Бесѣда I. Сіонъ.
12. Бесѣда II. Сіонъ.
13. Бесѣда III. Двое.
14. Діаволъ: душа и нетлѣнный духъ.
15. Благодарный Еродій.
16. О христіанскомъ добронравіи или Катихизисъ.
17. Асхань, о познаніи себя.

Переводы:

1. О старости Цицероновой.
2. О Божіи правосудіи. } Плутарховы сочиненія.
3. О смерти . . . .
4. О храненіи отъ долговъ.
5. О свойствіи душевномъ.
6. О вожделѣніи богатствъ.
7. О уединеніи . . . . Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на россійскомъ, латинскомъ языкѣ находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинской предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога. 1795 года февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ.

Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся 1794 года, октября 29 дня:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ и умомъ и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ, Сковорода.

Сочиненіе друга его М. К.

Пополненія недостающаго въ «Житіи» по другому его списку.

Въ то время, когда «Житіе Г. С. Сковороды» въ спискѣ, сообщенномъ редакціи г. Добротворскимъ, было закончено печатаніемъ, нами полученъ изъ Елисаветграда отъ В. Н. Ястребова другой, совершенно полный и весьма исправный списокъ «Житія», случайно купленный имъ на елисаветградскомъ базарѣ и сдѣланный, судя по бумагѣ и почерку, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Пользуемся этимъ спискомъ, чтобы пополнить пробѣлы, оказавшіеся здѣсь на стр. 113 и 114.

Къ стр. 113 относятся въ указанномъ мѣстѣ слѣд. строки:

Сіе начало распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь, составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе.

Человѣкъ, то есть воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ *живетъ, движется и есть.*

На стр. 114 недостаетъ слѣд. строкъ:

Парфянинъ и мидянинъ, іудей и еллинъ, рабъ и свободь, равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала.

Подвигъ, то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія; и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго, есть правда, воздающая всякому свое: *полная полнымъ, и тщетная тщетнымъ.* Почему мудрый и праведный есть тоже.

Во всемъ остальномъ оба списка буквально сходны.

Ред.

Библіографія.

Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Изданіе холмскаго св. Богородицкаго братства. Варшава. 1886 г.

Названная книга принадлежитъ къ числу тѣхъ почтенныхъ изданій холмскаго св. богородицкаго братства, которыя оно отъ времени до времени выпускаетъ для достиженія своихъ цѣлей, главнѣйшую же его цѣль составляетъ пробужденіе и укрѣпленіе въ коренномъ населеніи Холмщины сознанія его русской народности и исконной принадлежности къ русскому православному міру. Историческія изслѣдованія судебъ тамошняго края, популяризація добытыхъ ими результатовъ и проведеніе ихъ въ школы и народныя массы—это конечно самый естественный и единственно вѣрный путь для достиженія намѣченной братствомъ цѣлеи. Но путь этотъ трудный. Кто знаетъ, во что превратилось послѣ вѣковой борьбы съ полонизмомъ и католицизмомъ русское населеніе Забужья и чѣмъ оно было лѣтъ двадцать назадъ, того не удивило-бы, если-бы мы сказали, что попытка найти во многихъ мѣстахъ Холмщины слѣды православія и русской народности равносильно желанію открыть новую Америку. И тѣмъ не менѣе холмское братство, не боясь трудностей, идетъ по намѣченному пути и имѣя трудолюбивыхъ, честныхъ и добросовѣстныхъ изыскателей, дѣйствительно дѣлаетъ подъ часъ замѣчательныя въ своемъ родѣ открытія. Первый опытъ въ этомъ родѣ сдѣланъ г. Лонгиновымъ въ его трудѣ «Православная русская старина въ г. Люблинѣ», помѣщенномъ въ VIII выпускѣ Памятниковъ Западно-русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ. Почтенный о. А. Будиловичь сдѣлалъ второй и не менѣе удачный опытъ, обслѣдовавъ съ научными пріемами, въ большей части по неизданнымъ архивнымъ источникамъ, русскую православную старину въ Замостьѣ. Передадимъ вкратцѣ содержаніе его любопытнаго изслѣдованія.

Замостье—это не большой городокъ люблинской губерніи польско-жидовскаго типа, недавно упраздненная крѣпость того-же имени. Основанъ онъ въ 1580 г. знаменитымъ дѣятелемъ временъ Стефана Баторія и Сигизмунда III, польскимъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ и былъ его и его наслѣдниковъ резиденціею, съ полнымъ господствомъ juris dominii. Янъ Замойскій былъ *добрый полякъ* и надѣливъ основанный имъ городъ разными льготами, оговорилъ, что ими могутъ пользоваться только жители римско-католическаго исповѣданія. Но, къ удивленію самаго основателя, въ Замостьѣ, спустя менѣе десяти лѣтъ послѣ его основанія, является православная русская община, съ примѣсью греческихъ купцевъ, передвинувшаяся сюда изъ ближайшаго къ основанному городу русскаго поселенія, что нынѣ Новая Осада, гдѣ была около того времени церковь Вознесенія Господня, священникъ, братство и шпиталь. Община эта обнаружила такое вліяніе въ устроеніи города и процвѣтаніи въ немъ торговли, что Янъ Замойскій вынужденъ былъ особою грамотою 1589 г. распространить и на нее данныя исключительно католическому населенію Замостья льготы, предоставивъ ей построить въ самомъ городѣ свой храмъ, имѣть одного или нѣсколькихъ священниковъ и свободно исповѣдывать свою вѣру. Является такимъ образомъ въ самомъ Замостьѣ православная русская церковь св. Николая, а при ней устраивается братство, шпиталь и школа. Исторія этой церкви, пережившей унію и возстановленной теперь въ древнемъ благолѣпіи, равно исторія основаннаго при ней братства и связанныхъ съ нимъ учрежденій и составляетъ предметъ изслѣдованія о. Будиловича. Исторія эта есть ничто иное, какъ исторія борьбы православной русской общины въ Замостьѣ за свое существованіе, за цѣлость своей вѣры и народности, борьбы съ могущественными патронами Замостья, съ преобладающимъ католичествомъ, господствующею національностью, съ хитрыми и искусными польско-католическими ксендзами, той борьбы, которая именно съ этого времени охватила всю южную и западную Русь и направлена была руководителями тогдашней внутренней польской политики къ тому, чтобы подчинить римской церкви, въ формѣ уніи, русское населеніе Польши и этимъ путемъ ополячить и окатоличить оное, истребивъ всякіе слѣды православія и народности русской. Православно-русская замостьская община не могла выдержать сильнаго напора польско-католической пропаганды и къ половинѣ XVIII ст. пала въ неравной борьбѣ: и приходъ и церковь перешли въ унію, въ замѣнъ православнаго никольскаго братства явилось уніатское братство св. Онуфрія съ базиліанскимъ монастыремъ, православную братскую школу замѣнила школа базиліанъ. О. Будиловичь слѣдитъ исторію тѣхъ и другихъ учрежденій, уясняя постепенное подавленіе въ православной за-

мостьской общинѣ русскаго духа, русской жизни, русскаго слова и заканчиваетъ свой трудъ краткимъ извѣстіемъ объ окончательномъ торжествѣ православія въ Замостьѣ, послѣдовавшемъ во время возсоединенія холмскихъ уніатовъ въ 1875 г. Путемъ критическаго анализа архивныхъ документовъ, путемъ прямыхъ и косвенныхъ указаній и мѣстами тонкихъ соображеній онъ съ значительною твердостію устанавливаетъ то положеніе, что вся окружающая Замостье мѣстность занята была искони русскимъ православнымъ населеніемъ, что основаніе г. Замостья польскимъ канцлеромъ, «патріотомъ до мозга костей», въ центрѣ русскаго населенія, исключительно для католиковъ и съ особыми для нихъ привилегіями, было одною изъ мѣръ расширенія польско-католическаго вліянія, примѣненною въ своихъ маетностяхъ главнымъ заправителемъ тогдашней польской политики, что проникновеніе въ этотъ городъ русскаго элемента совершилось въ силу исконнаго его господства въ тамошней мѣстности, что дальнѣйшее подавленіе его тамъ было дѣломъ насилія и захвата, въ силу общей государственной политики, и что послѣдовавшее въ недавнее время возстановленіе въ Замостьѣ и его окрестностяхъ православія, русской жизни и русской рѣчи есть только возвращеніе къ прежнему историческому порядку и строю тамошней жизни. Въ этомъ главнѣйшій интересъ изслѣдованія о. Будиловича и его практическое значеніе.

Выразителемъ древне-русской жизни въ Замостьѣ было учрежденное тамъ въ 1606 г., по благословенію львовскаго епископа Гедеона Балабана, братство, отъ котораго остались памятники какъ вещественные, въ видѣ сооруженной имъ церкви св. Николая, устроеннаго въ ней прекраснаго иконостаса и нѣкоторыхъ предметовъ церковной утвари, такъ и письменные, въ видѣ метрической книги 1670 г., подъ названіемъ «Прототипонъ онома», и братскаго Помянника 1675—1677 г. Изложеніе судьбы этого братства съ 1606 по 1762 г. и смѣнившаго его уніатскаго онуфріевскаго братства съ базиліанскимъ монастыремъ, съ 1762 г. до начала нынѣшняго столѣтія, а также изслѣдованіе памятниковъ перваго изъ нихъ, и составляетъ главное содержаніе разсматриваемой нами книги. При составленіи оной авторъ пользовался источниками печатными, русскими и польскими, но главнымъ матеріаломъ для него послужили рукописи, хранящіяся въ холмскомъ братскомъ музеѣ. Все сочиненіе о. Будиловича раздѣляется на 28 главъ, не помѣченныхъ числами, но каждая съ отдѣльнымъ заглавіемъ. Исторія замостьскаго братства излагается съ 3-й главы, которая посвящена исторіи основанія и сооруженія св. никольской церкви, 4-я глава посвящена разсказу объ образованіи братства. Отъ 9-й до 14-й главы включительно разсказывается о внутреннихъ порядкахъ братства при св. никольской церкви. Двѣ главы посвящены

описанію двухъ важнѣйшихъ памятниковъ этого братства: «Прототипонъ онома» и «Помянника братскаго». Начиная съ 17 главы и до конца сочиненіе содержитъ описаніе борьбы братства съ его врагами базиліанами. Описаніе въ общихъ чертахъ доведено до 1885 г., времени торжества православія надъ уніей.

Рукописные источники, на которыхъ главнымъ образомъ основано все изслѣдованіе автора,—это оставшіеся послѣ упраздненія въ 1864 г замостьскаго базиліанскаго монастыря документы и бумаги онаго, спасенные въ свое время отъ гибели нынѣшнимъ редакторомъ «Кіевской Старины», Ѳ. Г. Лебединцевымъ и принесенные имъ въ даръ холмскому музею при самомъ его учрежденіи. По видимому, они не многочисленны, но это источники первой руки. Назовемъ хотя главнѣйшіе изъ нихъ. Таковы: грамота Гедеона Балабана 1606 г. на учрежденіе въ Замостьѣ братства св. Николая; грамота ордината Ѳомы Замойскаго 1621 г.; подтвердительная грамота митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова съ нѣкоторыми дополнительными правилами относительно порядка въ братствѣ; посланіе константинопольскаго патріарха братству 1616 г.; книга протоколовъ собраній братства замостьскаго; актъ объ учрежденіи при св. никольской церкви младшаго братства; два посланія холмскаго епископа Александра-Августа Лодзяты 1687 и 1689 г.; коммисарскіе акты замостьскаго замка; письмо Анны, ординатки замостьской, о введеніи базиліанъ въ Замостье; уставъ, данный въ 1732 г. братству холмскимъ епископомъ Фелиціаномъ Володковичемъ; папская булла 1753 года объ устройствѣ въ Замостьѣ онуфріевскаго братства; инструкція базиліанскаго провинціала Дороѳея Михальскаго 1801 г.; предписаніе провинціала Билевича 1842 года и проч. Къ чести автора сказать должно, что онъ извлекъ изъ этихъ и многихъ не названныхъ документовъ все, что можно было выцѣдить изъ нихъ послѣ самаго тщательнаго и всесторонняго ихъ разсмотрѣнія. Изложеніе его отличается строгою послѣдовательностію, основательностію и осторожностью въ выводахъ. Пожалѣть можно развѣ о томъ, что авторъ придалъ серьезное значеніе и посвятилъ особую, именно 7-ю главу апокрифическому памятнику замостьской старины, бердышу Богдана Хмельницкаго, не извѣстно откуда и отъ кого попавшему въ краковскій музей, съ такою надписью, которая сама внушаетъ сильныя подозрѣнія, какъ объ этомъ было замѣчено въ нашемъ изданіи при разсмотрѣніи VII выпуска «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ» [1]) Слѣдовало бы также, заканчивая повѣсть о судьбахъ процвѣтавшаго нѣкогда въ Замостьѣ православія и народности русской, об-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1885 г., іюн. кн., стр. 311 и 312.

стоятельнѣе и опредѣленнѣе сказать о томъ печальномъ положеніи, въ какомъ очутилось русско-уніатское населеніе Замостья и его окрестностей, равно и о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты были послѣ 1864 г. правительствомъ и мѣстнымъ русскимъ обществомъ для поднятія здѣсь русскаго сознанія и жизни, а безъ этого торжество православія въ 1875 г. является для Замостья совершенно неожиданнымъ и даже просто непонятнымъ.—Языкъ книги нельзя назвать легкимъ, онъ даже нѣсколько своеобразенъ; но самая книга не есть популярное, а только научное изслѣдованіе избраннаго авторомъ предмета. Тѣмъ не менѣе книга о. Будиловича читается съ большимъ интересомъ и намъ кажется, что въ ряду другихъ трудовъ, посвященныхъ старинѣ западной Руси, она займетъ почетное и по интересу фактовъ выдающееся мѣсто.

П. Голубовскій.

Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива А. А. Андріевскимъ и изданные императорскимъ одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса. 1886 г.

Въ предъидущей книжкѣ „Кіевской Старины“, говоря о новомъ изданіи „Исторіи Новой Сѣчи“ г. Скальковскаго, мы указали на назрѣвшую въ настоящее время потребность въ полной и обстоятельной исторіи южной Россіи вообще и Запорожья въ частности, а прежде того въ собраніи и изданіи возможно большаго количества матеріаловъ, относящихся къ этой области русской исторіи. И вотъ какъ-бы въ отвѣтъ на наши пожеланія мы имѣемъ новый, огромный (въ 430 страницъ) томъ матеріаловъ этого рода, собранныхъ г. Андріевскимъ въ дополненіе къ изданнымъ имъ раньше 10 выпускамъ „Историческихъ матеріаловъ“, о появленіи которыхъ каждый разъ дѣлались въ нашемъ изданіи библіографическія сообщенія, знакомившія читателей съ содержаніемъ выходящаго выпуска и дававшія оцѣнку заключающагося въ немъ матеріала. Возможность собранія, сравнительно въ короткое время, такого значительнаго количества историческихъ матеріаловъ г. Андріевскій объясняетъ тѣмъ сочувствіемъ къ этому дѣлу, какое онъ встрѣтилъ въ кіевскомъ вице-губернаторѣ, А. П. Баумгартенѣ. Онъ далъ ему возможность издать названные 10 выпусковъ, изданіе-же настоящаго тома приняло на себя одесское общество исторіи и древностей.

Въ настоящій сборникъ вошли отрывки 42 дѣлъ, содержащихъ болѣе 200 отдѣльныхъ актовъ. Всѣ они такъ или иначе

рисуютъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь южнаго края Россіи и въ частности Запорожья въ срединѣ XVIII ст. Содержаніе ихъ до крайности разнообразно и съ нимъ можно ознакомиться лишь по отдѣльнымъ группамъ дѣлъ и актовъ. Такъ восемь дѣлъ представляютъ внутренніе распорядки Запорожья; четыре дѣла указываютъ на борьбу запорожцевъ съ сосѣдями изъ-за захвата сѣчевой территоріи, на недружелюбное отношеніе ихъ къ колонизаціи южныхъ вольныхъ степей сербами и великороссами; для опредѣленія формы колонизаціи могутъ послужить два дѣла; дипломатическая переписка русскаго двора чрезъ кіевскаго генералъ-губернатора съ Крымомъ, посылка туда купцевъ и военныхъ людей для развѣдыванія „о тамошнихъ обращеніяхъ", хлопоты генералъ-губернатора объ учрежденіи консульства при ханѣ и проч. обнимаютъ двѣнадцать дѣлъ; свѣдѣнія о пограничныхъ отношеніяхъ Крыма и Запорожья находимъ въ трехъ дѣлахъ; два дѣла характеризуютъ польско-русскія отношенія; наибольшее число дѣлъ, именно восемнадцать, изображаютъ подвиги запорожцевъ и гайдамаковъ, которые, по словамъ документовъ, ничѣмъ не разнятся одни отъ другихъ.

Хотя нѣкоторые изъ вошедшихъ въ сборникъ дѣлъ и документовъ съ большимъ удобствомъ могли-бы быть выпущены, какъ не подходящіе по содержанію ни къ одной изъ указанныхъ группъ и могущіе имѣть значеніе лишь въ общей массѣ однородныхъ съ ними документовъ (таковы подъ №№ VII, XI и XXXIX); но большинство ихъ представляютъ несомнѣнный историческій интересъ. Такъ одни изъ нихъ устанавливаютъ болѣе точно время извѣстныхъ уже событій, напр. возвращенія запорожцевъ въ россійское подданство (1715—1733 г.), или-же помогаютъ прослѣдить измѣненія въ бытѣ запорожцевъ подъ вліяніемъ русскаго правительства; другія даютъ понятіе о мѣрахъ, какія принимаемы были правительствомъ для обузданія запорожцевъ наканунѣ уничтоженія Сѣчи, или-же сообщаютъ новые факты изъ политической исторіи запорожцевъ (сюда относятся дипломатическая переписка, гайдамацкіе набѣги, пограничныя отношенія, а равно и данныя по колонизаціи новороссійскаго края). Въ иныхъ изъ актовъ встрѣчаются имена по видимому новыхъ кошевыхъ, напр. Василія Іосифова (1715 г.), Павла Ивановича (1752 г.) и Василія Сыча (около 1750 г.). Любопытна также и слѣдующая новинка: убійца Саввы Чалаго съ именемъ Игната Голаго, называемый у Скальковскаго лишь по пѣсни, записанной г. Срезневскимъ и помѣщенной имъ въ его „Запорожской Старинѣ", по изданнымъ теперь матеріаламъ оказывается лицемъ дѣйствительнымъ и былъ запорожцемъ медведов-

скаго куреня; убійство совершено имъ съ вѣдома и согласія кошеваго атамана Семена Еремѣевича, о чемъ сообщалось даже сенату 15 апрѣля 1742 года.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе актовъ, изданныхъ г. Андріевскимъ.

Что касается формы и способа печатанія актовъ, то онѣ оставляютъ желать болѣе точности. Издатель, напр., не снабдилъ болѣе или менѣе обстоятельной описью каждый актъ, входящій въ сборникъ, а ограничился лишь изложеніемъ содержанія дѣла по оригиналу. Такая краткость весьма затрудняетъ справки, заставляя читать много совершенно ненужныхъ вещей. Въ сборникъ введены акты совершенно пустые и безсодержательные; кромѣ того, редактируя акты, г. Андріевскій не рѣдко урѣзываетъ ихъ, передавая кратко опущенное и дѣлая вставки для связи, но при этомъ собственныя слова автора, служащія связью между двумя отдѣльными документами или ихъ частями, не выдѣлены шрифтомъ и часто сбиваютъ читателя, ставя въ недоумѣніе, гдѣ оканчивается оригиналъ и гдѣ слова редактировавшаго. Конечно, въ этихъ связкахъ не было бы ни малѣйшей необходимости, если-бы одинъ актъ былъ рѣзко отграниченъ отъ другаго подробной описью и нумераціей такъ какъ связка между отдѣльными документами явится у читателя сама собой. Къ вставкамъ и связкамъ привели г. Андріевскаго дѣлаемыя имъ урѣзки, а къ этимъ послѣднимъ вынуждало его многословіе и частыя повторенія старинныхъ офиціальныхъ бумагъ. Г. Андріевскій старался соблюсти экономію, какъ самъ о томъ заявляетъ; но намъ кажется, что въ самой этой экономіи не было бы надобности при болѣе строгомъ выборѣ актовъ. Для экономіи же онъ дѣлаетъ сокращенія въ начертаніи словъ, что крайне затрудняетъ чтеніе. Впрочемъ все это мелочи болѣе крупнымъ недостаткомъ Сборника мы считаемъ отсутствіе въ немъ указателя именъ личныхъ и географическихъ, безъ котораго пользованіе актами значительно затрудняется.

Собиратель актовъ въ предисловіи къ сборнику напрасно старается извинить недостатки изданія своимъ диллетантизмомъ въ археографіи: послѣ напечатанія имъ десяти выпусковъ „Историческихъ матеріаловъ“ его нельзя уже считать въ этомъ дѣлѣ новичкомъ и мы въ свое время дѣлали ему соотвѣтственныя указанія въ рецензіяхъ.

Впрочемъ указанные недостатки не умаляютъ труда г. Андріевскаго и его безкорыстнаго служенія интересамъ науки.

И. Каманинъ.

Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., № 3-й, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. Ст. Г. Ц.

Краткою библіографическою замѣткою мы хотимъ обратить вниманіе читателей на интересное изслѣдованіе нѣкоего г. Г. Ц., появившееся въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за нынѣшній годъ и посвященное такъ называемой «Баснѣ Богдана Хмельницкаго», точнѣе сказкѣ, записанной изъ устъ его современникомъ Грондскимъ. Эта басня или сказка принадлежитъ къ числу тѣхъ такъ называемыхъ животныхъ басень или сказокъ, источникъ которыхъ въ устной письменности культурныхъ народовъ древняго Востока, ассиріянъ, вавилонянъ и египтянъ и передатчиками которыхъ въ Европу были древніе греки, византійцы, арабы и турки.

Малорусскій народъ, подобно другимъ европейскимъ народамъ, усвоилъ себѣ не мало такихъ сказокъ. Значительный запасъ ихъ напечатанъ въ сборникахъ Кулиша (1856 г.), Рудченка (1868—70 г.), Драгоманова (1876 г.) и Чубинскаго (1878 г.). Объясненіе мотивовъ этихъ сказокъ въ сравнительно-историческомъ направленіи можно найти въ книгѣ проф. Колмачевскаго: «Животный эпосъ на западѣ у славянъ», изд. въ Казани въ 1882 г. (стр. 55—174).

Что касается животныхъ басенъ въ собственномъ смыслѣ, то онѣ не выработались въ малорусской народной средѣ, хотя въ ней обращается много правоучительныхъ разсказовъ и анекдотовъ. Ихъ создали уже въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ Лафонтена, Флоріана, Крылова и др., Гулакъ-Артемовскій, Боровиковскій, Гребенка и Глѣбовъ.

Тѣмъ интереснѣе для изслѣдователя малорусской народной словесности басня, записанная въ XVII в., хотя не въ народной средѣ и не на малорусскомъ языкѣ, но за то изъ устъ великаго малорусскаго дѣятеля—Богдана Хмельницкаго. Басня эта была разсказана Богданомъ Хмельницкимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ октябрѣ 1656 года король польскій Янъ Казиміръ, доведенный до крайности обрушившимися на него политическими несчастіями, снарядилъ посломъ къ козацкому гетману въ лагерь подъ Львовомъ Станислава Любовицкаго, поручивъ ему добиться примиренія съ козаками. 29 октября посолъ прибылъ въ козацкій лагерь; съ нимъ былъ Самуилъ Грондскій, котораго Любовицкій, встрѣтивъ на дорогѣ, пригласилъ съ собою. Бывшій свидѣтелемъ всѣхъ переговоровъ Любовицкаго съ гетманомъ, Грондскій подробно изложилъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Historia belli cosacco-polonici, conscripta anno 1676», при чемъ записалъ и басню, разсказанную послу Богданомъ Хмельницкимъ. Изъ повѣствованія Гронд-

скаго видно, что переговоры не клеились. Тогда Хмельницкій, обращаясь къ послу и Грондскому, сказалъ имъ слѣд. басню, которую приводимъ, по переводу Н. И. Костомарова:

«Садитесь и слушайте, господа; вы принесли намъ прекрасныя предложенія отъ короля; но возможно-ли принять ихъ, или невозможно? Выслушайте эту побасенку.

Въ древнія времена, говорятъ, жилъ у насъ поселянинъ, очень зажиточный; всѣ сосѣди завидовали ему. У этого поселянина былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ; хозяева ставили всегда ему молоко въ нору и онъ часто ползалъ между семьею. Случилось однажды, дали мальчику молока; приползъ и ужъ и сталъ хлебать молоко изъ чашки; за это мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ и ужъ укусилъ мальчика. На жалобный крикъ дитяти прибѣжалъ отецъ и узнавъ, что ужъ укусилъ сына, бросился убивать животное; ужъ успѣлъ вложить голову въ нору, а хвоста не успѣлъ; хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія, а ужъ остался уродомъ и съ тѣхъ поръ боялся выходить изъ норы. Вскорѣ послѣ того богатства этого человѣка начали значительно уменьшаться, наконецъ онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и, желая узнать причину, побѣжалъ къ знахарямъ и говоритъ имъ: «скажите, прошу я васъ, что это значитъ, что въ прошлые годы я меньше прилагалъ старанія о хозяйствѣ, а всего у меня было много; ни у кого не было такъ много и такихъ прекрасныхъ воловъ, какъ у меня, ни у кого коровы не давали столько молока, ни у кого овцы не давали такой блестящей шерсти, ни у кого кобылы не рожали такихъ складныхъ жеребятъ, нигдѣ поля не приносили такой обильной жатвы, ни чьи сады не оглашались такимъ множествомъ пчелъ; стада мои не страдали отъ болѣзней; я самъ не зналъ никакихъ непріятностей; домъ мой посѣщали гости; ни у кого изъ сосѣдей не было такого многочисленнаго семейства; нищій не отходилъ отъ моего дома съ пустыми руками; ни въ чемъ не было недостатка; всякаго добра было у меня обильно. Но вотъ за нѣсколько лѣтъ разсѣялось все, что я собралъ въ продолженіе жизни, и между сосѣдями нѣтъ бѣднѣе меня; и хотя я изнемогаю отъ трудовъ для поддержанія жизни, однако ничто не идетъ мнѣ въ пользу, но съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Скажите, если знаете, причину моего горя и нельзя-ли пособить ему?»—Ему отвѣчали: «пока ты въ прошлые годы хорошо обходился съ своимъ домашнимъ ужомъ, онъ принималъ на себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ свободнымъ отъ нихъ, теперь-же, какъ между вами стала вражда, всѣ бѣдствія обрушились на тебя. Если ты хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужомъ».—Жена понесла ужу молоко, но ужъ наѣлся молока и снова спрятался въ нору. Нѣсколько времени

наблюдалъ за этимъ хозяинъ и началъ приглашать его заключить прежнюю дружбу. Тогда ужъ ему отвѣчалъ: «напрасно хлопочешь, чтобы была между нами такая дружба, какъ прежде, потому что, какъ только посмотрю я на свой хвостъ, потерянный за твоего сына, тотчасъ и возвращается ко мнѣ досада; съ другой стороны и ты, какъ только вспомнишь, что лишился сына, тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодованіе, такъ что ты готовъ размозжить мнѣ голову. Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ своемъ домѣ, какъ тебѣ угодно, а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ другу».

Тоже самое, господинъ посолъ, случилось между поляками и русскими. Было время, когда въ этомъ огромномъ зданіи Рѣчи Посполитой мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхомъ нашимъ; казаки отклоняли отъ королевства грозящія опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Жители Польши, сохраняя козаковъ въ свободѣ, не досадовали на нихъ, если они хлебали изъ того молока, которое находили въ углахъ, куда не достигали называющіе себя единственно сынами древняго отечества. Тогда королевство польское процвѣтало и сіяло счастьемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ; всѣ народы ему завидовали; никто не бралъ добычи съ королевства польскаго, но куда только польскія войска шли совокупно съ козацкими силами, вездѣ торжествовали, вездѣ воспѣвали побѣдныя пѣсни. Но въ послѣдствіи называющіе себя дѣтьми королевства начали нарушать свободу русскихъ и начали бить ихъ по головѣ, а русскіе, когда имъ сдѣлалось больно, начали кусаться; тогда случилось, что и русскихъ большая половина отсѣчена и сыновъ королевства не мало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ только придутъ этимъ народамъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, но отъ малѣйшей причины не доводится дѣло до конца. Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ сдѣлать того, чтобы между нами установился твердый продолжительный миръ, какъ только такъ: пусть королевство польское откажется отъ всего, что принадлежало къ княжествамъ земли русской, пусть уступитъ козакамъ въ управленіе цѣлую Русь до Владиміра, и Львовъ, и Ярославль, и Перемышль, съ уговоромъ, чтобъ мы, сидя себѣ въ Руси своей, какъ въ норахъ, отклоняли враговъ отъ королевства польскаго. Но я знаю: если бы въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ и тогда-бъ они не согласились на это; а козаки, пока будутъ имѣть оружіе, также не отстанутъ отъ этихъ условій».

Таковъ матеріалъ, изслѣдованію котораго посвящена статья г. Г. Ц. Какія же задачи по отношенію къ нему преслѣдуетъ статья?

«Басня Богдана Хмѣльницкаго, говоритъ г. Г. Ц., принадлежитъ къ тому огромному матеріалу сказаній, который давно уже сдѣлался достояніемъ между-народнымъ, хотя разные элементы его и должны были первоначально сложиться въ той, или въ другой частной народной, или національной области». Но научная пытливость не можетъ остановиться на такомъ утвержденіи. Интересно знать, въ какой области образовалось первоначально сказаніе о крестьянинѣ и ужѣ и какими путями дошло оно до Львова, гдѣ было записано въ 1656 г. Грондскимъ изъ устъ Богдана Хмѣльницкаго. Что-бы разрѣшить эти вопросы, необходимо сравнить варіанты этого сказанія, замѣчаемые въ разныхъ народныхъ областяхъ и въ разныя времена. Это-то и сдѣлано въ статьѣ г. Г. Ц., съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній и строгою научною послѣдовательностію.

Изъ изслѣдованій г. Г. Ц. оказывается, что можно набрать до 14 варіантовъ приведеннаго сказанія. Оно живетъ и въ устахъ народа, проникло и въ произведенія письменной литературы. Панчатантра, басни Эзопа, Федра и Ромула, *Directorium humanae vitae* Іоанна Капуанскаго, сказки изъ окрестностей Семипалатинска Потанина, Золотые луга Массуди, *Esopet* Маріи французской, *Gesta Romanorum*, турецкія басни въ переводѣ *Decourdemanche'а*, сочиненія французскаго писателя XVII—XVIII в. Сенесе, сборникъ албанскихъ сказокъ Дозона и сборникъ юго-славянскихъ сказокъ Крауса—вотъ тѣ книги, гдѣ внимательный изслѣдователь можетъ разыскать разнообразные варіанты басни Богдана Хмѣльницкаго. Тщательное сравненіе всѣхъ этихъ варіантовъ дало г. Г. Ц. возможность опредѣлить: 1) что первообразомъ для всѣхъ ихъ послужилъ варіантъ индійскій, вошедшій въ Панчатантру; 2) что всѣ они, за исключеніемъ индійскаго, распредѣляются на 4 редакціи: классическую (II ст. до Р. Хр.), арабскую 1-ю (VII в. по Р. Хр.), арабскую 2-ю (XV в.) и турецкую (XVI в.) и 3) что украинскій варіантъ принадлежитъ къ редакціи турецкой. «Непосредственная генеалогическая связь украинскаго варіанта съ турецкими», говоритъ г. Г. Ц., «не будетъ удивительна для того, кто вспомнитъ, какъ тѣсно было взаимное соприкосновеніе между украинцами и турками съ конца XV в., когда турки подчинили себѣ Молдаво-Валахію и берега Чернаго моря съ Крымомъ, какъ много украинцевъ проживало среди турокъ въ качествѣ плѣнниковъ, которымъ потомъ удавалось возвращаться на родину, какъ часто украинцы женились на турецкихъ плѣнницахъ, и наконецъ, что самъ Богданъ Хмѣльницкій провелъ два года въ плѣну въ Турціи, гдѣ и выучился турецкому языку. Да и заимствованія украинской народной словесности у турокъ далеко не ограничиваются одной разсматриваемой теперь басней. Множество анекдотовъ, которые ходятъ по Украйнѣ и считаются за продукты мѣстнаго остро-

умія, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются повтореніемъ турецкихъ шутокъ Наср-Эддина-Ходжи» [1]).

Статья г. Г. Ц. написана съ большимъ знаніемъ дѣла и выводы ея не могутъ возбуждать сомнѣній даже въ самомъ придирчивомъ читателѣ

А. С—ка.

---

[1]) См. по этому поводу ст. г. Кузьмичевскаго „Турецкіе анекдоты въ украинской словесности" въ Кіевской Старинѣ 1886 г. февраль и мартъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

О НОВООТКРЫТОМЪ СЛАВЯНСКОМЪ БОГѢ РАѢ.

Открытіе новаго славянскаго бога *Рая* было заявлено г. Шейномъ въ изданномъ имъ сборникѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Внимательно просмотрѣвъ приведенные имъ доводы въ подтвержденіе этой подозрительной новости, мы пришли къ убѣжденію, что тутъ скрывается недоразумѣніе. Такого страннаго бога у славянъ-язычниковъ никогда не бывало и загадка совсѣмъ иначе разъясняется.

Предварительно считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ изданныхъ г. Шейномъ сборникѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Г. Шейнъ не вездѣ строго критически относился къ тексту напечатанныхъ имъ пѣсенъ и кое-гдѣ съ изумленіемъ замѣчали мы явныя несообразности. Такъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ [1]) приведенъ стихъ: «стрѣлы водитъ по ночамъ». Безсмыслица осталась не только безъ всякой оговорки, но, что всего удивительнѣе, черезъ нѣсколько страницъ, въ варіантѣ той-же самой пѣсни находимъ вполнѣ ясный смыслъ (стр. 267). Приводимъ самый текстъ:

«Сговорила меня мат
За поповича отдать:
Не-йду, не-йду, матушка,
Замужъ за поповича;

---

[1]) Русскія пѣсни, стр. 255.

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Съ требой ходитъ по ночамъ,
Не дастъ спать моимъ очамъ».

Тутъ уже вмѣсто нелѣпости: «стрѣлы водитъ по ночамъ», находимъ правильно: «съ требой ходитъ по ночамъ».—Возьмемъ другой примѣръ[1]). «Какъ всѣмъ *царямъ* давно сказано на войну идти, какъ всѣмъ *царямъ* по коню дали и какъ всѣ *цари* изъ войны пришли».—Какіе это цари, кто имъ приказываетъ, кто имъ даетъ коней? Очевидная нелѣпость всей этой пѣсни требовала отъ г. Шейна какого нибудь объясненія, но издатель напечаталъ ее, оставляя читателя въ безвыходномъ недоумѣніи. Въ одномъ сборникѣ южно-русскихъ пѣсенъ[2]),помѣщенъ, какъ намъ кажется первообразъ этой пѣсни:

«Ой заказано и загадано
Всимъ козаченькамъ у військо идти и т. д.

Въ южно-русскихъ памятникахъ даже офиціальнаго происхожденія слово *козаки* замѣняется нерѣдко другимъ, а именно *лыцари* (т. е. рыцари); по всей вѣроятности, въ какомъ нибудь варіантѣ этой пѣсни было «*лыцари*» вмѣсто *козаки*, а въ перегодѣ или передѣлкѣ на великорусское нарѣчіе мудреное словцо: *лыцари* замѣнено вполнѣ яснымъ (цари), но за то пѣсня потеряла всякій смыслъ.

Беремъ еще одинъ примѣръ изъ сборника г. Шейна:

«Тые пчёлки, уси святочки
Пирадъ Богомъ збиралися,
Збиралися, раховалися,
Которому святцу *перестаци*»[3]).

Слово: *перестаци* не имѣетъ тутъ никакого смысла, но изъ варіанта, приведеннаго далѣе (на стр. 95), заключаемъ, что здѣсь должно быть: *впередъ стать*, а не *перестаци*. Смыслъ пѣсни тотъ,

---

[1]) Русскія пѣсни, стр. 180.
[2]) Малороссійскія и червонорусскія думы и пѣсни. Спб. 1836 г., стр. 88.
[3]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 87.

что святые угодники у престола Божія завели споръ о старшинствѣ, кому изъ нихъ впереди стоять.

Мы не станемъ считать, сколько такихъ промаховъ въ сборникахъ г. Шейна. Для нашихъ соображеній достаточно и приведенныхъ образчиковъ. Нисколько не желая умалять заслуги почтеннаго издателя, мы думаемъ однако, что г. Шейнъ поторопился провозгласить новаго славянскаго бога и что въ этомъ наименованіи (Рай) скрывается одинъ изъ великихъ угодниковъ Божіихъ, чествуемыхъ не только въ Россіи, но и во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ малорусское слово *лыцари* подверглось передѣлкѣ и, потерявъ двѣ буквы, обратилось въ совершенно другое (цари), такъ и слово *Рай*, утративъ только одну букву, стало загадкою.

Переходя къ разбору тѣхъ основаній, на которыхъ держится наше толкованіе, признаемъ необходимымъ сперва привести изъ сборника г. Шейна краткое извлеченіе о томъ, гдѣ и какъ нашелъ онъ новаго бога [1]). «Въ Бѣлоруссіи, говоритъ г. Шейнъ, при введеніи христіанства, вся масса коснѣвшаго въ язычествѣ народа, весьма поверхностно затронутая его высокими истинами, для избѣжанія нареканій и преслѣдованій со стороны своихъ новыхъ духовныхъ пастырей, *ухитрилась* (?!) подвести свои старыя вѣрованія подъ новыя заглавія, пріурочивъ ихъ только къ святымъ угодникамъ непривычной, непонятной ей религіи. Вотъ почему изъ-подъ весьма неглубокаго, довольно зыбкаго наслоенія христіанскихъ понятій въ бѣлорусскомъ народномъ творчествѣ выглядываетъ цѣлый крѣпкій кряжъ языческихъ представленій. Богъ, Божія Матерь, апостолы, святые мученики и угодники Божіи, даже многія отвлеченныя понятія христіанской церкви облечены въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ плотью и кровью, имѣютъ опредѣленныя обязанности въ обработкѣ полей, въ хозяйственномъ благоустройствѣ и семейныхъ дѣлахъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ, г. Шейнъ приводитъ нѣсколько пѣсенъ, напримѣръ:

. . . . ѣхала карета
Малеваная, вызлочаная,

---

[1]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 513—524.

Кто-жъ въ той карецѣ? Сама Госпожа,
Сама Госпожа, Матка Божья и т. д.

Или:

Святый Юрья Боскій (т. е. Божій) ключникъ,
Да идзи у поле, да у чистое,
Одомкни землю, пусци росу,
Пусци росу на эту весну,
Да й мокраю, да й цеплаю,
На этотъ свѣтъ, на всякій цвѣтъ,
На людъ веселый, на урожай и т. д.

«Можно ли, говоритъ г. Шейнъ, послѣ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти олицетворенныя понятія суть ничто иное, какъ весьма яркое отраженіе языческихъ боговъ, замаскированныхъ подъ религіозными именами, освященными христіанскою церковью? Тутъ остается пока необъяснимымъ только то замѣчательное обстоятельство, какимъ образомъ спаслись отъ этого замаскированія и сохранились до нашихъ дней подъ собственнымъ своимъ именемъ такіе замѣчательные боги, какъ *Коледа* и *Купала*. Но въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, намъ приходится присоединить къ нимъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ общаго крушенія и уцѣлѣвшаго подъ собственною кличкою. Это богъ жатвы; имя ему *Рай*. Этотъ богъ, какъ видно, глубокой миѳической древности и является впервые на страницахъ нашего бѣлорусскаго сборника. Мы передаемъ новое миѳологическое открытіе, сдѣланное нами случайно, прибавляя отъ себя краткую исторію этого открытія. Въ 1869 году, многоуважаемый сотрудникъ нашъ, бывшій профессоръ витебской семинаріи Шимковичъ, доставилъ намъ двѣ тетради пѣсенъ, нарочно для насъ записанныхъ его братомъ священникомъ. Тамъ, между прочими, была пѣсня № 361 нашего сборника:

Хадзиу *Рай* по вулици,
Нихто *Раю* у хату ня просиць,
Просиць *Раю* Андрейка;
А прошу жъ *Раю* къ собѣ у хату и т. д.

Подъ этою пѣснею внизу была выноска: «*Рай*—богъ жатвы», безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій священника, ее написавшаго». Въ заключеніе г. *Шейнъ* говоритъ: изъ всѣхъ изложенныхъ *дан-*

ныхъ вытекаетъ слѣдующее: 1) упоминаемый въ пѣсняхъ *Рай несомнѣнно* есть названіе бога жатвы въ ея окончательномъ результатѣ; 2) атрибуты *Рая*: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи, спорышей и полевыхъ цвѣтовъ; 3) людямъ онъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей молодости; 4) его задача—сѣять прибыль, споръ, преуспѣяніе въ результатахъ земледѣлія; 5) существованіе бога *Рая* указываетъ на то, что были и другіе земледѣльческіе боги подъ своими собственными именами; 6) если *Гай* сохранился въ памяти поселянъ витебской и виленской губерній, то можно полагать, что онъ существуетъ и по нынѣ въ пограничныхъ губерніяхъ могилевской и минской и т. д.

Мы не станемъ подробно опровергать всего сказаннаго г. Шейномъ по поводу его новаго открытія; ограничимся самымъ существеннымъ. Г. Шейнъ говоритъ, будто бѣлорусскій народъ, спасаясь отъ преслѣдованій духовенства, *ухитрился* замаскировать свои языческія вѣрованія подъ покровомъ христіанскихъ именъ. Хитрости тутъ никакой не было. Въ Бѣлоруссіи повторилось то же явленіе, какое происходило вездѣ при введеніи христіанства. Языческія вѣрованія, преданія, обычаи, съ которыми народъ сжился въ теченіе многихъ вѣковъ, не могли исчезнуть сразу. Языческое міросозерцаніе, отвѣчавшее на всѣ вопросы неразвитаго сознанія, продолжало держаться по прежнему; отъ христіанства могло перейти только все внѣшнее, поверхностное: обряды, церемоніи, новыя имена. Вотъ отъ чего духовенство, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, жалуется у насъ на закоснѣлость языческихъ вѣрованій въ простомъ народѣ. Не станемъ также опровергать г. Шейна, полагающаго, что *Коледа* и *Купала* были языческіе боги. Это уже устарѣлое мнѣніе и теперь считаютъ ихъ названіями праздниковъ, а не боговъ. Переходимъ къ главному предмету, къ ново-открытому богу.

Соображая основанія г. Шейна и свойства бѣлорусскаго нарѣчія, мы считаемъ, что *Рай* не языческій богъ, а просто святой *Юрай*, т. е. *Юрій*, слишкомъ извѣстный вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ, не только въ Бѣлоруссіи. Намъ слѣдуетъ только разобрать, какъ могла случиться такая перемѣна въ имени. Г. Шейнъ пишетъ имя *Юрьря*, какъ произносятъ его грамотные бѣлоруссы, жители городовъ. Но въ такомъ начертаніи имени есть два рѣзкихъ уклоненія отъ господствующаго бѣлорусскаго нарѣчія. Во 1-хъ двойное *р* противурѣчитъ

не только бѣлорусскому говору, но и русскому языку, даже всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такія слова, какъ knarren, mürrisch, verwirren, которыя въ нѣмецкомъ языкѣ можно легко считать сотнями, поражаютъ всякого непривычнаго къ нимъ славянина. На вопросъ: есть-ли какое нибудь чисто русское слово съ двойнымъ *р*? мы рѣшительно отвѣчаемъ: нѣтъ ни одного [1]). Во 2-хъ есть еще тутъ важное нарушеніе, на этотъ разъ только одной излюбленной бѣлоруссами фонетики. Такія слова, какъ напримѣръ: порядокъ, заря, ряса, бѣлоруссъ передѣлываетъ по своему и говоритъ: порадокъ, зара, раса и т. п. [2]). Самъ г. Шейнъ въ своей книгѣ подтверждаетъ такое произношеніе. Такимъ образомъ въ результатѣ получается, что имя *Юрьря* совмѣщаетъ въ себѣ двѣ аномаліи, и если онѣ обѣ сохраняются упорно, то это слѣдуетъ приписать только городскому населенію, которое неизмѣнно затвердило такое странное произношеніе *Юрьря*. Но не то должно было произойти въ деревняхъ, гдѣ выговоръ не стѣсняется поправкою посторонняго (даже самого священника). Тутъ именно, вдали отъ большихъ центровъ, отъ городовъ, должна была прорваться и взять верхъ господствующая, обычная фонетика; тутъ и показалось то-же самое имя, только совсѣмъ въ другомъ видѣ; вмѣсто такого дикаго сочетанія, какъ *Юрьря*, должно было возникнуть: *Юрай*. Чтобы не подвергнуться нареканію въ измышленіи *Юрая*, мы укажемъ фактическія опоры нашего толкованія. Къ сожалѣнію мы не можемъ назвать ту мѣстность въ Бѣлоруссіи, гдѣ именно говорятъ *Юрай*. Въ именословѣ Морошкина показано имя *Юрай* у хорватовъ; но хорваты живутъ далеко отъ бѣлоруссовъ. Уменьшительныя бѣлорусскія: *Юрась*, *Юрка*, малорусское имя *Юра*, какъ-бы намекаютъ на существованіе искомаго нами полнаго имени. Въ одной *волынской* пѣснѣ, говоритъ Чубинскій [3]), отпираніе неба приписывается *Юраю:*

Та *Урай* матку киче:
Та подай, матко, ключи
Одимкнути небо, выпустити росу и т. д.

---

[1]) Г. Безсоновъ въ своемъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсенъ пишетъ это имя только съ однимъ *р* (Юрья).

[2]) Шейнъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 529.

[3]) Труды этнограф. экспедиціи въ юго-западный край, томъ III, стр. 30.

Какой-же это *Урай*, владѣющій ключами отъ неба и выпускающій росу на землю? Чубинскій этого не объяснилъ. Имя, правда, неслыханное, загадочное, но изъ народныхъ вѣрованій мы твердо и несомнѣнно знаемъ, кто отпираетъ небо и пускаетъ теплую росу, чтобы разогрѣть и распустить ледяную кору земли. Въ сборникѣ г. Шейна мы читаемъ:

А св. *Юръря*, возьми ключи золотые,
Отомкни поля, сыру землю,
Упусци, *Юръря*, цеплаю росу и т. д.

Если въ *волынской* губерніи Юрій называется *Урай*, то въ смежныхъ съ нею бѣлорусскихъ, по всей вѣроятности, гдѣ нибудь тотъ-же *Урай* воспѣвается съ легкою отмѣною, а именно: *Юрай*. Замѣна одной буквы (у и ю) другою не представляетъ ничего особеннаго; вѣдь *ю* тоже что *йу*. Въ Лаврентьевской лѣтописи встрѣчается тоже *Урій* вмѣсто *Юрій* [2]). Такимъ образомъ, изъ сопоставленія и сличенія пѣсенъ, мнимый языческій богъ *Рай* оказывается несомнѣнно *св. Юраемъ*, *Ураемъ*, т. е. *Юріемъ* (Юрьемъ) [3]). Въ устахъ безграмотнаго люда имена собственныя (людей, городовъ, рѣкъ и проч.) сплошь и рядомъ подвергаются разнообразнымъ искаженіямъ, разительнымъ доводомъ чему служатъ пѣсни, былины и вообще всѣ произведенія народнаго творчества. Такъ самое обыкновенное имя *Дмитрій* передѣлано бѣлоруссами до того, что его нельзя угадать: святой *Змицёръ*, Змицёръ, ёнъ на усе хицёръ, солоды солодзиць, пиво вариць, сыноу жаниць, дочекъ выдаваць и т. д.

Не трудно понять, что народъ по невѣжеству, суевѣрію и не развитости самъ не знаетъ, кто такой *Рай*: богъ-ли это, святой-ли

---

[1]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 95.

[2]) См. указатель къ лавр. списку, изданному Арх. Ком. 1872 г.

[3]) Превращенію имени *Юрай* въ *Рай* способствовало удареніе и мѣсто въ стихѣ. Съ перемѣщеніемъ ударенія на окончаніе и вслѣдствіе предшествующей гласной произошло ослабленіе *ю* и наконецъ утрата, такъ назыв. aphaeresis:

Хадзиу Юрай па вулици

или: Хадзи*у* Урай па вулици,

гдѣ сливаются два *у*. Прибавимъ еще: *Юра* есть сокращеніе, какъ Микола, Алекса и т. д. Полныя имена: Юрай, Николай, Алексѣй.

это *Юрій*, хотя несомнѣнно народъ самъ-же его и сочинилъ. Въ искаженномъ имени самъ священникъ не узналъ уже святого великомученика, и «*ничто-же сумняся*», провозгласилъ его богомъ языческимъ, а г. Шейнъ, повторивъ чужое голословное мнѣніе, отъ себя еще присочинилъ, что это богъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ глубокой миѳической древности, что это именно богъ жатвы въ ея *окончательномъ результатѣ*(!) и что навѣрно найдутся еще и другіе земледѣльческіе боги въ смежныхъ губерніяхъ и т. д.

Изъ всего сказаннаго можно съ полною увѣренностію признать существованіе имени *Юрай* и превращеніе его въ таинственнаго *Рая*. Но это не языческій богъ жатвы, а святой *Юрій*, который въ наивномъ вѣрованіи народа поставленъ на недосягаемую высоту. Юрьевъ день въ Бѣлоруссіи, по словамъ г. Шейна, считается вторымъ въ году праздникомъ послѣ Пасхи, важнѣе святокъ, Николина дня и проч. Впрочемъ и повсемѣстно въ Россіи, какъ и у всѣхъ славянскихъ народовъ, 23-го апрѣля празднуется торжественно, какъ день могучаго покровителя, рѣшающаго судьбу пахаря, благодѣтеля-охранителя домашняго скота, властелина дикихъ звѣрей (волковъ преимущественно; почему волкъ въ южныхъ губерніяхъ называется *Юровой собакой*); въ великорусскихъ народныхъ произведеніяхъ *св. Егорій* изображается устроителемъ свято-русской земли, установителемъ порядка природы, даже насадителемъ православной вѣры. У него единственно и есть за то три имени: Георгій, Егорій и Юрій. Извѣстная въ Малороссіи весенняя пѣсня *Воротарь*:

Воротарь, воротарь, отчини ворота!
А хто у воротъ кличе?

содержитъ аллегорію и прославляетъ, по всей вѣроятности, того же свят. Юрія, сразившаго лютаго змія (зиму) и тѣмъ спасшаго злосчастную дѣву (т. е. землю), обреченную чудовищу въ жертву. Онъ называется *Воротаремъ*, привратникомъ, потому что отворяетъ (отчиняетъ) ворота благодатному лѣту, сулящему обиліе земныхъ плодовъ, обезпечивающему самую жизнь хлѣбопашцевъ; поэтому же въ иныхъ мѣстахъ *Воротарь* величается *Володаремъ*, т. е. властелиномъ земли.

И такъ, въ заключительномъ выводѣ, *Рай* не языческій богъ, уцѣлѣвшій отъ сѣдой миѳической древности, а несомнѣнное созданіе христіанской миѳологіи самой новѣйшей формаціи, естественный плодъ того извѣстнаго двоевѣрія, на которое столько вѣковъ жаловалось у насъ духовенство. Мы говоримъ: *жаловалось*. Впрочемъ.... если хорошенько поискать, и теперь еще найдется, положимъ, не цѣлый крѣпкій кряжъ язычества, какъ выражается г. Шейнъ, все же тамъ и сямъ можно выслѣдить обломки. Вѣдь еще и теперь старые вѣковые дубы съ огромнымъ пролазомъ могутъ нашъ сельскій людъ ввести въ искушеніе и побудить къ посильнымъ приношеніямъ....

Д. Кравченко.

КЪ БІОГРАФІИ В. Н. ЗАБѢЛЫ.

Свѣдѣнія о жизни малорусскаго поэта В. Н. Забѣлы, помѣщенныя въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст. Н. Петрова, очень кратки и, на сколько намъ извѣстно, другихъ источниковъ, кромѣ указанныхъ въ книгѣ Петрова, не имѣется. Въ виду этого быть можетъ не лишены будутъ нѣкотораго интереса и тѣ отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя занесены въ мою записную книжку со словъ помѣщика черниговской губ. Г. Л.

Въ 1858 г. Г. Л., бывши студентомъ нѣжинскаго лицея, ѣхалъ изъ Нѣжина съ товарищемъ на каникулы домой и долженъ былъ перемѣнять почтовыхъ лошадей въ г. Борзнѣ. Почтовую станцію въ Борзнѣ содержалъ въ то время именно В. Н. Забѣла, о которомъ молодые люди слышали уже, какъ о малорусскомъ поэтѣ. Дѣло это было для него совсѣмъ не подходящее и ведено имъ крайне небрежно и неисправно, такъ что зачастую проѣзжающіе испытывали затрудненія въ лошадяхъ на борзенской станціи гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но въ подобныхъ случаяхъ всегда являлся на выручку хозяинъ. Веселый, радушный—онъ сразу располагалъ къ себѣ всякаго и не рѣдко бывали случаи, что проѣзжающій, накричавши сначала на станціоннаго смотрителя, оставался потомъ на нѣсколько дней гостемъ содержателя станціи и за тѣмъ разставался съ нимъ, какъ съ пріятелемъ. Тоже самое произошло и на этотъ разъ. Студенты не получили лошадей, но

любезный хозяинъ заставилъ ихъ на нѣкоторое время забыть и каникулы и предстоящее свиданіе съ родными. Извинившись за неисправность и успокоивъ обѣщаніемъ скораго отправленія, В. Н. предложилъ имъ угощеніе и въ короткое время такъ очаровалъ своихъ гостей, что они были въ полномъ его распоряженіи и отправились ночевать къ нему на хуторъ, отстоявшій въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ Борзны. В. Н., какъ справедливо говоритъ М. Глинка въ своихъ запискахъ, былъ необыкновенный мастеръ изображать въ лицахъ, зналъ массу анекдотовъ, прекрасно исполнялъ малорусскія пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары и съ неподражаемымъ юморомъ передавалъ сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Ко всему этому не затѣйливое, но обильное угощеніе, особенно по части выпивки—и время летѣло не замѣтно. Было уже за-полночь, какъ хозяинъ вдругъ засуетился. «Ото пакъ, дурный, сидимо тутъ, частуемось, розмовляемо, а й доси ще я не показувавъ вамъ жинки! Треба-жъ вамъ, панычи, познакомитись зъ моею жинкою».—Студенты были очень удивлены, видя вокругъ безпорядочную холостецкую обстановку, и стѣснялись дорожнымъ костюмомъ и лишне выпитою чаркою. «Ото ще що выгадали,—та моя жинка не така, якъ оти пани, вона проста людина и зъ дорогою душею привитае васъ. Ходимъ!» И съ этимъ словомъ хозяинъ повелъ своихъ гостей въ слѣдующую комнату. Видъ этой комнаты крайне удивилъ гостей; въ ней совершенно отсутствовала какая-бы то ни было мебель и только уголъ комнаты былъ завѣшенъ какою-то занавѣсью отъ потолка до низу. Сюда-то именно и направился хозяинъ, чѣмъ еще болѣе смутилъ гостей; но тутъ онъ быстро отдернулъ занавѣсъ и удивленнымъ взорамъ студентовъ представилась въ углу большая, ведеръ въ 30, бочка съ краномъ и висѣвшимъ на ней мѣднымъ корячкомъ.

«Оце, панове, моя жинка; якъ стане мени гирко на души, тутъ моя утиха и видрада». Удивленные гости должны были почествовать «жинку» и обязательно выпить съ хозяиномъ по корячку водки, которую хозяинъ натачивалъ изъ крана. Отсутствіе мебели въ комнатѣ хозяинъ объяснилъ тѣмъ, что удобнѣе всего сѣсть по запорожски «доли», поближе къ крану, то «на вищо-жъ та мебель»?

Покойный А. А. Котляревскій, лично знавшій В. Н., передавалъ г. Петрову, что «Забила бувъ великій недурень выпити», какъ это показываетъ и приведенный случай. Но не всегда такимъ былъ Забѣла. Правда, военная служба съ обыкновенными въ то время попойками значительно располагала къ этому, тѣмъ не менѣе Забѣла въ первое время по выходѣ въ отставку нисколько не выдѣлялся въ этомъ отношеніи изъ среды помѣщиковъ. Но онъ былъ очень несчастливъ въ семейной жизни. Со всѣмъ пыломъ страсти полюбилъ онъ дочь сосѣдняго помѣщика Бѣлозерскаго и повидимому пользовался сочувствіемъ. Судьбѣ однакожъ угодно было распорядиться иначе: предложеніе В. Н. почему-то не было принято и Бѣлозерская вскорѣ выдана была за другого. Эта неудача нанесла ему тяжкую сердечную рану: В. Н. затосковалъ и запилъ. Сначала онъ стѣснялся этимъ и потому, посѣщая знакомыхъ сосѣдей, пилъ у нихъ обыкновенно, какъ и прежде, но всегда возилъ съ собою «хлопця», который имѣлъ въ запасѣ нѣсколько бутылокъ водки и В. Н. тайкомъ отъ знакомыхъ, гдѣ нибудь въ сѣняхъ или въ саду, пользовался угощеніемъ изъ своего походнаго буфета. Скоро однакожъ это перестало быть тайной и В. Н. болѣе не стѣснялся уже пить, хотя въ гостяхъ и у себя при гостяхъ никогда не напивался до безобразія. Тутъ, конечно, много значила крѣпкая натура В. Н., но видна была и сдержанность, которая подсказывала ему извѣстныя границы. Благодаря этому, а главное—веселому его характеру и неистощимому юмору, В. Н., человѣкъ при всемъ томъ замѣчательно добрый, не переставалъ быть желаннымъ гостемъ у всѣхъ и всегда пользовался расположеніемъ своихъ знакомыхъ.

Случай доставилъ В. Н. близкое знакомство съ намѣстникомъ Царства Польскаго княземъ Паскевичемъ, во время проѣзда его чрезъ Борзну. Князь, какъ извѣстно, отличался нѣкоторою слабостью къ землякамъ или, какъ выражается Кулишъ, былъ малорусскій патріотъ «що до анекдотивъ, писень, борщу, вареныкивъ, та инныхъ украинськихъ ласощивъ» и потому неудивительно, что В. Н., этотъ чистокровный типъ добродушнаго юмориста малоросса, такъ понравился ему, что князь прогостилъ у него цѣлый день и пригласилъ его на службу къ себѣ. Чувствовалъ ли себя В. Н. не

въ силахъ совладѣть съ своею слабостью или по другимъ причинамъ, но только онъ отказался отъ этого предложенія. Тѣмъ не менѣе князь на прощаньи просилъ В. Н. обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возможна его помощь. Случай къ этому представился очень скоро и князь дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе. Въ Борзнѣ умеръ бѣдный и многосемейный чиновникъ, не оставивъ семейству никакихъ средствъ къ существованію. В. Н. принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ осиротѣлаго семейства, пріютилъ у себя вдову съ меньшими дѣтьми, а двухъ старшихъ сыновей отвезъ въ Варшаву и при содѣйствіи князя помѣстилъ ихъ на казенный счетъ въ учебныя заведенія. Впослѣдствіи ему удалось, также при содѣйствіи князя, выхлопотать пенсіонъ для вдовы чиновника и такимъ образомъ судьба цѣлаго семейства была обезпечена.

По характеру В. Н. былъ очень добродушный, незлобивый и спокойный человѣкъ. Любилъ онъ не рѣдко подшутить, съострить, изобразить кого, подмѣтивъ комическую сторону, разсказать о комъ забавный анекдотъ, но все это дѣлалось съ такимъ добродушіемъ, что никто на него не обижался, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ высказывался иногда какъ-бы съ выраженіемъ нѣкотораго неудовольствія, позволяя себѣ иногда дѣйствительно рѣзкія замѣчанія. Такъ напр. онъ не долюбливалъ бывшаго тогда въ большомъ ходу употребленія въ разговорѣ французскихъ фразъ или словъ и въ этихъ случаяхъ почти никогда не оставлялъ безъ остроты или «прикладки», часто очень забавной, не лишенной остроумія, а иногда и рѣзкой, въ родѣ того напр., что какая либо барышня скажетъ «merçi», а В. Н. на это: «мабуть у неи дома не вси», или что нибудь въ этомъ родѣ. Единственный человѣкъ, котораго дѣйствительно не любилъ В. Н.,—это былъ П. А. Кулишъ. Въ этомъ случаѣ впрочемъ имѣло значеніе авторское самолюбіе, какъ извѣстно, самое щекотливое изъ всѣхъ. П. А. Кулишъ въ статьѣ своей: «Взглядъ на малороссійскую словесность», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г., кн. 12, говоря вообще о малорусской литературѣ, высказался весьма неодобрительно о стихотвореніяхъ В. Н. въ альманахѣ «Ластивка». В. Н. написалъ на эго длинное бранное

посланіе въ стихахъ и тотчасъ же отослалъ его Кулишу. Въ свое время посланіе это, впрочемъ крайне грубое и совсѣмъ не остроумное, было очень распространено среди борзенской публики, но г. Л. помнитъ одинъ лишь слѣд. куплетъ:

Крути, верти свій розумъ
Изо всиеи праци,—
Не выкрутишъ бильше того,
Шо у мене въ . . . . .

В. Н. былъ не высокаго роста, плотный, съ большими усами и добрыми сѣрыми глазами; физіономія его носила столь явные слѣды усерднаго поклоненія Бахусу, что при первомъ взглядѣ каждый съ увѣренностью угадывалъ его слабость. Самъ В. Н. разсказывалъ бывшій съ нимъ забавный въ этомъ отношеніи случай. Однажды В. Н., проѣзжая какое-то незнакомое ему село, былъ сильно уставши, заѣхалъ днемъ къ какому-то крестьянину и заснулъ у него. Въ это время въ селѣ была у кого-то свадьба и по улицамъ ходила такъ называемая «перезва». В. Н. спитъ и ничего не слышитъ. Какъ вдругъ въ хату, гдѣ онъ спалъ, вваливается толпа съ пѣснями, музыкой и неизбѣжнымъ въ этомъ случаѣ «частованьемъ». В. Н. просыпается, поворачиваетъ голову, протираетъ глаза и удивленно со сна осматриваетъ шумную публику. Ему предлагаютъ выпить, но В. Н., какъ всегда на первое приглашеніе, отвѣчаетъ: «не пью»! Посмотрѣлъ на него одинъ крестьянинъ, покачалъ сомнительно головой.... «И щобъ така пыка та не пила!» сказалъ онъ къ общему удовольствію всей публики. «Наливай!» раздалось съ увѣренностью нѣсколько голосовъ и В. Н. блистательно оправдалъ эту увѣренность.

Стихотвореній В. Н. Забѣлы издано не много: три изъ нихъ напечатаны въ альманахѣ «Ластивка» 1841 г., два стихотворенія: «Гуде витеръ вельми въ поли» и «Не щебечи соловейко» изданы отдѣльно съ музыкой знаменитаго композитора М. Глинки и благодаря этому, а также особенной задушевности стиха, сдѣлались очень популярны въ Малороссіи; наконецъ одно стихотвореніе на-

печатано въ книгѣ Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія». Мотивъ почти всѣхъ лирическихъ стихотвореній В. Н Забѣлы—безнадежность любви и семейнаго счастія—несомнѣнно навѣянъ личнымъ горемъ поэта. Этимъ же по всей вѣроятности объясняется и то обстоятельство, что В. Н. такъ скупо дѣлился съ публикой своими произведѣніями. Но писалъ онъ вообще довольно много и мнѣ самому, года четыре назадъ, приходилось видѣть весьма объемистую тетрадь его стихотвореній, переписанныхъ имъ самимъ. Тетрадь эта была въ то время отослана въ Одессу, къ книгопродавцу В. Бѣлому, для напечатанія въ предполагавшемся малорусскомъ альманахѣ, но почему-то альманахъ тотъ не былъ изданъ и такимъ образомъ большая часть произведеній В. Н. остаются до сихъ поръ неизданными.

М. Комаровъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Е. П. ГРЕБЕНКИ.

Полнаго изданія всѣхъ малорусскихъ произведеній Е. П. Гребенки до сихъ поръ нѣтъ. Хотя онъ писалъ преимущественно по великорусски, но несомнѣнно, что и малорусскихъ его произведеній должно быть больше, чѣмъ сколько ихъ извѣстно въ печати. Такъ, недавно удалось мнѣ записать одно, неизданное до сихъ поръ. его стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Варена». Вотъ оно:

Давайте варену!
Хай весело буде,
Нехай погуляють
Хрещеніи люде.

—

Изъ насъ тихесенько кожный їсть,
Якъ тильки що обидъ почнеться;
А якъ хлыснуть по пъять, по шисть,—
Де въ Бога й ричь та набереться.

—

Балакають дуже,
Мовъ бжолы гудуть,
Выгадують штуки
И всячину гнуть.

Хто баляндрасы точить дивци,
Хто лае подушне, хто мирське,
Тамъ Опанасъ Грыцьковій жинци
На ухо каже щось таке;
А та червоніе, мовъ повная рожа,
И каже тихенько: «на що се похоже»?

—

На неи дивиться Андрій,
Та позирае все въ виконце
И думае винъ: колы-бъ мерщій
За гору заховалось сонце!

—

Въ виконце погляне,
На неи моргне,
А та усмихнеться,
Плечима здвигне....

—

Я маю думку вже таку,
Що лучче-бъ жить було на свити,
Якъ-бы обидать на швидку,
А потимъ до пивночи пити.
Давайте-жъ варену!
Хай весело буде,
Нехай погуляють
Хрещеніи люде.

Стихотвореніе это записано мною со словъ священника звенигородскаго уѣзда Л. К. Принадлежность его перу Е. П. Гребенки несомнѣнна. Л. К. въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ и знакомъ былъ со многими изъ малорусскаго кружка, между прочимъ съ А. Кузьмичемъ, извѣстнымъ авторомъ романовъ изъ малорусской исторіи, который однажды зашелъ къ нему прямо отъ Гребенки и принесъ это стихотвореніе, какъ только что написанное Гребенкою; впослѣдствіи Л. К. слышалъ также и отъ другихъ, что это стихотвореніе написано Гребенкой. Въ то время оно на столько понравилось Л. К., что и до сихъ поръ осталось въ его памяти.

М. Комаровъ.

СУДЬБА ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ, ЗАВЕДЕННОЙ ПРИ ПЕТРѢ І-МЪ ВЪ АХТЫРКѢ[1]).

Объ этой фабрикѣ въ «Дневныхъ запискахъ» генеральнаго подскарбія Якова Марковича, 17 марта 1727 года, написано: «Пріѣзжалъ къ намъ въ Ахтыркѣ государевого табачнаго завода досмотрщикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Павловъ, съ которымъ ѣздили до оного завода. Тамъ по избамъ многіе работники, изъ которыхъ одни папуши розбираютъ по листку и изъ листовъ коренци вынимаютъ; другіе тѣ листья въ долгія трубки катаютъ на желѣзныхъ прутьяхъ; третьи тѣ трубки въ столбики скручиваютъ, каковые рулями называютъ, и кропятъ оные отваромъ черносливъ съ прибавкою соли; четвертые изъ тѣхъ столбиковъ въ желѣзномъ прессѣ выдавливаютъ горькій сокъ, послѣдніе же таковые столбики рѣжутъ нарочно сдѣланными стальными сѣчками и въ картузы кладутъ. Столбики нарѣзанные по 4 и по полъ 5 фунта, а въ картузахъ по фунту. Табакомъ засѣваютъ *великія левады*, въ которыхъ помѣщается 50 десятинъ; а въ десятинѣ длины 60, а ширины 40 саженей. Работниковъ въ лѣто бываетъ до 500 человѣкъ и больше, собираютъ же табаку, буде урожай, до 7,000 пудъ, иногда меньше». Въ другомъ мѣстѣ, подъ 26 ч. мая 1725 г., авторъ «Записокъ», между прочимъ, отмѣтилъ: «...ѣхали мимо табачныя государевы левады, весьма большія, и мимо шуры превеликія, изрядно зъ пиленного дерева построенной...»

Въ такомъ положеніи находилась государева табачная фабрика въ первое время по смери ея учредителя; но вскорѣ о ней, какъ и о другихъ предначинаніяхъ заботливаго царя, забыли. Черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ Петра I, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тепловъ прислалъ изъ Петербурга опредѣленному съ властію губернаторскою въ слободско - украинскую губернію Щербинину слѣдующее письмо:

«Государь мой Евдокимъ Алексѣевичъ.

Ея имп. величество увѣдомиться соизволила, что еще при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра В. нѣкото-

---

[1]) Изъ дѣла бывшей харьков. губерн. канцеляріи „о посылкѣ въ Санктъ-петербургъ имѣющихся въ Ахтыркѣ табачныхъ инструментовъ“.

рыми чужеземцами заводима была табачная фабрика въ Ахтыркѣ, для которой и выписаны были разные инструменты, а особливо прессъ желѣзной и все, что къ оному принадлежитъ. Но какъ мастеръ тогдашней умеръ, а при томъ случилася кончина государева, то все предпріятіе осталося безъ дѣйствія, а между тѣмъ инструменты по нынѣ хранятся въ Ахтыркѣ, которые уповательно совсѣмъ перержавѣли. Того ради ея императорское величество высочайше мнѣ повелѣть соизволила къ вашему превосходительству отписать, чтобы помянутые инструменты и что къ онымъ принадлежитъ приказали собирать и съ надлежащею въ пути бережностію отправить въ С.-П.-бургъ по зимнемъ нынѣшнимъ еще пути, адресовавъ ихъ ко мнѣ, а сверхъ того и навѣдаться-бы изволили, были-ли въ Ахтыркѣ какіе табачные магазейны и ежели были, то какъ оныя уничтожились. Ея императорскому величеству донесены о томъ многія обстоятельства, что будто и табакъ того времени собранный въ ямахъ хранится, чему однакожъ вѣрить нельзя, а хотя и былъ, то надобно оному въ прахъ обратиться; потому что магазейновъ табачныхъ въ земляныхъ ямахъ имѣть невозможно; ежели же что подобное тому найдется въ Ахтыркѣ, то прошу при оной посылкѣ того табаку на пробу съ пудъ прислать и увѣдомить, сколько его найдено.

Февраля 6 дня
1766 года
С. Петербургъ.

Имѣю честь и проч.
Григорей Тепловъ.

Изъ производившейся по этому поводу переписки между инстанціями выяснилось, что кончина Петра В. не была причиной уничтоженія табачной фабрики въ Ахтыркѣ. Въ архивѣ бывшей ахтырской полковой канцеляріи ни указа объ открытіи фабрики, ни копій съ нея не отыскалось; была только росписка полковаго судьи Боярскаго въ полученіи указа 14 октября 1718 г., да контрактъ, заключенный въ томъ же году съ иностранцемъ мастеромъ, Жаномъ Андреемъ Жизи «о завожденіи первоначально табака». До 1733 г. фабрика находилась въ вѣдѣніи великороссійскихъ коммисаровъ, затѣмъ передана была ахтырскому полку въ *полковое содержаніе* и, по свидѣтельству опредѣленныхъ конторой

государственной комерцъ-комисіи смотрителей, для нея производился *самою малою частью посѣвъ табаку* по 1736 г., послѣ котораго, «за бывшими многотрудными военными канъектурами остановился». Прессы и инструменты потомъ хранились подъ надзоромъ ахтырской полковой канцеляріи и, по показанію бывшаго подмастерья фабрики, Михайла Пилевина, только одинъ прессъ, оказавшійся годнымъ, временно былъ употребляемъ бывшими тогда полковыми командирами и старшиной «партикулярно для издѣлки табаку». Выяснилось также, что на фабрикѣ были строенія. Изъ нихъ одинъ амбаръ, длиною въ 48 саж., перенесенъ былъ въ 1730 году внутрь города для склада армейскаго провіанта; 3 навѣса приказчикъ бывшаго откупщика той фабрики Маслова, Ѳедоръ Поршняковъ, «спалилъ», а другіе амбары и прочее строеніе «отъ долговременности вовся сгнило».

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что учредителемъ табачной фабрики въ Ахтыркѣ было правительство, но послѣ Петра 1-го, по крайней мѣрѣ *de facto*, настоящаго хозяина у нея не было. И фабрику, и левады, на которыхъ сѣялся табакъ, Марковичъ называетъ государевыми, т. е. казенными, не указывая точно, гдѣ именно онѣ находились. Переписка заставляетъ усумниться въ ихъ принадлежности казнѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ ея прямо говорится: «фабрика табачная въ г. Ахтыркѣ, где и табакъ сеянъ на занятыхъ тогда *обывательскихъ, а не на казенныхъ земляхъ*, коими и нынѣ обыватели владѣютъ».

При такомъ условіи, понятно, у ахтырскихъ обывателей не могло быть сочувствія къ табачной фабрикѣ; табакъ на мѣстѣ не имѣлъ сбыта: печатанныя публикаціи о покупкѣ его во всей Слободской Украинѣ не вызвали ни одного охотника.

Въ годъ переписки табакъ отыскался частію въ амбарѣ при мѣстномъ городскомъ цейхгаузѣ, частію во дворѣ сваленнымъ въ кучу, развалившимся и изгнившимъ до основанія, обратившимся въ «навозъ и мокроту». Примѣрно, тамъ его было пудовъ до ста, добыть же образца въ Петербургъ съ трудомъ удалось только по 10 фунтовъ рульнаго и крошенаго, да съ полпуда *тертаго*. Рука времени коснулась также прессовъ и прочихъ инструментовъ. Прессовъ было 2. Одинъ изъ нихъ оказался испорченнымъ и негоднымъ, почему и оставленъ въ Ахтыркѣ при городовомъ цейхгаузѣ; другой ахтырская

провинціальная канцелярія при описи препроводила въ Харьковъ съ нарочнымъ, помянутымъ выше подмастерьемъ, Михайломъ Пилевинымъ, который «умѣлъ разобрать и собрать пресъ».

Весной 1766 г., по случаю бездорожья, отправка преса съ инструментами къ Теплову въ Петербургъ не состоялась, и уже лѣтомъ повезли ихъ туда. Везли ихъ изъ Ахтырки до Харькова на фурманѣ, взятомъ изъ походной артилеріи бывшаго ахтырскаго казачьяго полка, и на 4 возахъ оставшихся послѣ упраздненнаго гусарскаго полка и сохранившихся при цейхгаузѣ. Отправка обошлась въ 1 руб. 83 коп.: куплено подъ возы и фурманъ пятеро саней за 1 руб. 20 к., рогожъ на увязку на 24 коп., вожжей на 25 коп., кульковъ на 4 коп., за ящикъ для табака мастеру 10 к.; лошади были почтовыя. Отъ Харькова до Петербурга на тѣхъ же подводахъ и повозкахъ везли ихъ 5 лошадей. Прогоновъ заплачено: отъ Харькова до Бѣлгорода за 76 верстъ, по 1 коп. съ лошади, 3 р. 80 к., отъ Бѣлгорода до Москвы за 602 в., по 3 коп. на 10 верстъ, 9 р. 2$^1/_2$ к., отъ Москвы до Новгорода за 542 в., по 1 деньгѣ на версту, 13 р. 55 коп., отъ Новгорода до Петербурга за 186 в., по 1 коп. на версту, 2 р. 30 к., а за весь путь 35 р. 68$^1/_2$ коп. Проводчиками были Пилевинъ и капралъ Иванъ Поповъ. Первому, какъ *безжалованному* человѣку, назначалось на кормъ и содержаніе по 2 руб. въ мѣсяцъ, а за 3 мѣсяца 6 руб., на путевые расходы обоимъ 7 руб. Имъ вмѣнялось въ обязанность, по пріѣздѣ въ г. Тулу, освѣдомиться, могутъ ли тамошніе мастера сдѣлать такіе же прессъ и инструменты и, если могутъ, какую цѣну за это возьмутъ? Объ этомъ же Щербининъ особымъ письмомъ просилъ и тульскаго воеводу Егора Скобельцына, который его увѣдомилъ, что первый въ Тулѣ машинный мастеръ Петръ Логиновъ Медвѣдевъ такіе же прессъ и инструменты можетъ сдѣлать чрезъ полгода за *послѣднюю цѣну* 400 руб.

13 сентября того же 1766 года прислалъ письмо Щербинину и Тепловъ. Онъ между прочимъ писалъ: «табачной пресъ съ принадлежащими ему частями нашелся не только не такимъ, каковъ мнѣ описанъ былъ отъ *князя Кантеміра*, но не стоитъ труда и кошту, который употребленъ на привозку его сюда... дерево сгнило и попорчено, а желѣзо все ржавчина съѣла, да и здѣланъ онъ совсѣмъ не такимъ образцомъ, каковы нынѣ при фабрикахъ употребляются».

Проводники Пилевинъ и Поповъ были отправлены обратно. Послѣдній привезъ съ собою росписку, подписанную регистраторомъ правительствующаго сената и удостовѣрявшую, что онъ, капраль харьковскаго гусарскаго полку, Ив. Поповъ, «хотя здѣсь (въ Петербургѣ) и продавалъ полубъ и три телѣги, но продать оныхъ не могъ, за все давали 80 и 90 к.» Ихъ поэтому Тепловъ распорядился оставить въ Петербургѣ.

Этимъ печальнымъ финаломъ и заканчивается судьба бывшей въ Ахтыркѣ табачной фабрики, прессъ для которой съ принадлежностями, по показанію подмастерья Пилевина, въ 1726 году, выписанъ былъ изъ Голландіи «для дѣлованія рульной табаки на галанскій маперъ». О цѣли выписки ихъ въ Петербургъ въ дѣлѣ, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія, не упоминается.

А. Твердохлѣбовъ.

ГЕТМАНЪ РАЗУМОВСКІЙ ВЪ НУЖДѢ.

Между дѣлами черниговскаго архива, находящимися въ настоящее время въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества, сохранилась копія ордера его ясневельможности, гетмана графа К. Г. Разумовскаго, слѣдующаго содержанія:

Въ генеральную войсковую канцелярію.

«Понеже настоящее гетманство и происходящія отъ онаго нужды, такоже и разніе издержки зъ домомъ моимъ, завели меня въ столь необычайные расходы, что я ни по какой мѣрѣ не могу отправиться за ея императорскимъ величествомъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, не уплативъ купцамъ и кредиторамъ моимъ; того ради чрезъ сіе приказываю прислать ко мнѣ всю наличную сумму изъ скарбу, каковаго бы она званія ни была, оставивъ только число толикое, которое бы доволно было на самонужнѣйшіе расходы канцелярскіе до будущей трети, и сіе учинить приказываю въ самой скорости, и канцеляриста посланнаго не больше, какъ двои сутки продержать, дабы его посылка меня удержать не могла въ Москвѣ, и по полученіи будущей трети всякую порознь сумму, которіе теперь взяты будутъ, положить въ свое мѣсто.—Въ Москвѣ, мая въ 6 день 1754 г.—Гетманъ графъ К. Разумовскій».

Требуемыя деньги указано было доставить чрезъ жандармскаго капитана Гавзена. По справкѣ въ канцеляріи малороссійскихъ сборовъ оказалось, что по счету, подписанному и утвержденному печатьми товарища сотни глуховской Ивана Мануты и мѣщанина Юрія Данилова, было на лице 6,631 р. 34½ к. Изъ нихъ гетману послано въ Москву 5,329 р. 43 к., а остальные 1301, 91½ к. отосланы въ черниговскій и стародубовскій полки для роздачи за провіантъ и фуражъ.

А. Т.

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ БРАТСТВЪ.

(Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда).

Время отъ времени, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ открываются все новые документы, указывающіе на повсюдное распространеніе въ южной Руси церковныхъ братствъ и ихъ огромное значеніе въ общественно-государственной жизни. Это была та широкая форма, въ которую отлилась и въ которой сосредоточилась вся общественная жизнь нашихъ предковъ съ ея многоразличными развѣтвленіями, для завѣдыванія и руководства которыми оказываются теперь недостаточными обширныя и дорого стоющія правительственныя учрежденія. Не говоря объ исключительной дѣятельности главнѣйшихъ братствъ, львовскаго, виленскаго, кіевскаго, луцкаго, могилевскаго и др., содержавшихъ высшія школы и типографіи, печатавшихъ церковно-богослужебныя, полемическія и учительныя книги, вліявшихъ на высшее церковное управленіе и ходъ внутренней политики, братства, разсѣянныя по мелкимъ мѣстечкамъ и селамъ, строили и содержали церкви, заботились объ ихъ украшеніи и благолѣпіи, о поддержаніи въ нихъ благолѣпнаго служенія и пѣнія, выбирали и содержали священника и причетниковъ, устраивали и содержали школы, больницы и богадѣльни, поддерживали обѣднѣвшихъ отъ войны, пожара и другихъ бѣдствій, давали пріютъ вдовамъ и сиротамъ, престарѣлымъ и странникамъ, хоронили умершихъ, примиряли тяжущихся, блюли за общественною нравственностію, устраивали обществен-

ные обѣды въ храмовые и поминальные дни и объединяли всѣхъ живущихъ въ приходѣ въ одну общественно-церковную семью.

Одно изъ такихъ братствъ, доселѣ совершенно неизвѣстное, существовало въ м. Срібномъ полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда. Мѣстечко Срібное колонизовалось въ обширнѣйшихъ заднѣпровскихъ владѣніяхъ извѣстнаго ненавистника козаковъ, ожесточеннаго противника Хмельницкаго, отступника отъ православія и народности русской, князя Іереміи Вишневецкаго. Сооруженіе здѣсь крестовоздвиженской церкви, при которой и существовало братство относится, вѣроятно, не къ первымъ годамъ поселенія, а къ тому времени, когда поселившіеся организовались въ правильную общину съ мѣстною владѣльческою и общественною властію, священникомъ и, б. м., какою либо временною церковью. Около 1640 г. приступлено къ сооруженію церкви во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Испросили благословеніе кіевскаго митрополита и дозволеніе владѣльца, устроили общественную складку, а когда церковь была окончена и освящена, рѣшили запись о семъ и самыя имена участвовавшихъ въ сооруженіи церкви внести для вѣчной памяти въ книгу животную, напрестольное евангеліе. Евангеліе съ этою записью хранилось въ новой срібнянской церкви еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а въ 1810 г. съ записи снята была точная копія, завѣренная глинскимъ земскимъ исправникомъ Григоріемъ Зарудньмъ. По уцѣлѣвшей копіи приводимъ эту запись, съ ея характернымъ, витіеватымъ и многословнымъ вступленіемъ.

«Благоволениемъ Бога Отца Вседержителя и споспѣшениемъ сопрестолнаго и единороднаго Сина его, Бога и Господа Іисуса Христа, и содѣйствиемъ пресвятого и животворящаго Духа, того единого божества и единого существа нераздѣлимия Тройцы, по благодати, яко о ней созданна биша въсяческая, яже на небеси и на земли, сего-же ради возсѣя лучъ свѣта въсемирнаго просвѣщенія во сердцахъ людскихъ, иже въ законѣ божественномъ воспитанниимъ благоразумне во благочестивой и непорочной истинно християнской вѣрѣ во всякомъ управлении по благовѣстию Христову, и по апостолскому ученню, и по святихъ отецъ преданию цвѣтуще со благочестиемъ совершенним, и молитвами пренепорочния Матере Владичицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, истинния и непостидния ходатайцы ко Симу тоя и Богу, и всѣхъ святихъ, иже отъ вѣка угодившихъ преславно, яко небо зъ звѣздами, вся божественния вещи, чини и устави украсившихъ, яже въ похвалу и честь Божию биваема.

По совѣту же и по благословенію Петра Могилы, милостью Божіею православного архиепископа, митрополита киевского, галицкого и всея Россіи, екзархи константинополского,

Повелѣніемъ же почтеннаго ксіонжа, его милости, Еремия Корибута Вишнивецкого, созданъ бистъ храмъ сей святъ въ мѣстѣ Срібномъ, въсемірное Воздвижение честного и животворящого Креста Господня, а поводомъ господина отца Георгія Созанского, на тотъ часъ бившего священника и за его старанъемъ, докладомъ же въсей громади и коншту, а меновите: Романъ Бѣлский, на тотъ часъ будучий войтъ, и Матяшъ Павловичъ, ктиторъ всей церкви, Василий Сапаловичъ бурмистръ и Лехно изъ синами, Иванъ Долинка и Семенъ Хажинецъ, Ерко Дейкунъ, которихъ всѣхъ мещанъ сребранскихъ изъ ихъ жонами и потомками имена естъ уписанни во книги животние, во святое евангелие, въ похвалу и честь и славу во Тройци славимому Богу и Пресвятѣй Богородицѣ и всѣмъ святимъ».

Къ половинѣ XVII в. духъ братской ассоціаціи такъ расгространился по всей южной Руси, братства были такимъ повсюднымъ учрежденіемъ, что мы не ошибемся, назвавъ эту запись первымъ братскимъ «уписомъ», а вписавшихся ядромъ братства, первыми его членами и дѣятелями. Такъ было и съ другими братствами, что прежде они, по общему духу времени и сознанной потребности, являлись на дѣлѣ и въ жизни, а потомъ уже получали уставъ и утвержденіе отъ высшей духовной, иногда же и доминіальной власти. Когда именно срібнянское братство получило формальную организацію и утвержденіе, остается неизвѣстнымъ; но въ сохранившейся въ копіи благословенной грамотѣ, данной ему въ 1689 г. кіевскимъ митрополитомъ Гедеономъ Святополкомъ Четвертинскимъ, оно названо «обрѣтающимся», изъ чего ясно, что оно существовало уже раньше сего времени. Грамота эта есть вмѣстѣ и уставъ, притомъ съ такими обширными поясненіями, съ такими подробностями отлившейся въ опредѣленныя формы дѣятельности и обрядности братствъ, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ уставовъ. Грамота обнимаетъ весь «чинъ» и ритуалъ братскій, какъ они выработались въ теченіи вѣковъ въ правобережной и лѣвобережной Малороссіи, съ братерскими обѣднями и обѣдами, ставниками и прочими особенностями, какія можно примѣтить въ остаткахъ уцѣлѣвшихъ доселѣ братствъ. Если въ ней не упоминается, какъ въ другихъ подобныхъ грамотахъ, о порядкѣ братскихъ засѣ-

даній и должностныхъ въ братствѣ лицахъ, то это служитъ новымъ указаніемъ на то, что срібнянское братство существовало раньше, имѣло опредѣленной строй, а быть можетъ и письменный уставъ, котораго дополненіемъ и разъясненіемъ является грамота 1689 г. Вспомнивъ наконецъ существовавшій въ братствахъ обычай, по которому братскія засѣданія начинались чтеніемъ уставовъ или благословенныхъ грамотъ, мы поймемъ ея наставительный тонъ, ея пространныя разъясненія происхожденія и значенія братствъ, ея стремленіе воплотить въ современномъ обществѣ идеалъ христіанской общины временъ апостольскихъ. Настоящую грамоту мы считаемъ важнѣйшимъ памятникомъ этого рода, и приводимъ текстъ ея во всей полнотѣ его, по уцѣлѣвшей копіи.

Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, милостію Божіею православный архіепископъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Малыя Россіи, епископъ луцкій и острожскій.

Правило преднаписующе брацтву церковному, при церкви новосооруженной, храму всемирного Воздвижения честнаго и животворящаго креста Господня, въ мѣстѣ Срѣбномъ, протопопіи прилуцкой, обрѣтающомуся, нуждно бити, мнится намъ, воспомянути начало временное, отъ негоже брацтва церковніи начаша бити, такожде и вину, еяже ради благоволися Духови святому и его служебникомъ, апостоломъ святимъ, да биваютъ брацтва церковніи.

Брацтво имать свое начало отъ времене проповѣди апостолской, силою Духа святаго въ проповѣди апостолской дѣйствующого; въ первомъ благовѣстіи Петра святого число вѣровавшихъ бѣ три тисячи, во второй тогожде святого апостола проповѣди пять тисячъ, колико же время дней протязашеся, толико число вѣрныхъ умножашеся; обаче во всѣмъ вѣрныхъ Христовихъ множествѣ, единомыслия и согласия ради, глаголетъ писание божественное, едино бѣ сердце и едина душа. Касиянъ же преподобный глаголетъ въ бесѣдахъ своихъ, въ книзѣ седмь бесѣдъ и иныхъ отцевъ, въ главѣ пятой: во времена проповѣди апостолской всея вселенния церкви толикое бысть общение вѣрнихъ Христовихъ, коликое едва нинѣ обрѣтается въ нѣкіихъ киновияхъ. Яко согласия и единомислия ради собранніи во имя Христово прилично тимъ словомъ именуются брацтво, самая словесе являетъ сила: многіе братия единоутробнія едину имуть матерь, такожде и собранніи во имя Христово едину мысль и едину волю добрую имѣти должни суть; но яко не довлѣетъ братиямъ имѣти любовь между собою, точию еще

же взискуется любовь ихъ ко матери, такожде и во имя Христово собраннимъ не довлѣетъ друголюбие, наче же вещи сила взискуетъ отъ нихъ любовь ко Богу и его церкви святой, да въ нихъ собивается сіе, еже поетъ церковь святая ко матери своей: аще кто имать любовь ко Господу, теплѣше любление должни оніи имѣти. Понеже вѣрніи Христови, Духомъ святимъ осѣненніи, вѣруютъ въ Бога въ Тройци святой, единого Отца и Сина и Духа святого, убо дѣла вѣрнихъ да согласуются, должни суть тройче сихъ имѣти добродѣтель, благочестно, непорочно и праведно живуще и они въ зерцало тричисленного правила всегда взирающе, дѣла своя, внутрняя и внѣшняя, по семъ тричисленномъ правилѣ должни суть управляти. Во первихъ Бога любити паче всѣхъ вожделѣннихъ, ближняго, яко себе самого, свое спасение паче отца и матере, колми паче богатства суетного. Бога како кто можетъ любити, апостолъ святий научаетъ: въ него-же Бога вѣруеши и тогожде заповѣди долженъ соблюдати. Сицевое Бога любленне приличное имать бити всякому вѣрному, брату же всякому церковному приличнѣйшое имать бити, яко себе на служение божественное, на вся дни жития своего, отдавшему, подъ клятвою принесенного и отданного доброю волею. Подобаетъ убо всякому брату церковному попечение имѣти о лѣпотѣ церковной, да и ее домъ божественній украшается. Сего ради въ кійждо мѣсяцъ (аще невозможно день неделний) брацтву собиратися въ едино мѣсто, въ собраніе же приходяще, приносити что отъ своего имѣния, по силѣ своей, должни суть, которое слаганіе не во ино что упражднятися, точию да иждивается или на ризи церковния, или на сосуди церковния, или на иния нѣкия нужды церковния; отъ тогожде слагания должни суть имѣти братия свѣщи братерские, которие маютъ вжигатися при чтении евангелія святого, при пренесеніи жертвъ предложения отъ жертовника на престолъ и въ иние времена при божественной литургіи, якоже есть обичай церкви. Должно убо есть брацтву имѣти домъ особній, или тимже слаганиемъ купленний, или отъ коего либо вѣрного парахіянина добродѣтелного наданій на сие святое дѣло, въ которомъ дому корчемница никако да биваетъ, почести ради брацтва церковнаго, ибо въ корчемницахъ пѣнія и лики нечестивия, бесѣди безстудния и недостойния бываютъ, дѣяния же християнину о церкви Божией воспоминати прилично въ дому избранномъ брацтвомъ. Братія же церковнии сошедшися имутъ бесѣди и совѣти душеспасителния, въ нихъ жеби Духъ святий благоволилъ, его же дѣйствомъ и силою братерство церковное биваетъ совокупленное; сего ради, сошедшимся братиямъ въ домъ братерский, долженъ всегда бивати священникъ парохиялний; таможде, прежде всѣхъ совѣтовъ о чину церковномъ би-

ваемихъ, имать священникъ наказаніе имѣти ко брацтву, наставляючи ихъ во страсѣ Господни, предлагати же силу званія брацкого, имже, аки и паки обѣтомъ своимъ клятвеннимъ, паче инихъ християнъ, на служение божественное обовязанніи, должни суть о своемъ спасеннии и умножении лѣпоти церковния пещися, наказание же сие имать бити отъ священника или отъ своего доброрѣчия, аще въ семъ дѣлѣ есть искусенъ, или отъ инихъ святихъ. Сицевимъ отъ имѣний своихъ отъ братерскихъ слаганій приносомъ, аще и малимъ, уподобляются братия церковная первобитнимъ правовѣрнимъ, иже имѣнія своя продаяху и цѣну проданихъ имѣній приношаху и предъ ногами апостолскими полагаху, такожде и симъ, о которихъ апостолъ Павелъ глаголеть: да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрихъ дѣлъ, не оставляюще церковнихъ собраній своихъ, якоже есть нѣкій обичай, но другъ друга подвизающе и толико паче молящеся, елико видите приближающійся день судний.

Братъ церковний кийждо, молящи Бога образомъ преднаписаннимъ, долженъ есть любити и ближняго своего, да не исполняются на немъ словеса апостолския: *любяй Бога, а брата своего ненавидяй, ложь есть*. Любовь ближняго въ семъ совершается: другъ друга не осуждати, паче же добрѣ о другу глаголати, аще же би и видѣлъ безчинно ходящого, любовне наказовати, безчиние же его предъ иними покривати. Златоустій же святий глаголеть: ни что же тако дружество творить и въ любви сохраняетъ, яко еже слово доброе о нѣкоемъ рещи. Найпаче же отъ слаганій братерскихъ должно есть брацтво церковное милостиню по нищимъ творити, на окупъ плѣнихъ подаяти, къ сему аще братъ нѣкій церковній попущениемъ непостижимихъ судебъ божественнихъ или отъ огня, или отъ воды, или отъ разграбителей чуждихъ имѣній станется убогъ и нищъ, такового брацтво церковное должно есть отъ слагания своего вспомогати, или дарующе, или въ заимъ дающе. Таковое же било брацтво первобитное церковное, о немъ же апостолъ Павелъ глаголетъ: благоволите Македония и Ахаія общение нѣкое сотворити ко нищимъ святимъ, сущимъ въ Іерусалимѣ (къ римлянамъ, глава 15). Присовокупляется ко любви ближняго еще и погребание мертвыхъ. Товия преподобній писаниемъ божественнимъ похваляется, между иними добродѣтели, добродѣтелию погребения. Тако о немъ глаголеть писание: *Товия на всякъ день хождаше по всему племени своему и утѣшаше ихъ, раздѣляше единому кождо ихъ, елико можаше отъ благъ своихъ, алчущихъ кормяще, нагимъ одѣяніе даяше и мертвимъ и закланнимъ погребение прилѣжно творяше*. Сего ради брацтво церковное, аще вписаній, брата должно есть честно со свѣщами и литіею къ погребенію препро-

вожати, колми паче нищихъ преставшихся тоеюжде честію погребати и отъ слагания своего братерского за преставшихся милостыню нищимъ даяти, такожде и на молитву священникомъ. Еднимъ словомъ: добродѣтели внѣшніе и внутрніе кійждо братъ церковній ко брату своему долженъ есть имѣти, а тихъ добродѣтелей седмь суть внѣшнихъ: алчущого накормити, жаждущого напоити, нагого приодѣти, странного въ домъ ввести, умершого погребти; седмь же добродѣтелей внутренних: безчинного наказати, неумѣетного научити, вотпливому порадити, за ближняго Господа Бога просити, смутного потѣшити, кривди скромне зносити, вини отпущати. Любовь ко себѣ ни въ чомъ иномъ обрѣтается, токмо въ опасномъ попечении своего спасенія, ибо яко (по словесемъ Псаломника) *любяй неправду, ненавидитъ свою душу*, тако любяй и творяй правду, свою душу любитъ; но понеже никто же безъ грѣха, токмо единъ Богъ, яко и святий Иванъ въ посланіи своемъ глаголетъ: *аще речемъ, яко грѣха не имами, себе прельщаемъ и истины нѣстъ въ насъ*, того ради аще всякъ вѣрній тайною святого покаянія во умиленіи сердечномъ, во вседушномъ обѣщаніи не возвращатися ко прежнимъ грѣхомъ, долженъ совѣсть свою очищати, по словеси того предреченного апостола: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи и очиститъ насъ отъ всякия неправди*, колми паче кійждо братъ церковній долженъ есть исповѣдатися единою въ кійждо мѣсяць и, по разсужденію своего отца духовного, божественнимъ тайномъ Тѣла и Крови Христовихъ причаститися.

Священникъ церкве, при ней же брацтво обрѣтается, долженъ есть нарочно литургію божественную кійждо мѣсяць имѣти, на ней же братия церковная возмогли би бити обещниками Тѣла и Крови Христовой, которая литургія имѣетъ ся нарицати братерская. Тогожде времени, по причастіи божественнихъ тайнъ, должни суть нищихъ кормити отъ слагания братерского, сами во трапезѣ нищимъ служаще, се же во память дѣлъ первобитнихъ братій церковнихъ, о нихже въ Дѣяніяхъ, во главѣ второй, глаголетъ писаніе божественное: *вси же вѣровавшіи бяху въ купѣ и имяху вся обща, и стяжанія, и имѣнія продаяху и раздаяще всѣмъ, егоже аще требоваше кто, по вся же дни терпяще, идяху единодушно во церковь и ломяще по домахъ хлѣби, приймаху пищу въ радости и во пространствіи сердца хваляще Бога и имуще благость ко всѣмъ людямъ*. Аще же нѣкихъ препятствій ради въ кійждо мѣсяць невозможно, поне у каждій постъ долженъ есть всяко кийждо братъ церковній тайнъ святихъ причастникомъ бити, даби моглъ зъ апостоломъ святимъ Иоаномъ глаголати: *Кровь Иисуса Христа Сина Божия очищаетъ насъ отъ всякого грѣха*, черезъ которую приобщение наш-

имамы со Отцемъ и со Синомъ Его Иисусъ Христомъ. Пренебрегаяй же братъ церковній такое правило отъ священика парохиялного и отъ протчіихъ братій да накажется, аще же по наказаніи не покается, да запретится и отъ общества братерского да отлучится и отъ числа братерского да випишется, не точию же въ семъ единомъ правилѣ, но и во всѣхъ правилахъ прочиихъ, яже суть преднаписании, аще бы въ соборъ не вхождалъ, или, входяще, что либо на собрание общему не принесъ, или о строеніи церковномъ небрегъ, ко братіямъ своимъ не бивъ любовенъ, ко нищимъ не бивъ милостивъ, тойже же казни да подлежитъ. Долженъ же еще всякъ братъ церковній, отходя въ путь которий любо, или куплю творити, или на бракъ, извѣстити священнику своему и старшому брату, братия же со священникомъ должни суть молебное творити пѣніе о благополучномъ его путешествіи и возвращеніи; дондеже возвратится, священникъ долженъ есть всегда молити о такомже путишествующого благополучіи. Къ сему должни суть братия церковная единою или двома отъ своихъ братій ксинодохонъ, сирѣчь шпиталь или больницу, въ день суботній посѣщати и о пхъ доволствѣ, аще пищи или инихъ нѣкоихъ нуждъ не лишаются, взискивати, ибо нужно братіи церковной попеченіе имѣти о нищихъ шпиталя своего братерского, даби сіи нужного питання ни въ чемъ не лишалися, долженъ же священиикъ парохиялний по коемуждо сохожденіи сия словеса апостола Павла ко братіи церковной вѣщати: *протчее же братия мои, елика суть истиннѣ, елика честнѣ, елика праведнѣ, елика пречестнѣ и елика прелюбезнѣ, и елика доброхвалнѣ, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сия помишляйте, яже и научитеся, и приясте, и слишасте, и видѣсте во святихъ Божиихъ, сия творите, и Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь.*

Извѣстнѣйшого же ради всѣмъ свидѣтелства сию нащу благословенную грамоту, по желанію вишереченного брацтва, рукою власною, при печати нашей катедралной, ствержаемъ въ катедрѣ нашей святия Софіи митрополитанской киевской, въ лѣто отъ создания міра 7197, отъ воплощения Бога Елова 1689, мѣсяца септемврия 11 дня.

Къ симъ же ясне предлагаемъ, яко и домъ братерскій отъ всякихъ наездовъ, становискъ и повинностей меских воленъ да имать бити.—Аминь.

Сдѣланное въ послѣднихъ строкахъ добавленіе къ грамотѣ представляетъ собою не постановленіе или распоряженіе митрополита, а только его желаніе, объ осуществленіи котораго братство должно было позаботиться, исходатайствовавъ, чье слѣдуетъ, повелѣніе.

Кромѣ приведенной грамоты сохранилась также форма присяги, которую приносили вступавшіе въ составъ членовъ срібнянскаго братства. Если возьмемъ во вниманіе господствовавшій у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ церковно-религіозный духъ, проникавшій во всѣ стороны и проявленія общественной, семейной и частной жизни, и то великое значеніе, какимъ пользовалась тогда присяга, то мы поймемъ живучесть и силу братскихъ учрежденій и оцѣнимъ по достоинству ту чрезвычайную всестороннюю ломку гражданско-общественнаго, церковнаго и экономическаго строя мѣстной жизни, какая наступила со второй половины XVIII ст. и сокрушила эти вѣковыя, въ высшей степени важныя и благодѣтельныя учрежденія. Приводимъ и самую присягу, какъ характерный памятникъ давно минувшей жизни.

Я (имя рекъ), приобщающій христолюбивому брацтву сему, спасения ради моего, предъ иконою распятого Христа Искупителя моего и евангелиемъ святимъ обѣцую правиломъ въ Богу преосвященного, его милости, господина отца митрополита кіевского, галицкого и всея малыя Россіи Гедеона, архипастира моего, брацтву сему наданнымъ, повиноватися, стараючися о сохранение древного чину церковного, о помноженіе украшенія церковного, обѣцую подлугъ силы моеи за кождою сходкою до скринки братерскои отъ маетку моего що прикладати, до сходки, за ознайменнемъ старшого брата, бивати, любовь къ Богу, ближнему и себѣ самому по преднаписаннимъ правиламъ имѣти. Такъ ми Боже, на крестѣ Распятий, поможи в симъ святимъ евангелію.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1725 Г.

«Братерскіе» дома были необходимою принадлежностію старинныхъ южно-русскихъ братствъ и устанавливались не только потребностію и обычаемъ, но иногда и самыми уставами. Въ нихъ отбывались нарочитыя и экстренныя сходки, обсуждались и рѣшались братскія дѣла, сдавались счеты, творился судъ, дѣлались взносы и пожертвованія—все во славу Божію, на украшеніе храма, на дѣла любви и милосердія. Братскія собранія начинались и оканчивались молитвою, прочитывался затѣмъ уставъ, полный назиданія и наставленія, иногда-жъ священникъ нарочито поучалъ собравшуюся бра-

тію своимъ или свято-отеческимъ словомъ. И если бы о жизни старинныхъ нашихъ братствъ судить только по этимъ даннымъ,—по ихъ уставамъ и записямъ, то можно было-бы подумать, что братскія сходки были какія то ангельскія собранія, гдѣ виталъ духъ Божій, царили миръ и любовь, говорилось только о божественномъ, о грѣхахъ и спасеніи души.

Но люди всегда были людьми, и не подлежитъ сомнѣнію, что набожные предки наши, воздавая въ своихъ собраніяхъ Божія Богови, воздавали потомъ и Кесарева Кесареви, какъ выражается нашъ поэтъ въ своей повѣсти «Наймичкѣ» о богобоязненномъ селянинѣ Якимѣ Гирлѣ и гостившемъ у него, по поводу начатія ученія Марка, причтѣ церковномъ. Дѣло въ томъ, что въ «братерскихъ» же домахъ отбывались и «братерскіе» обѣды—въ дни поминальные, въ великіе и особливо въ храмовые праздники, обѣды же братерскіе, по привычкамъ стараго времени, не обходились безъ значительнаго употребленія ганнусковой и другихъ горѣлокъ, къ которымъ въ храмовые праздники присоединялся нарочито изготовлявшійся, по королевскимъ даже привилегіямъ, для общественнаго употребленія и въ доходъ церкви, хмѣльный медъ. Самые праздники храмовые отбывались нѣсколько дней и подраздѣлялись на предпразднество, собственно празднество и попразднество. Понятно, что въ такіе дни братскія сходки теряли уже свой апостольски-храстіанскій характеръ и становились обыкновенными людскими собраніями, гдѣ люди выступали съ своими житейскими привычками и страстями, съ своими личными счетами и дѣлами, а подъ вліяніемъ горѣлки и меду, въ шумной бесѣдѣ, выступали привычная спѣсь, затаенная вражда и пр. и происходили сцены совсѣмъ не «братскаго» свойства.

Одну изъ такихъ сценъ, въ высокой степени характерную, сохранилъ случайно попавшій къ намъ отдѣльный документъ изъ одного стараго фамильнаго архива. Это домашняя запись городнянскаго попа, Якова Власѣева, о нанесенной ему отъ сотника м. Старыхъ Санжаровъ въ «братерскомъ» домѣ, на «братерской учтѣ», обидѣ. Запись эта сдѣлана для составленія формальной жалобы на сотника и представляетъ черновой ея набросокъ, отъ того она кратка и передаетъ лишь сущность произшедшей между попомъ и сотникомъ ссоры. Дѣло происходило въ Черниговщинѣ,—въ самыхъ ли Санжарахъ, или въ приходѣ попа Якова—неизвѣстно. 1725 года

праздновался тамъ праздникъ Преображенія Господня, а на другой день отбывалось попразднество. Распорядители братства устроили въ братерскомъ домѣ «учту» и пригласили на нее и пана сотника. Но между имъ и священникомъ Якововъ были какіе-то прежніе счеты. Сотникъ сидѣлъ надутый и когда священникъ, какъ старшій, сталъ угощать его водкою, онъ не взялъ рюмки изъ рукъ его. Священникъ замѣтилъ ему о его высокомѣріи, а сотникъ отвѣтилъ, что онъ не выборный, какъ другой, а назначенный отъ самаго государя Петра В. Священникъ добавилъ, что и самъ онъ видѣлъ государя и цѣловалъ его руку; но это привело въ ярость сотника и онъ поносно избранилъ священника, порывался даже бить его. Священникъ рѣшилъ жаловаться и для памяти записалъ про себя въ главныхъ чертахъ свою обиду, умолчавъ, какъ видно, о многомъ, что было между имъ и сотникомъ и даже о томъ, чѣмъ кончилась тогда ихъ ссора.

Приводимъ эту запись въ подлинномъ ея видѣ.

Року 1725, августа 7 числа

Про память запись и во извѣщеніе своего духовного чина. Начальствующимъ властямъ доношеніе на пана сотника Спафарія Старосанжаровского таковое. Ижъ подъ часъ праздника Преображенія Господня, во утрій день, ктитори тоей церкви Леско Меланченко и Носко Парасченко отримовавши на попразднество людей у домъ братерскій, яко и панъ сотникъ на тую учту изважилися прибути. По прошенію ихъ и я сталъ подносити ему, пану сотниковѣ, чарку водки, честь воздаючи, яко властителю городовому. А оний панъ сотникъ не изволился приняти отъ мене той чести. И я сталъ говорити: «Богъ тебе, пане сотнику, знаетъ, съ кимъ ты хочешъ жити, что не ласка твоя до насъ и говорити». Про что оний отказалъ такую рѣчъ: «полно васъ усѣхъ! Я имѣю не отъ васъ сотництво оное, отъ самого государя». Теды и я сталъ оному говорити: «также и мы не чіи, пане сотнику, але государевы, и нетолко мы, але и отци наши служать, дѣды и прадѣды служили Господу и пресвѣтлѣйшому монарху нашему, яко и я сподобился видѣти лице пресвѣтлѣйшого монарха и въ руку честную его лобызати, яко и присягалъ съ козаками, на тотъ часъ будучому сотникомъ Михайло Карпенко, Стефанъ Велычка, Яковченко и протчіими стоварищи въ городѣ Лебединѣ». И оний панъ сотникъ изо всей ярости почалъ злословити мене таковыми славами, примаючися страстно бити: «ти сукинъ синъ, попе! та чортъ тебе становилъ

на попы, чи що, а не архиерей. И ти государя не у руку циловалъ, развѣ хиба у .... » Я сталъ говорити оному: «такъ ти, пане сотнику, перше хвалился еси монаршою ласкою, а теперъ не признаешъ; чого тобѣ отнюдь не надлежитъ—сей срамной и ужасной рѣчи глаголати. Новидимъ, что тебѣ за сіе слово буде! А ты за своего пресвѣтлѣйшого монарха, императора Петра великого, не точію Господа Бога молити, але и живот свой скончати у вѣрной службѣ (повиненъ)».

Іаковъ Власѣевъ, попъ Городвинскій.

Сообщ. **В. А.**

КЪ ПОРТРЕТУ ИЛІИ ѲЕДОРОВИЧА НОВИЦКАГО.

Илія Ѳедоровичъ Новицкій, хотя жилъ и дѣйствовалъ въ самую бурную эпоху политической жизни Малороссіи, не принадлежитъ однако къ числу выдающихся политическихъ ея дѣятелей и имя его едва извѣстно въ исторіи; тѣмъ не менѣе продолжительная, свыше двадцати пяти лѣтняя служба его въ высокомъ званіи полковника, первоначальное исключительное служебное его положеніе, особая близость его къ тремъ послѣдовательно смѣнившимъ другъ друга гетманамъ, исполненіе важнѣйшихъ ихъ порученій и участіе въ длинномъ рядѣ походовъ и сраженій даютъ ему право на вниманіе потомства. Онъ не былъ полковникомъ одного изъ тѣхъ двадцати двухъ или трехъ полковъ, которые учреждены при Хмельницкомъ, въ смыслѣ населенныхъ территоріальныхъ единицъ, въ которыхъ вся власть по всѣмъ сторонамъ управленія, военнаго, административнаго, судебнаго и экономическаго, принадлежала полковнику, съ правомъ даже пожалованій; но съ тѣхъ поръ, какъ имя его становится извѣстнымъ въ исторіи и до конца своей службы, начальствовалъ надъ однимъ изъ тѣхъ, такъ сказать, сверхъ-комплетныхъ полковъ, которые составлялись не изъ людей обязанныхъ военною службою, т. е. осѣдлыхъ козаковъ, но изъ лицъ другихъ классовъ, людей вольныхъ, *охочихъ*, несшихъ службу на коняхъ, по старинному *комоняхъ*, откуда и названіе ихъ *комонниками* и *охочекомонниками*, иначе *компанейцами*, или дружинниками, а самаго полка *охочекомоннымъ*, *компанейскимъ*, *компанѣею*, или дружиною.

Полки охочекомонные появляются въ эпоху великой сумятицы, наступившей по смерти Хмельницкаго, и были вызваны крайнимъ

напряженіемъ военныхъ силъ страны, вслѣдствіе обозначившихся въ ней различныхъ политическихъ теченій, появленія нѣсколькихъ претенденговъ на гетманскую булаву и нѣсколькихъ гетмановъ одновременно. Различіе въ положеніи и значеніи поселенныхъ полковъ отъ полковъ компанейскихъ дѣлало различіе въ положеніи и роли ихъ полковниковъ. Въ то время, какъ полковникъ переяславскаго или инаго полка выступалъ самъ въ роли представителя того или инаго политическаго движенія и тѣмъ пріобрѣталъ выдающуюся роль, такое или иное мѣсто въ исторіи, полковникъ охочекомонный только служилъ представителю извѣстнаго направленія, отъ чего дѣятельность и значеніе его въ исторіи стушевываются и закрываются ролью его принципала. Было и другое отличіе въ положеніи обыкновенныхъ и компанѣйскихъ полковниковъ: тогда какъ первые съ представляемымъ ими населеніемъ, съ своею личною широкою властію и съ широкими прерогативами полковой рады, служили ограниченіемъ гетманской власти, послѣдніе во всемъ зависѣли отъ гетмана; они не были избираемы, или смѣняемы по общему порядку, но назначались гетманомъ, состояли при «боку» его и находились въ непосредственномъ его распоряженіи. Въ свою очередь и командуемые ими полки не были прикрѣплены къ извѣстной территоріи и не питались отъ нея, но содержались на счетъ всей страны и передвигались съ мѣста на мѣсто, по требованію военныхъ обстоятельствъ и по усмотрѣнію гетмана.

Такимъ образомъ самый родъ службы Иліи Ѳедоровича ставилъ его въ роль второстепенную, зависимую и не выдвигалъ его изъ ряда другихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживая его отъ скользкаго политическаго поприща, онъ помогъ ему сохранить свое почетное положеніе въ теченіе такого длиннаго промежутка времени, какой не выпадалъ на долю ни какого другаго полковника. Этому весьма много способствовали его природныя наклонности и политическій складъ мыслей. Съ характеромъ ровнымъ, спокойнымъ, съ умомъ яснымъ, практическимъ, Илія Ѳедоровичъ не былъ сторонникомъ ни Польши, ни Москвы, но только твердаго порядка, и держался потому сильнѣйшей стороны и ея адепта, не жалѣлъ о его паденіи, скоро осваивался съ новымъ представителемъ власти и такъ же усердно и ревностно служилъ ему, какъ и его противнику. Возвысившись въ служебномъ положеніи еще въ гетманствѣ Брюховец-

каго, онъ занялъ исключительное положеніе охранителя политическаго спокойствія края при Многогрѣшномъ, удержалъ свой постъ и самый полкъ отъ уничтоженія при Самойловичѣ, пользовался вниманіемъ и милостями послѣдняго, былъ правой рукой и близкимъ совѣтникомъ Мазепы, выдалъ даже дочь свою за его племянника и также тихо сошелъ съ историческаго поприща, какъ и возвысился до него.

Первоначальная служебная роль И. Ѳ. Новицкаго была исключительная и носила чисто политическій характеръ. Послѣ низложенія и убійства Брюховецкаго чернью, возмутившеюся противъ призванныхъ имъ московскихъ воеводъ, Малороссія пришла въ неописанное броженіе: сторонники союза съ Москвою чувствовали всю не твердость своего положенія; еще болѣе опасалась за свое владычество надъ присоединенною Украйною Москва. Она видѣла, что позади не твердыхъ въ своихъ политическихъ симпатіяхъ козаковъ и ихъ старшины стоитъ еще грозная народная сила, разные «пахатніе мужики, бутники, винокуренники» и т. п., и потому, при избраніи гетмана на радѣ въ Глуховѣ 3 марта 1669 г., царскіе послы потребовали, что-бы былъ учрежденъ особый конный полкъ въ тысячу человѣкъ, на обязанности котораго было бы подслушивать «всякіе ссорніе и смутніе слова, подмѣчать всякіе шатости и измѣны» и виновныхъ въ нихъ преслѣдовать и казнить по мѣстнымъ обычаямъ и правамъ. Учрежденіе этого полка вошло въ договорныя статьи, а командованіе имъ ввѣрено Ильѣ Ѳедоровичу Новицкому. По самому существу своему новоучрежденный полкъ былъ прототипомъ тайной канцеляріи и жандармеріи послѣдующихъ временъ и какъ самъ онъ, такъ и его командиръ не могли пользоваться народными симпатіями; преслѣдованія и кары за политическія мнѣнія и допускавшіяся при этомъ въ широкой мѣрѣ и грубой формѣ насилія и злоупотребленія въ такой степени озлобили всѣхъ, что не прошло и трехъ лѣтъ со времени учрежденія полка, какъ уже вся войсковая старшина, при избраніи новаго гетмана и уложеніи новыхъ договорныхъ статей, потребовала уничтоженія «кумпанѣи Новицкаго», причинявшей малороссійскимъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ одно разореніе и обиды. Мудрое изобрѣтеніе было отмѣнено новымъ договоромъ, самый же полкъ не былъ уничтоженъ; вскорѣ онъ увеличенъ въ своемъ составѣ «серденятами» Дорошенка и ря-

домъ съ нимъ явилось нѣсколько другихъ «охочихъ» полковъ. Новый гетманъ самъ нуждался для поддержанія собственнаго положенія въ такихъ военныхъ силахъ, которыя находились-бы въ его непосредственномъ распоряженіи.

Новицкій лишь на нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ предназначенный къ упраздненію полкъ и принялъ должность коменданта димерскаго замка, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ; въ томъ же 1772 году, по приглашенію Самойловича, онъ снова вернулся на прежнее мѣсто и не оставлялъ его до конца своей службы и жизни.

Въ теченіи слѣдующихъ двадцати трехъ лѣтъ не было ни одного внутренняго замѣшательства, ни одного внѣшняго столкновенія, въ усмиреніи или отраженіи котораго не участвовалъ-бы Новицкій. Онъ шелъ всегда въ первую голову, иногда въ команду его поручалось нѣсколько полковъ, а подъ конецъ службы, въ 1696 г., онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ пограничныхъ городовъ и селъ со стороны татаръ. Отсылая за подробностями его военныхъ подвиговъ къ историко-біографическому его очерку, помѣщенному въ іюльской книжкѣ «Кіев. Старины» за минувшій годъ, мы скажемъ коротко, что послѣ даннаго Новицкимъ въ 1774 г. сильнаго отпора татарамъ, при чемъ имъ получено нѣсколько ранъ, онъ участвовалъ въ движеніи подъ Чигиринъ противъ Дорошенка и доставилъ царю взятые у него клейноды, ходилъ въ походъ къ тому же Чигирину для снятія турецкой осады и принималъ участіе въ разбитіи Капланъ-паши, въ 1688 г. совершилъ походъ къ Очакову для истребленія татарскихъ загоновъ и наконецъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Кизикирменя въ 1695 г. Но главная служба Новицкаго была внутренняя; его спеціальностію было развѣдываніе, наблюденіе, соображеніе, донесеніе, предупрежденіе, вообще все то, къ чему предназначенъ былъ первоначально его полкъ и самъ онъ. То и дѣло поручается ему развѣдываніе о движеніяхъ турокъ и татаръ, наблюденіе за ихъ силами, отраженія ихъ набѣговъ, защиты наиболѣе угрожаемыхъ пунктовъ; два раза слѣдитъ онъ за переселеніемъ народа съ правой стороны Днѣпра на лѣвый и обратно, сопровождаетъ ханскихъ и царскихъ посланцевъ, тайно наблюдаетъ за положеніемъ дѣлъ въ стародубскомъ полку во время измѣны Рославца, слѣдитъ и дѣйствуетъ противъ Хмельниченка и Яненченка, выслѣживаетъ Петрика и парали-

зуетъ его замыслы, блюдетъ спокойствіе во время отлучки Мазепы въ Москву и во всѣхъ случаяхъ дѣйствуетъ съ такою энергіею и успѣхомъ, что вызываетъ постоянныя похвалы и щедрыя награды себѣ и своему полку. Онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ гетманомъ, особливо съ Мазепою, то и дѣло доноситъ, сообщаетъ, совѣтуетъ, представляетъ планы и проэкты и получаетъ отъ гетмана всякія новости, одобренія и благодарность. Словомъ: изъ всѣхъ полковниковъ того времени это человѣкъ самый близкій къ гетманскому регименту, но вмѣстѣ и самый дѣятельный, исполнительный и полезный ему.

Не входя въ оцѣнку политическаго направленія Новицкаго, по недостатку полныхъ для того данныхъ, не касаясь и довольно извѣстнаго характера его дѣятельности, нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ его напряженнымъ и многолѣтнимъ трудамъ, направленнымъ къ поддержанію порядка и спокойствія въ краѣ, равно къ боевымъ его подвигамъ и многолѣтней военной опытности. Тѣ и другія въ свое время были по достоинству оцѣнены и награждены пожалованіемъ ему богатыхъ маетностей, число которыхъ доходило до десяти.

Ни время, ни мѣсто рожденія, какъ равно и смерти Новицкаго, неизвѣстны; выступаетъ онъ на поприще исторіи въ 1669 г., сходитъ съ него около 1700 г.

По духу своего времени Илья Ѳедоровичъ былъ набожнымъ человѣкомъ, состоялъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ духовными лицами и благодѣтельствовалъ монастырямъ. Отъ двухъ браковъ его у него были три сына и одна дочь, бывшая въ замужествѣ за племянникомъ Мазепы Трощинскимъ. Сынъ отъ перваго брака, Григорій, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, былъ сосланъ въ Сибирь и кончилъ тамъ жизнь, оставивъ по себѣ любопытныя записки объ остякахъ. Два сына его отъ 2-го брака уцѣлѣли отъ бури, вызванной измѣною Мазепы, и сохранили за собою богатыя имѣнія ихъ отца. Отдаленные потомки ихъ живутъ и доселѣ въ Полтавщинѣ, а потомство Григорія населяетъ собою село Шаркавинское, близъ Березова.

Прилагаемый при семъ портретъ Иліи Ѳедоровича снятъ съ современнаго оригинала, хранящагося въ его родѣ и обязательно сообщеннаго редакціи В. В. Новицкимъ.

ляріи о попонахъ до дворцовой конюшнѣ съ писмомъ отослано для отправленія по почтѣ изъ сената. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у г. Горчакова, у которого крестили дочь Анну. Воспріемниками были гвардіи измайловского полку маіоръ Василій Алесандровичъ Нащокинъ и жена прокурора Николева, Мавра Аѳанасіева дочь. Въ той-же компаніи были оберъ-секретарь военной коллегіи Авраамъ Артеміевичъ Навроцкій съ женою, маіоръ Андрей Івановичъ Карташевъ съ женою, Алексій Даниловичъ Шеншинъ, полковникъ Божичъ и полковникъ Грузинскій, да брегадиръ Аксаковъ и жена секретаря Новоторжцова.

10. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ поздравляли его высочество, великаго князя рожденіемъ и у обоихъ іхъ высочествъ у ручки были, а по обѣдни были у графа. Послѣ полдня знову были въ дворцѣ во время бала и даже до начатія вечери, а во всемъ городѣ ради сего празденства иллюминація была.

11. Рано были съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, потомъ въ дворцѣ, а оттуду едучи къ квартерѣ, встрѣтились перво съ графомъ, потомъ и съ государинею. а обѣдали у себе, купно съ полковникомъ Божичемъ. За переправленье книжки Целляріева лексикона и на прочее 30 к. Вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у переводчика Даниленского, а отъ него приехавши, захоровалъ на коліку.

12. Весь день пролежалъ ради той-же болѣзни. За бумажный платокъ 37 к., Леску и Івану Рудому за рубашки 70 к. Сватба Теплова.

13. Для Скоропадского куплено вина шампанского 12 бутилокъ, дано за оное 14 р. 40 к. Вечеромъ съ Гудовичемъ были у архимандрита рожественского владимірского Платона Петрункевича.

14. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, токмо графа не видали, а послѣ весь день въ домѣ пробыли и запустъ имѣли самы.

15. Куплено гатласу 4 аршина за 6 р., крашенини за 2 р. 72 к., шолку красного за 10 к. для репарованя кафана старого гатласового, на шнурокъ 3 к. Вечеромъ былъ у насъ Журманъ и долго въ ночь просидѣлъ.

16. Рано ездили въ дворецъ и государиню видели отъежджающую кушать до камеръ-юнкера Сиверса. Потомъ мы всѣ трое

отъехали на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана обѣдали и весь день пробавили, да и для смотренія горъ подѣланныхъ были на Охтѣ.

17. По утру Гудовичъ ездилъ на Смолный дворецъ до Журмана, а отголь и Журманъ съ женою и онъ пріехавъ у насъ обѣдали [236]).

18. Рано съ Гудовичемъ ездили въ дворецъ, где при насъ изволила государиня отъехать съ нѣкоторими придворными до Сарскаго Села. Вечеромъ съ нимъ-же, Гудовичемъ, были у полковника Танского и у Рубцовъ.

19. Стефану кравцю за перераву красного гатласового кафана дано 70 к. Вечеромъ былъ у насъ гвардіи поруччикъ семеновского полку Софоновъ и долго въ ночь просидѣлъ.

20. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ зъ капитаномъ сербскимъ, а послѣ обѣда были у графовъ Гендриковыхъ, и Іванъ Симоновичъ отъехалъ при насъ до канцлера на банкетъ, а съ Андреемъ Симоновичемъ мы еще довольно сидѣли.

21. Прислалъ постъ-директоръ Ашъ писмо, зъ Вроцлавя полученное отъ Юнганса, до Скоропадского надписанное въ Глуховъ. Обѣдали у насъ Рубци и Лукомскій, а вечеромъ мы всѣ трое у нихъ были.

22. Куплено красного гатласу поларшина за 75 к. Вчера въ день былъ у мене кумъ Яковъ Тимофіевъ съ кумою и съ крестникомъ, которому данъ отъ мене 1 р. за перникъ, отъ него принесенный.

23. Писаны писма: 1-е къ сину въ Киль подъ № 5-мъ, съ увѣщаніемъ, для чего не описуется зъ часта и чтобъ въ сей постъ старался сообщитись св. тайнамъ, 2-е въ Глуховъ до Скоропадского, съ отсилкою писма къ нему, изъ Вроцлавя полученного и съ объявленіемъ, что вина шампанского 12 бутилокъ за 14 р. 40 к. куплено. Писалъ тако-жъ къ женѣ съ сообщеніемъ копіи писма отъ сина зъ Киля, сего числа полученного, и подлинного коверта, и въ пакетъ до Скоропадского включилъ.

24. Гайдукъ дворцовый Сава Чиншевичъ, пріехавшій зъ Украіни, былъ у насъ, а надъ вечери ездилъ я до кума Якова Тимофі-

236) Журманъ пользовался, какъ видно, исключительнымъ положеніемъ въ Петербургѣ, потому что былъ женатъ на родственницѣ Разумовскихъ, Стрѣшенцовой.

ева и ему-жъ оный, до Скоропадского надписанный, пакетъ вручилъ для пересилки въ Глуховъ.

25. Книгу Екстрактъ Саваріева Лексикона о коммерціи прислалъ мнѣ для читанія Яковъ Тимофіевъ.

26. Vacat. 27. Рано ездилъ въ монастырь Невскій и тамъ, по отправленной исповѣди передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, слушалъ обѣдни въ деревяной церкви и причащалься, а обѣдню служилъ съ протчими священниками отецъ намѣстникъ свінскій Лука. По обѣдѣ, на которомъ были у насъ священники церкви св. Сумеона Барановскій и Навроцкій, приходилъ ко мнѣ гайдукъ Сава, пріехавшій зъ Малой-Россіи и принесъ двѣ писми, одно отъ жены, другое отъ племѣнника Іосифа и третое до нѣкоторого Батюшкина, прокурора статсъ-кантори отъ сина его поруччика, стоячого зъ ротою драгунскою въ моей деревнѣ Куровѣ. Вечеромъ всѣ трое были у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, нареченного митрополита кіевского и у него долго проседѣли, где были и архимандритъ кіевского золотоверхого монастыря, отецъ Модестъ Стефановичъ, ігуменъ батуринскій, отецъ (*пропускъ*) и намѣстникъ свінскій отецъ Лука, потомъ туда-жъ пришли войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и Лукомскій, сотникъ. Розышлось на розницю 32 к.

28. Были въ дворцѣ, перво въ церквѣ болшой, потомъ у графа Розумовского, а обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского, купно съ архимандритомъ казанскимъ, отцомъ Веніаминомъ Григоровичемъ. Вечеромъ былъ у насъ полковникъ Божичъ.

29. Дано Григорію Дмитріевичу на его нужды 4 р. 40 к. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 6-мъ, съ приложеннымъ къ нему отъ матки его писмомъ и на его писмо въ отвѣтъ, полученное мною здесь сего теченія 26-го числа, и оное писмо для отправы отослано къ Вынклеру. Писалъ тако-жъ до жены въ отвѣтъ на еи писмо, отъ 15-го генваря ко мнѣ писанное, и что-бъ всѣ долги виплачивала, тако-жъ дѣтей писма и протчего обучать старалась-бы, да дала-бъ знати, чи дойшли 10 штукъ шпалеръ бумажныхъ, посланныхъ чрезъ Івана Гамалію, сина пѣсковского (въ с. Пескахъ) Івана. Въ писмо до жены включено и писмо отъ капрала кадетского корпуса, Михайла Андревича Батюшкова, до брата его, архангелгородского драгунского полку поруччика, Льва Батюшкова-жъ, который въ нашихъ деревняхъ квартируетъ съ ротою.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, какъ изволила государиня въ откритыхъ саняхъ проежджатся, потомъ заходими къ Любистку и къ Өедору Івановичу Коченевскому. Вечеромъ былъ у насъ Семенъ Дмитріевъ Шохъ.

2. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ, но не имѣли случая видѣть графа Р(озумовского). Послѣ обѣда былъ у мене г. Вынклеръ и привезъ писмо отъ сина и квітанцію о полученіи имъ отъ г. Шмидендорфа 20 червоныхъ.

3. Куплено сукна на кунтушъ мишастого 4 аршина за 8 р. 80 к., на штаны кармазинового полтора аршина за 3 р., шолку за 23 к., комфоры за 4 к., бумазіи на подбой до штановъ за 50 к.

4. Писмо до жены, писанное подъ числомъ 29-го февраля, вручилъ Гудовичу, что-бъ включилъ до своей жены въ пакетъ, а оное, тако-жъ и сундучокъ зеленый съ зеркаломъ, чрезъ человѣка г. Мойсѣя Івановича отпущенный, отослано-бъ изъ Івантенокъ до Городища въ домъ мой.

5. Писалъ до сина въ Киль на его ко мнѣ недавное писмо и требовалъ отъ него увѣдомленія, если его оттоль преселить въ Галю или въ Кенисбергъ, то чрезъ кого и на какія мѣста переводить для его субсидіалные денги. Оное писмо, подъ № 7-мъ, и въ немъ сообщено отъ отца Василія Барановича до отца Іова писмо-жъ, вручено для отправы г. Вынклеру. За писма на почтѣ полученные принесшему дано 12 к.

Умыслне званныи отъ вице-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина обѣдали у него.

6. Въ церкви придворной болшой посвященъ митрополитомъ кіевскимъ кіево-печерскій архимандритъ Тимофей Щербацкій, а рукополагалъ оного преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Симонъ Тодорскій, содѣйствующимъ тутъ-же архіепископамъ санкт-питербургскому Өеодосію Яновскому, Арсенію Могилеанскому переславскому, Варлааму велико-устюжскому, что былъ вяцкій, да архимандритомъ володимерскому рождественскому Платону Петрункевичу, казанскому Веніямину Григоровичу, да Михаила Золотоверхого кіевского Модесту Стефановичу и духовнику государини Өеодору Дубянскому, при присутствіи ея імператорского вели-

чества и ихъ імператорскихъ высочествъ и всего придворного штата и генералитета, тако-жъ пословъ імператорского римского и королевского аглинского. Сего-жъ числа пріехалъ въ С. П. Бурхъ полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій и былъ у насъ, потомъ и въ дворцѣ съ нами.

7. У преосвященного митрополита кіевского новопосвященного рано всѣ трое были съ поздравленіемъ. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Р(озумовского), послѣ у Ѳеодора Івановича Коченевского, которому, тако-жъ и духовнику, прошеніе, для подачи графу заготовленное, показали. Послѣ обѣда былъ я у полковника гадяцкого, а передъ обѣдомъ былъ у насъ и обѣдалъ съ дѣтми своими, трома синами, отецъ Георгій Горковскій, протопопъ сорочинскій.

8. Писма, писанные отъ мене, 1-е до жены подъ 6-мъ числомъ о посилки столика круглого въ домъ, 2-е до Скоропадского о посилки 12 бутилокъ вина шампанского, за 14 р. 40 к. купленного, вручены вакансовому сотнику Якову Дмитровскому. Куплены двѣ книжки: 1-я «Похожденіе Телемакого» за 1 р. 80 к., другая «Езоповы Басни» за 1 р. 20 к. у перепліотчика.

9. Послѣ полдня былъ съ Гудовичемъ у Горчакова и вручилъ ему данное писмо отъ Александра Толстого до прикажчика его московского, Андреяна Недякова, о видачи водки и простой горѣлки моей, въ домѣ ихъ Толстыхъ содержачейся, оной-же водки три бочонки: ганисной, помаранцовой и розмариновой, да простой горѣлки 11 вѣдеръ и коровай свиніого сала въ пудъ и 20 фунтовъ. Потомъ заездили до Новоторжцова, где застали и войта нѣжинского; оттоль были въ дворцѣ и графа Р(озумовского) видѣли толко. Сего числа Іванъ Раковичъ съ женою своею, а съ нимъ и Дмитровскій отъехали изъ С.П.Бурха.

10. Рано были съ Гудовичемъ въ дворцѣ и заходили до Любистка, куда пришли за нами Савлуковъ, войтъ нѣжинскій и Антонъ, стряпчій графскій. Сего-жъ 10-го числа въ вечеру подали съ Гудовичемъ прошеніе наше, всѣхъ троихъ руками подписанное, графу Р(озумовскому) о общенародныхъ дѣлахъ и съ нимъ-же доволно розговаровали, а послѣ насъ былъ у его-жъ полковникъ гадяцкій Галецкій.

11. Послѣ полудня былъ у отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и въ его избѣ почадѣли (угорѣли).

12. У митрополита кіевского всѣ сенатскіе и синодскіе оберъ-секретари, секретари, переводчики и протчіе трактованы; а оттоль заездилъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ. Мы съ Гудовичемъ были у полковника гадяцкого Галецкого въ домѣ графскомъ, который обослалъ мене водкою и слывянкою. За 5 паръ золотыхъ петеліокъ дано 4 р., за шматъ блакитного аксамиту 1 р. 80 к., на нѣкоторые дробязки $4^1/_2$ к.

13. По службѣ Божой были у графа Р(озумовского), отъ которого обнадежены, что вскорѣ по дѣламъ общымъ будетъ резолюція; съ тимъ-же пріеждждалъ до насъ вечеромъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій. Обѣдалъ у насъ префектъ кіевскій отецъ Лащевскій съ переводчикомъ сvнодскимъ Григоріемъ Політикою.

14. Писано отъ насъ до всѣхъ обще генералной старшины съ обявленіемъ, что графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, лейбъ-кампаніи подпоруччикъ, имѣетъ быти отправленъ въ Малую Россію для избранія гетмана, который графъ и самъ у насъ былъ, тако-жъ и дворянинъ Любистковъ. А потомъ были мы всѣ трое у его, графа Гендрикова, съ поздравленіемъ новорожденного ему-жъ сина Андрея и съ родѣлею целовались и ей-же по червоному поднесли, въ томъ числѣ и я отъ себе одинъ червонецъ.

15. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа а въ домъ до жены обявлялъ, что вскорѣ своей отправы отселя надѣемся и чтобъ дворъ глуховскій какъ ні есть оправлено и всячины въ ономъ припасено-бъ.—Рано изволила государиня и великій князь и великая княгиня и многіе придворные и господа отъехать до гостилицкой мызи графа Алексія Григоріевича Розумовского для именинъ его надходящихъ. Мы всѣ трое были на водкѣ у полковника Божича. Оные писма отпущены чрезъ писца Крижановского, Супруна Іванова.

16. Покроенъ кунтушъ изъ попелятого сукна, до которого на подбой за тафти два аршина дано 1 р. 90 к. За баранокъ чорный до шапки аксамитной голубой 20 к. Послѣ полудня ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ до Новоторжцова, где видѣлись и зъ Демидовымъ, который сказовалъ, что вскорѣ будемъ отправлены во свояси.

17. За обмаліованье кабінетика уборного дано 30 к. Обѣдалъ у насъ полковникъ Василій Танскій, а полковникъ гадяцкій и Петръ Розумовскій у Журмана.

18. Vacat. 19. Писано писмо до жены о приготовленюся ей къ поезду до Глухова чрезъ Рубцовъ, которіи сего числа и отъехали изъ С. П. Бурха. Вечеромъ былъ у кума Якова Тимофіева и отвезены ему 3 бутилки сливянки и бутилку водки, потомъ былъ-же у секретаря губернской с.-п.-бургской канцеляріи Стефана Радіонова Будаева и у переводчика академическoго Киріака Андріевича Кондратовича, который и книжку свою Amusium уступилъ мнѣ въ подарокъ.

20. Въ дворцовой болшой церквѣ посвященъ епископомъ въ Владимеръ и Ярополче архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, а посвящалъ оного митрополитъ кіевскій, преосвященный Тимофей Щербацкій, съ сослужащими съ нимъ епископомъ псковскимъ Симономъ Тодорскимъ, архіепископомъ с.-п.-бурскимъ Өеодосіемъ Янковскимъ, епископомъ великоустюжскимъ Варлаамомъ и нѣсколко архимандритами въ присутствіи ея імператорскаго величества и ихъ імператорскихъ высочествъ. По службѣ Божой заходили до графа, но не видѣли его. Обѣдалъ у насъ полковникъ гадяцкій и переводчикъ Політика.

21. Обослалъ мене полковникъ гадяцкій вишніовкою и бутилкою водки полинковой. Заплачено Стефану кравцю за роботу кунтуша, шапки и штановъ 1 р. 20 к. Войтъ нѣжинскій у г. Лизогуба былъ, а у мене Вынклеръ и отъ сина моего подалъ мнѣ писмо, писанное изъ Киля сего марта 14-го n. s. Рано были мы всѣ трое въ дворцѣ у графа, у которого застали кіевского митрополита. У насъ обѣдали Киріякъ Андріевичъ Кондратовичъ съ женою, да лютнистъ великого князя Іванъ Романовъ. Послѣ обѣда были мы у полковника гадяцкого, у которого былъ-же и Журманъ съ женою. Кондратовичевому сину данъ отъ мене шолковый платокъ.

22. Рано были первей у графа Кирила Григоріевича, потомъ и у графа Алексія Григоріевича, а отголь заходили до Любисткова. Отослано писмо Скоропадского до отца духовника. Обѣдалъ я у полковника гадяцкого. По полднѣ былъ у насъ лейбъ-компанецъ Михайло Івановичъ Коченевскій, объвляючи, что и ему велено ехать при графѣ Гендриковѣ въ Малую Россію. Вечеромъ у насъ-же былъ Журманъ, которому и пакта гадяцкіе читаны.

23. Послѣ полдня ездили до графа Шувалова и, у него будучи, благодарили за его милость, являемую въ дѣлахъ нашихъ;

24. Рано были съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у гр. Р(озумовского) и при де-которихъ розговорахъ вручили ему копіи писма отъ старшины генералной, зъ промеморіею генерала Бісмарка, писанного къ намъ и мнѣнія іностранной коллегіи о клясахъ чинамъ малороссійскимъ. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси и на ночь имѣлъ при быть въ Село Царское. Обѣдали у насъ капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Журманъ. Надъ вечери былъ я у Галецкого, къ которому присланъ былъ нѣкоторій капитанъ Соловьевъ отъ г. Гендрикова. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ у секретаря Новоторжцова, который сказовалъ мнѣ о клеветѣ войтовой. За двѣ бутилки декокту, отъ Божича присланного, данъ 1 р. 8 к.

25. Знову обѣдалъ у насъ Марковичъ. Послѣ полдня были у насъ-же перво Махайло Івановичъ Коченевскій, потомъ Носко съ женою своею и съ племѣнниками графскими Василіемъ Евфимовичемъ Дараганомъ и Михайломъ Власіевичемъ [1]), а ночью секретарь Новоторжцовъ.

26. Писалъ къ сину подъ № 8-мъ на его писмо въ отвѣтъ и чтобъ прислалъ ко мнѣ вѣдомость о росходѣ денегъ, о платьѣ и о протчемъ, что имѣется у него на лицо, о наукахъ, о аттестатахъ профессорскихъ и о столѣ, наемный ли или герцогскій имѣетъ, и отослалъ для отправы до Вынклера. Надъ вечери былъ я съ Гудовичемъ у прволсвященного епископа володимерского и ярополского Платона Петрункевича съ поздравленіемъ его возведеніемъ на оный епископскій санъ, отъ которого увѣдомились, что ему-жъ велено быть по прежнему въ святѣйшемъ сунодѣ членомъ, а преосвященному Тодорскому титуловатись архіепископомъ псковскимъ именными указами. Запасъ г. Лизогуба пришелъ въ С. П. Бурхъ.

27. По службѣ Божой въ дворцѣ были у ручки ея імператорского величества, потомъ были-жъ у графа Р(озумовского), а отголь пошедши, съ поздравленіемъ были у его преосвященства отца Тодорского, что ему именнымъ указомъ определено титуловаться архіепископомъ псковскимъ, у которого мы всѣ трое и обѣдали, а съ нами и оберъ-секретарь синодалный Яковъ Герасимовичъ Левани-

---

237) Впослѣдствіи принявшимъ фамилію Будлянского.

довъ и священникъ дворцовый отецъ Андрей, родомъ зъ Оскола. Послѣ обѣда прислалъ отецъ духовникъ Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій чрезъ прикажчика своего Симена Дмитріева Шоха сто рублей денегъ къ прежнымъ сту рублямъ, и на оные денги, вмѣстѣ на двѣстѣ рублей, дана отъ мене росписка: тѣ-же денги занимали прикажчики его въ Малой Россіи у г. Скоропадского. Сего числа прибывшій до С. П. Бурха бунчуковый товаришъ Григорій Богдановичъ рано явилъся у насъ на квартерѣ.

28. Писалъ писмо до молодыхъ Скоропадскихъ до Вроцлавя, въ Силезію, и съ включеннымъ, отъ отца ихъ вчера полученнымъ пакетомъ, да переведеннымъ по нѣмецку именнымъ о гетманѣ, въ прошломъ 1747 году, маія 5-го, состоявшимся указомъ, отосланъ до постъ-директора Аша для отправы по почтѣ. Рано былъ Богдановичъ и показывалъ свою изготовленную челобитную. Гудовичъ ездилъ до г. Гендрикова и въ провіантмейстерскую кантору и въ сенатъ. Я началъ принимать лѣкарства въ декоктѣ.

29. За роботу трохъ запонокъ, въ срѣбро оправленныхъ, золотарю дано 1 р. 50 к. Рано были у насъ полковникъ Танскій и локей дворцовый Пуховичъ, когорого при дворѣ називаютъ Товаромъ. За 4 стаканцы хрусталные дано 24 к., за сотню скалокъ 20 к., за починку фузіи и на другіе мѣлочи дано 23 к. Яскевичъ прибылъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ: одно до Скоропадского съ объявленіемъ, что у духовника денегъ 400 р. отобраны, да и за козакомъ Ковбасою, что-бъ его дѣло въскорѣ рѣшено въ генералной канцелляріи, другое до Іосифа племѣнника, что-бъ дворъ въ Глуховѣ поправленъ былъ и сѣно, овесъ и муки разной запасено-бъ, и оные писма вручены Алексію Долінскому, отъежджающему до Малой-Россіи. Написано отъ насъ всѣхъ доношеніе въ сенатъ о промеморіи, отъ генерала Бісмарка въ генералную войсковую канцеллярію съ досадами и предъосужденіемъ чиновъ малороссійскихъ присланной и зъ онымъ доношеніемъ ездилъ Гудовичъ въ сенатъ, но не принято. А послѣ полдня присилалъ нарочного экзекуторъ сенатскій Іванъ Івановичъ Дурново зъ писмомъ до Гудовича, что-бъ онъ зъ тѣмъ доношеніемъ явилъся завтра въ сенатъ.

31. Оное доношеніе подано чрезъ Гудовича въ сенатѣ. Яскевичъ у насъ былъ и токмо къ Гудовичу изъ дому его подалъ писмо.

Полковникъ Василь Танскій отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси. Рудому куплено ременю на чоботы за 29 к.

Априль.

1. Швагеръ Гудовичевъ, Георгій Носенко-Белецкій прибылъ въ С. П. Бурхъ. Войтъ нѣжинскій израна былъ у г. Лизогуба. Сотникъ понурницкій Брежинскій такожъ въ С. П. Бурхъ прибылъ. За окованье 4 колесъ до будки дано 4 р. 70 к., за 20 фунтовъ шроту 85 к., въ доплатку за червонецъ къ 4 р. приданы 25 к.

2. Государиня сообщалась святымъ тайнамъ въ болшой придворной церквѣ. Послѣ полдня въ квартерѣ нашей былъ графъ І. С. Гендриковъ и потомъ капитанъ драгунского полку, Іванъ Ѳедоровъ синъ Соловьевъ, швагеръ Якубовичевъ, тако-жъ и Журманъ зъ Губчичемъ, сотника почеповского синомъ, который вчора прибылъ въ С. П. Бурхъ и сказовалъ, что и полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ сюда-жъ єдетъ.

3. Въ сей день празденственный Въѣханія Господня были мы всѣ трое въ дворцѣ, перво на службѣ Божой въ болшой церквѣ, таже въ сал-галереи, потомъ и у графа, а обѣдали въ квартерѣ. Послѣ полдня государиня изволила ездить на графскій, что надъ Фонталкою дворъ, где и полковникъ гадяцкій Галецкій передъ ея величествомъ былъ. Потомъ онъ-же былъ у насъ и сказовалъ, что будучи у него, войтъ нѣжинскій говорилъ обо мнѣ. Янушкевичъ видѣлъ рано Соколовского, прибывшого сюда.

4. За отоси дано 16 к., за оглобли дано 8 к., за діоготь и гвоздки и прот. 14 к. Приходилъ къ намъ проститись Семенъ Шохъ, отъежджаючи отселя до дому купно съ попомъ Семіоновскимъ Димитріемъ, который сказовалъ, что преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тферскій, преставился. Съ нимъ же Шохомъ и бунчуковый товарищъ Григорій Богдановичъ отъехалъ.

5. Полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ прибылъ въ С. П. Бурхъ и перво къ намъ на квартеру заехалъ, потомъ сталъ въ духовниковомъ домѣ. Послѣ полдня ездилъ я съ Гудовичемъ до графа Гендрикова.

6. Послѣ полдня знову былъ у насъ полковникъ стародубовскій, которому я виговоровалъ за поставленную рогу въ Куровѣ и за произносящіеся отъ него шлютки (сплетни).

7. Рано ездилъ съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ въ Невскій монастырь и тамъ, по отправленой передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ исповѣди, по благости Божіей, удостоились причащатись святыя Евхаристіи.—На розницю розышлось 25 к., да за разные сѣмена огородные дано 36 к.. Івану Рудому за три рубашки 80 к.

8. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ къ графу Гендрикову и какъ у самого, такъ и у брата его Андрея Симоновича доволно сидѣли.—Переплiотчику за оправу трагедіи Хорева даны 10 к.

9. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 9-мъ, на его писмо вчора полученное, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ науки и за полученіемъ того писма и векселю на 20 червоныхъ собралъся-бы къ поезду до Риги, а оттоль до дому на нѣкоторое время, и оное писмо отдано г. Вынклеру для отправы по почтѣ въ Киль. Сего мѣсяця взялъ я до прежныхъ изъ общихъ денегъ 40 р., а Гудовичъ и г. Лизогубъ по толку-жъ и тако за всякимъ стало оныхъ денегъ по 200 р.

10. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія Господня, зъ полуночи, въ началѣ четвертого часа, началось въ дворцовой церкви набоженство и продолжалось до 7-го часа, на которомъ присутствовали и ея імператорское величество и его і. высочество государь великій князь. По утренѣ были допущены всѣ бывшіе въ церкви къ руки ея величества. По службѣ были у графа и тамъ многихъ господъ поздравляли и съ ними цѣловались. У графа поччованы водкою, потомъ мимоездомъ были у полковника Божича, обѣдали въ квартерѣ и съ нами старый и молодый Політика. Полковники гадяцкій и стародубовскій у насъ были, а надъ вечери я съ Гудовичемъ у полковника стародубовского былъ.

11. Рано ездили съ поздравленіемъ и были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, потомъ въ дворцѣ у духовника и у Өедора Івановича Коченевского, да у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а по обѣдѣ былъ у насъ Журманъ съ женою и съ молодымъ Губчицомъ. Мы потомъ всѣ трое ездили до Демидова, послѣ были и долго въ ночь сидѣли у полковника стародубовского.

12. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, у секретаря графа Шувалова, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ у графовъ Андрея и Івана Симоновичевъ Гендриковыхъ,

где и обѣдали и весь день пробавили; тамъ всѣхъ насъ троихъ дарилъ шапками графъ Іванъ Симоновичъ. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

13. Весь день я пролежалъ боленъ, а г. Лизогубъ съ Гудовичемъ у графа Румянцова, у Апраксина и у барона Черкасова были рано, а обѣдали въ квартерѣ и съ ними полковникъ Божичъ. Послѣ обѣда былъ у мене полковникъ гадяцкій Галецкій и до позна проседѣлъ.

14. Въ 6-мъ часу полуночи прошла Нева и випалено изъ 3-хъ пушекъ, потомъ знову изъ 3-хъ же пушекъ, какъ стали по Невѣ суднами ездить. Вчора званныи отъ графа Румянцова наши у него сего числа обѣдали, а я вчора и сей день былъ неотлучно въ квартерѣ, ради случившейся мнѣ прошлодневной ночи болѣзни. Послѣ полдня былъ у насъ въ квартери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своимъ швагромъ Александромъ Сергіевичемъ Бутурлинымъ и нѣсколько человѣкъ ундеръ-офицеровъ гвардіи.

15. Рано ездили мы всѣ трое къ архіереямъ: псковскому Симону Тодорскому и переславскому Арсенію Могилеанскому и поздравляли ихъ праздникомъ. Обѣдали у насъ поковникъ гадяцкій, да переводчикъ Політика и Яскевичъ. Послѣ полдня были всѣ трое у князя Н. Трубецкого, потомъ два мы съ Гудовичемъ у оберъ-прокурора сенатского Николая Алексіевича Жеребцова и у переводчика іностранной коллегіи Данилевского, где видѣлись изъ Лібартовскимъ, отъ Журмана зъ банкету пріехавшымъ.

16. Писано писмо къ сину въ Киль подъ № 10-мъ, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ прилѣжно науки, а между тѣмъ сискивалъ способу, какъ бы лучше лѣтомъ прибыть до Риги, и оное писмо отдано на почту постъ-директору Ашу. Были на службѣ въ Невскомъ и у архіерея. Обѣдали у насъ Лібартовскій, Данилевскій и пѣвчій дворцовый изъ Красного Колядина Семенъ Тыхоновичъ, а по обѣдѣ у насъ-же были Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ. Пріехалъ изъ Царского Села дворъ.

17. Были въ дворцѣ на службѣ, потомъ заходилъ я къ Любистку съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ, а отголь съ нимъ же пріехавъ въ квартеру, тутъ обѣдали у насъ онъ полковникъ и Марковичъ капитанъ-поруччикъ, да у мене-жъ была и съ нами

обѣдала кума, Акилина Николаевна, канцеляриста сенатского Тимофіева жена, чрезъ которую данъ сину еи, а моему крестнику 1 р. денегъ.

18. Государиня изволила ездить рано до Ігната Кириловича Полтавцова для посѣщенія болной его жены. Мы съ Гудовичемъ перво были у Өедора Івановича Коченевского, потомъ у графа Івана Синоновича Гендрикова передъ обѣдомъ, а по обѣдѣ былъ у мене полку харковского салтовскій сотникъ, Өедоръ Івановичъ Картавый.

19. Рано отвезена куфа двойного вина, сіесть горѣлки, въ домъ господина віце-адмирала Александра Івановича Головина, въ даръ ему за показанную отъ него благосклонность позиченіемъ намъ для езди еще въ 1745 г. берлина. Ездили въ дворецъ и тамъ, будучи у графа Р(озумовского), видѣли и государиню въ присутствіи многихъ кавалеровъ, а потомъ мы два съ Гудовичемъ обѣдали у полковника гадяцкого, а надъ вечери ездили до Вынклера, до Носка и до графа Мойсѣя Владиславича, но ни кого не застали. Сказовали мнѣ, что Соколовскій, минуя квартеру нашу, бранилъся.

20. Рано ездилъ Гудовичъ до нѣкоторыхъ сенаторей за доношеніемъ отъ насъ поданнымъ въ сенатъ стороны премеморіи отъ генерала Бісмарка въ генералную канцелярію, безреспекту писанной. Потомъ оба мы были въ дворцѣ; обѣдали-же у насъ секретарь штатсъ-конторы Шишкинъ и швагеръ его, семеновского полку гвардіи фуріеръ, да протопопенко (сынъ протопопа) сосницкій Полторацкій. Надъ вечери двое мы были у Лібратовского и тамъ застали обермуншенка Евфима Юрьевича Бахтѣева съ протчими. Гвардіи семеновского полку маіоръ и кавалеръ, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій преставилъся.

21. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ съездъ ко двору імператорскому для поздравленія ея высочества, государини, великія княгини Екатерины Алексіевны рожденіемъ ея, но за болѣзнію, ея высочеству приключившеюся, не виходила, толко тѣмъ торжествомъ поздравляли его высочество и къ руки его допущены. По службѣ Божой мы всѣ трое, да и полковники Галецкій, Божичъ и Максимовичъ обѣдали у графа Мойсѣя Владиславича. Потомъ знову были мы двое съ Гудовичемъ въ дворцѣ на балѣ и уже въ 11-мъ часу пріехали на квартеру.

22. Званы отъ преосвященного Өеодосія Янковского, архіепископа с.п.бурского и шлютелбурского обѣдать въ Невскій монастырь, и тамъ обѣдали мы трое, да полковникъ стародубовскій Максимовичъ. А оттоль какъ возвратились, то въ 6-мъ часу по полудни было провождено тѣло въ монастырь Невскій продпомянутого графа Евфимовского. Смеркомъ мылъся у насъ въ банѣ полковникъ гадяцкій Галецкій.

23. Оного-жъ графа Евфимовского въ монастырѣ Невскомъ погребено. Государиня изволила кушать у графа Петра Івановича Шувалова, ради рожденія жены его Мавры Егоровны. Ігната Кириловича Полтавцова жена Ірина Івановна преставилась.

24. Обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, а надъ вечери были мы всѣ трое на Смолномъ дворѣ у Журмана и тамъ изъ лука стрѣляли.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея імператорского величества былъ израна до двора імператорского съездъ какъ іностранныхъ пословъ и министровъ, такъ и россійскихъ обоего пола знатныхъ персонъ, и послѣ службы Божой поздравляли ея імператорское величество и къ руки допущены. Обѣдъ-же въ болшой салѣ на тронѣ ея імператорское величество съ великимъ княземъ, а протчіи за убранными столами, между которыми и фонтаны были подѣланы, кушали. По полдни былъ балъ въ салъ-галлереи, а ночью какъ на обыкновенномъ театрѣ, такъ въ около крѣпости и везде по всемъ городѣ изрядная была иллюмінація. Преосвященный псковскій проповѣдь имѣлъ. Рано въ дворцѣ будучи, полковникъ стародубскій Максимовичъ въ графской прихожой избѣ при полковнику Божичу и при капитану-поруччику Марковичу (сказовалъ полковникъ гадяцкій Галецкій) бранилъ всю старшину генералную всякими скверными словами.

26. Рано едучи ко дворцу, миновала насъ государиня противъ гостинного двора и изволила ездить въ лѣтный дворецъ, а оттоль возвратилась кушать въ собственномъ въ своемъ дворцѣ, где прежде жить изволила, будучи цесаревною. Мы зъ Гудовичемъ были у Өедора Івановича Коченевского, который объявилъ намъ произнесенную клевету на насъ, будто у насъ учинены посулы великіе посилающейся персонѣ въ Украину для избранія гетмана. Сего числа погребена Полтавцова жена въ Невскомъ монастырѣ.

27. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и подали писмо графу отъ матушки его; чрезъ Барановского о козакахъ кіевскихъ и отъ ихъ-же писанное доношеніе въ сенатъ подано. Послѣ обѣда изволила государиня отъехать въ Пітергофъ для осмотру строеній. Мы съ Гудовичемъ вечеромъ были у Савлукова и съ женою его, Агафіею Яковлевною Довбешковною, смотрѣли каменныхъ ихъ полатокъ, въ которыхъ они живутъ.

28. Были всѣ трое въ дворцѣ рано, а по обѣдѣ ездили мы два съ Гудовичемъ до графа Івана Симоновича Гендрикова и у него сидѣли доволно и ему-жъ обявили о предпомянутой клеветѣ; а отъ него возвращаючись, привезли съ собою подпрапорщика кадецкого корпуса Василія Івановича Розумовского[238]), который у насъ и вечерялъ. Потомъ отвезли его къ ісакіевской пристани поездомъ полковника Галецкого. Въ дворцѣ въ вечеру былъ маскарадъ.

29. Рано мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и видѣлись тамъ съ архіереемъ псковскимъ Тодорскимъ. потомъ заходили до Ѳедора Івановича Коченевского. Обѣдалъ у насъ протопопъ миргородскій Горковскій и полковникъ Божичъ, который отъехалъ въ компанію до Журмана на Смолный дворецъ, где обѣдалъ и полковникъ Галецкій.

30. Въ 1-мъ часу по полудни изволила ея імператорское величество, такожъ ихъ імператорскіе высочествы, государь великій князь и государиня великая княгиня, имѣть свой публічный переездъ изъ зимного въ лѣтный дворецъ нри пушечной палбѣ изъ крѣпости, зъ адмиралитейства и изъ яхтъ, и когда прибыла государиня въ лѣтный дворецъ, то тутъ многіе господа и кавалери и другихъ чиновъ встрѣтили передъ дверми, а на караулѣ гвардія въ барабаны и съ музиками отдавали честь, а при входѣ до покоевъ, перво изволила ея величество пойти въ церковь, потомъ чрезъ болшую салю прошедъ въ первую камору, тамъ всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, пожаловала къ рукѣ, послѣ жаловала-же до руки и великая княгиня. Зъ болшой салѣ пошли прямо до графа Алексія Григоріевича, которій обнадеживалъ насъ скорымъ отпускомъ и, попотчивавъ водкою, приказалъ рано когда къ себѣ явитись одному Гудовичу. Полковникъ гадяцкій прислалъ мнѣ окорокъ ветчины, у кото-

---

[238]) В. И. Разумоввскій послѣдствіи былъ гадяцкимъ полковникомъ.

рого мы съ Гудовичемъ и сами были и доволно у него сидѣли, тамъ-же заставши и Божича.

Маiй.

1. На службѣ Божой въ болшой дворца лѣтняго церквѣ посвящалъ преосвященный Тодорскiй, архiепископъ псковскiй, ректора семiнарiумъ невского, отца Гаврiила Кременецкого архимандритомъ въ Москву новоспаского монастыря, а по службѣ были у ручки у ея iмператорского величества въ салѣ и потомъ къ графу ходили и трактованы тамъ водкою. Обѣдалъ у насъ переводчикъ синодалный Полiтика, а послѣ обѣда былъ у насъ-же гвардiи семеновского полку гранадерской роти поруччикъ Софоновъ. Приходилъ ко мнѣ отъ кума Якова Тимофiева поддячiй съ извѣстiемъ, что крестникъ мой, а его синъ Никита преставилъся. Государиня изволила ездить къ рогаткамъ.

2. Рано ездилъ въ дворецъ Гудовичъ и былъ у графа по выше объявленному приказу, где ему отъ графа обявлено, что къ отправленiю графа Гендрикова все уже готово. Послѣ полудня ездили мы всѣ трое до камеръ-гофъ-фурiера и полковника Iгната Кириловича Полтавцова и съ нами полковники Галецкiй н Божичъ.

3. Обѣдали у насъ тѣ-же полковники оба и секретарь Новоторжцовъ, надъ вечери былъ у насъ Iгнатъ Кириловичъ Полтавцовъ съ братомъ своимъ Романомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ-же, а изъ рана приездилъ къ намъ графъ I. С. Гендриковъ.

4. По службѣ Божой въ дворцѣ, на которой въ малой придворной церкви произведенъ архимандритомъ въ воскресенскiй, что за Москвою, монастырь отецъ Амвросiй Камiнскiй, префектъ семiнарiи невской, преосвященнымъ Симономъ, архiепископомъ псковскимъ. Были у графа въ присутствiи многихъ господъ и кавалеровъ, а зъ дворця прямо отъехали къ полковнику Божичу, у которого всѣ мы трое и полковникъ гадяцкiй обѣдали. Изъ рана былъ у г. Лизогуба войтъ нѣжинскiй Тарнавiотъ, и онъ-же заежджалъ и до полковника гадяцкого Галецкого. Въ дворцѣ былъ въ вечеру куртагъ.

5. Рано мы двое съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и съ графомъ А. Г. имѣли розговоръ и просили о отправѣ какъ мiнiстра, такъ и своей. Зъ дворца заехалъ къ намъ графъ Iванъ Сименовичъ

Гендриковъ и обѣдалъ у насъ. Послѣ полдня съ полковникомъ Божичемъ и Гудовичемъ ездилъ я до Лібратовского.

6. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ и по службѣ у графа, где великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ болѣе двухъ часовъ съ графомъ имѣлъ конференцію. Обѣдалъ у насъ гвардіи преображенского полку солдатъ Мойсѣй Березинскій. По обѣдѣ у насъ-же были полковники Галецкій и Божичъ.

7. Въ 12-мъ часу полуденномъ изволила государыня съ нѣкоторою частію придворного штата до Царского Села отъехать. Послѣ обѣда былъ у мене господинъ Вынклеръ и привезъ писмо, отъ сина изъ Киля полученное на почтѣ. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерской канцелляріи Николай Івановичъ Кречетцовъ, которому и записка дана, что къ моей челобитной апелляціонной изъ дѣла выписать надлежитъ. Получено писмо изъ Вроцлавя отъ молодыхъ Скоропадскихъ; постиліону за оное дано 2 к.

8. Обѣдали у насъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, да Лукомскій, бывшій сотникъ полковый прилуцкій. Послѣ полдня ездили до графовъ Гендриковыхъ и у обоихъ были, где была-жъ при насъ и сестра ихъ Марія Симоновна и вице-канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ.

9. Послѣ службы Божой заходили ко мнѣ съ поздравленіемъ патрона маіоръ волоского полку Анастасій Баронъ, да войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и грекъ Николай (Матонисъ), потомъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, іностранной коллегіи переводчикъ Данилевскій и бунчуковый товаришъ Політика.

10. Обѣдалъ у насъ нарочно пріездившій іностранной коллегіи надворный совѣтникъ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ съ переводчикомъ Данилевскимъ, которому совѣтнику и книжка о блаженствахъ, изданія покойного Феофана Прокоповича, отъ мене подарена.—Первый пожаръ былъ въ Москвѣ.—Рано помянутій Політика прислалъ намъ въ общѣ 5 бутилокъ вина судакского. Послѣ полдня въ 4-мъ часу пріездилъ ко мнѣ господинъ Вынклеръ, которому я далъ 67 р. 50 к. для переводу до сина въ Киль, чтобъ тамъ ему отдано 30 червоныхъ, о чемъ и писмо, отъ мене до сина написанное подъ № 11-мъ, тому-жъ Вынклеру вручено, дабы онъ, сынъ мой, принявъ тамъ въ Килѣ тѣ 30 червоныхъ отъ коммиссаріуса

де-Саллернъ юля 1-го n. s. и собрався совсѣмъ безъ остатка, получа-же отъ принца Августа пашпортъ и съ академіи и отъ профессоровъ тестимонія о наукахъ, ехалъ въ Ригу, а оттоль домой. Надъ вечери были у насъ полковники гадяцкій и Божичъ, потомъ и стародубовскій Максимовичъ.

11. Рано ходили съ Гудовичемъ въ лѣтный дворецъ. Вѣдомость пришла вчора до г. Лизогуба, что невѣстка его, сина его-жъ Григорія жена, преставилась. Полковники Галецкій и Божичъ мились у насъ въ банѣ.

12. Принималъ лѣкарство слабителное, за которое дано въ аптекѣ 24 к. Передъ обѣдомъ былъ у мене Іванъ Барановскій съ требованіемъ меморіала о дѣлахъ малороссійскихъ, о которыхъ въ прошломъ 1747 году сентября 6-го въ писмѣ нашемъ къ графу выразили, якій меморіалъ и отвезъ къ нему Гудовичъ, а я особливо къ нему-жъ картою писалъ о подачи моего прошенія, въ пакетѣ запечатанного, графу, въ моемъ собственномъ дѣлѣ. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ полку пѣхотного інгермоландского Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій, а г. Лизоґубъ ездилъ къ Марковичу и къ Журману.—За 15 рюмокъ хрусталныхъ дано 45 к., на другіе дробязки 22 к.

13. Послѣ обѣда посѣщали полковника Галецкого, который изъ руки кровъ пущалъ, а отъ него ходили къ живодіорнимъ избамъ, где медведя собаками травили, изъ которыхъ найлучше брала медведя собака британская Петра Мойсѣевича Левіцкого, графского бывшого муншенка [239]).

14. Писалъ писмо къ сину въ Киль подъ № 12-мъ, обявляючи, что здесь даны г. Вынклеру 67 р. 50 к., чтобъ перевелъ онъ тѣ денги въ Киль и тамъ-бы сину моему заплачено 30 червоныхъ комміссаріусомъ de Sallern; къ нему-жъ сообщенъ реестрикъ о покупки книжокъ 3 латинскихъ, кромѣ въ прежнемъ реестрѣ виряженныхъ, и тое писмо отдано постъ-директору Ашу для отправленія по почтѣ.—За оправу табакерки каменной дано 4 р. серебрянику. Іхъ імператорскіе высочества изволили возвратиться зъ Царского Села и при нихъ І. С. Гендриковъ.

---

239) Сынъ нѣжинскаго полковаго есаула.

15. Наведенъ мостъ на островъ Васильевскій и по оному стали ездить, и сенатъ въ свое мѣсто перебралъся. Куплено 5 перстней золотыхъ, дано за оные 25 р.

16. Государиня изволила пріехать изъ Петергофа ночью въ С.П.Бурхъ. Василь Романовичъ, бунчуковый товаришъ, прибылъ въ Ямскую съ сотничкою яготинскою, Филипа Купчинского женою.

17. Послѣ полдня былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а потомъ онъ-же и мы съ нимъ перво у полковника гадяцкого Галецкого, потомъ у полковници Ізволской были, где и его графиню застали.

18. Рано былъ у г. Лизогуба Романовичъ. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ уставщикъ, Өедоръ Івановичъ Коченевскій, Кирило Степановичъ Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистковъ слѣпый, а подполковничимъ Яковъ Алексіевичъ Пучковскій.

19. По службѣ Божой была въ дворцѣ отпускная авдіенція цесарскому послу барону Претлаху. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у Любісткова и поздравляли его пожалованнымъ рангомъ, тако-жъ и до Коченевского за тимъ-же ходили.

20. Рано призиваны въ сенатъ пожалованные дворяне рангами полковничими и приведены къ присяги. Въ 1-мъ часу по полудни была другому послу цесарскому авдіенція, который на мѣсто отпущенного имѣетъ быть при здешнемъ дворѣ. Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Государиня изволила отъехать къ Гостилици послѣ вечерень.

21. Послѣ обѣдни былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а обѣдалъ у насъ-же капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ. Сего-жъ числа рано (какъ слухъ пронесъся) взяты подъ караулъ въ крѣпость капитанъ поруччикъ гвардіи преображенского полку Василь Марковичъ и солдатъ Мойсѣй Березинскій.

22. Посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ архимандритъ бывшый воскресенскій Іларіонъ Григоровичъ, а рукополагалъ оного преосвященный архіепископъ псковскій и нарвскій Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями. Его імператорское высочество и великая княгиня изволили отъехать до Гостилици зъ С.П.Бурха. Вечеромъ былъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, какъ мы повернулись зъ проездки, зъ которой мимоездомъ были у

ассессора ямской канцеляріи Алексія Өедоровича Кутузова. Рано были у дворецкого Шереметева, Өедора Дементіева Звѣрова.

23. Отосланы писма, подъ 16-мъ числомъ писанные до Скоропадского въ Глуховъ и до жены въ домъ къ Якову Тимофіевичу, чтобъ по почтѣ изъ сената отправилъ до Глухова.—Повторный пожаръ въ Москвѣ, да и въ Глуховѣ сего-жъ числа.—Послѣ обѣда были мы два съ Гудовичемъ въ новомъ дворцѣ Аничковскомъ и въ саду и во всѣхъ тамошныхъ строеніяхъ ходили.

24. Писалъ писма въ домъ до жены и въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ нему-жъ включилъ пакетецъ отъ господина Любистка до бунчучного генералного Оболонского. Послѣ полудня проежжались и потомъ заехали къ выце-адмиралу Александру Івановичу Головину. Староста хвастовскій отъехалъ артилерійскій [240]).

26. Прибылъ изъ Глухова на почтѣ генералной артилеріи канцеляристъ Іванъ Коляновскій, которій и мнѣ привезъ вѣдомость, что швагеръ мой Александръ Корецкій прошлого апреля 17-го умре, такожъ и другого швагра Өедора Корецкого маленкій синокъ Василь умре-жъ. Рано былъ у графовъ Гендриковыхъ, изъ которыхъ г. Андрей весма сталъ быть боленъ.

27. Куплены чолки нитные за 33 к. Обѣдалъ у насъ и весь день просидѣлъ капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ. Рано отвезенъ въ крѣпость управитель деревень графскихъ Ілля Борисовъ Ксиліандеръ. Получилъ писма изъ Киля, 1-е отъ отца Іова, 2-е отъ сина, кои самъ г. Вынклеръ принесъ. Ночью прибыть изволила государиня и великій князь съ великою княгинею.

28. На писма вчора полученные отвѣтовалъ въ Киль до сина подъ № 13-мъ, виражая о томъ-же, что и прежде писалъ, да до отца Іова, до которого и тое писмо, що къ сину, включилъ въ одинъ ковертъ и отослалъ къ г. Вынклеру. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ інгермоландского полку Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій и звалъ на завтре къ себѣ обѣдать.

29. Въ сей святыя Пентекостіи день, отслушавъ обѣдни въ церквѣ святого Сумеона, были въ дворцѣ и между протчими допу-

---

240) Вѣроятно, староста с. Хвастовцевъ, борзенскаго уѣзда, принадлежавшаго „на генеральную артиллерію", т. е. опредѣленнаго на прокормленіе артиллерійскихъ лошадей.

щены къ ручкамъ всемилостивѣйшей государини, великого князя и великія княгини, а обѣдали всѣ трое у помянутого Лодижинского на Васильевскомъ острову въ первой линіи, а отъ него заежджали два насъ съ Гудовичемъ къ графу Івану Сумоновичу Гендрикову.

30. У генералного маіора и лейбъ-гвардіи преображенского полку маіора Івана Івановича Косогова я и Гудовичъ, тако-жъ полковники Галецкій и Божичъ обѣдали, где тако-жъ обѣдалъ того-жъ полку маіоръ князь Александръ Александровичъ Меншиковъ. Потомъ были мы съ Гудовичемъ и по обоихъ старыхъ садахъ въ дворцѣ гуляли.

31. Сего числа въ 1-мъ часу по полудни ея імператорское величество изволила съ своимъ придворнымъ штатомъ имѣти публічный свой віездъ до Пітергофа, а ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда-жъ прежде віехали. Вечеромъ были съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и у него-жъ ужинали.

Іюнь.

1. Рано былъ у насъ графъ Гендриковъ, а обѣдали у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, Алексій Даниловичъ Шеншинъ и полковникъ Галецкій и Божичъ. Послѣ обѣда у насъ-же былъ канцеляристъ Данило Требінскій, а рано въ квартерѣ нашей Романовичъ зъ синомъ. Въ вечеру пріехалъ изъ Глухова нарочный куріеръ, салдатъ тамошнего гварнізону Калугинъ съ репортами, что городъ Глуховъ съ церквами, съ канцеляріами и по болшой части, почитатъ, со всѣми дворами, маія 23-го числа вигорѣлъ и съ нѣкоторими подворками.

2. Въ Бѣлгородъ и Обоянь рукоположенъ епископомъ Іоасафъ Горленко, а передъ симъ рукоположены-жъ въ епископы: Порфирій Крайскій суждалскимъ и юревскимъ, Антоній Ілляшевичъ—вяцкимъ и велико-пермскимъ, а рукополагалъ оныхъ-же преосвященный Сумонъ Тодорскій съ другими архіереями въ церквѣ петропавловской въ крѣпости. Потомъ оный же преосвященный бѣлогородскій Горленко трактовалъ въ своей квартерѣ всѣхъ сунодалныхъ членовъ и протчихъ духовныхъ. У насъ обѣдали графъ Іванъ Сумоновичъ съ графинею своею Катериною Сергіевною, да маіоръ Алексій Даниловичъ Шеншинъ, капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и подпоручикъ Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій;

графъ-же съ графинею скоро отъехали, а протчіи просидѣли долго. Между-жъ тѣмъ у мене были префектъ кіевскій. отецъ Варлаамъ Лащевскій и Никодимъ Рудзінскій, кадецкого корпуса іеромонахъ, и протопопъ Мглинскій, да священникъ Машевскій, а у Лизогуба шляхтичъ смоленскій Вороніčъ и Романовичъ.

3. Ездили мы двое съ Гудовичемъ до преосвященного володимерского Платона Петрункевича стороны дѣлъ имѣющыхъся въ синодѣ Алексія Шеншина и протопопа мглинского.

4. По утру въ 8-мъ часу віехали зъ квартери и, поснѣдавши у графа Гендрикова, поѣхали до Пітергофа и, прибывъ туда въ 10-мъ часу по полдни, были въ графскихъ покояхъ и у духовника, и у Ѳедора Івановича Коченевского.

5. Рано были у графа, где государиня жаловала насъ къ руки, потомъ, обѣдни вислухавши, у стола государева съ кавалерами кушали обѣдъ, а по полдни были въ лагерѣ у гвардіи, где стоялъ графъ Гендриковъ, у капитана Михелсона и съ нимъ, графомъ, были у Мемплезирѣ. По службѣ Божой 4 архіереи новопосвященніи крутицкій, суждалскій, бѣлогородскій и вяцкій кланялись государини съ иконами, тако-жъ и ихъ высочествамъ.

6. Графъ Гендриковъ, пообѣдавъ у насъ, отъехалъ до С.П.Бурха, а по полдни государиня съ нѣкоторими придворними изволила отъехать въ Ропшу. Великій-же князь и великая княгиня передъ вечеромъ проезджались верхами до Стрелиной мызи.

7. По полдни въ 9-мъ часу государиня возвратилась изъ Ропши въ Пітеръгофъ.

8. Мы рано были у графа Розумовского и у духовника, потомъ знову у графа, а обѣдали у насъ Галецкій и Божичъ. Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ говорилъ мнѣ о жалобѣ на мене отъ Романовича произносимой.

9. Обѣдали у Ѳедора Івановича съ духовникомъ и протчими; потомъ были на куртакѣ и у графа.

10. Рано отъехали зъ Петеръгофа и прибыли въ С.П.Бурхъ въ 5-мъ часу по полдни. Мы двое съ Гудовичемъ заездили до графа Гендрикова.

11. Писмо отца Лащевского, префекта кіевского, отпущено до Корна въ Вроцлавъ по почтѣ. У насъ были графъ Гендриковъ и Новоторжцовъ; въ 7-мъ часу по полдни прибыла государиня въ С.П.Бурхъ.

12. Государыня изволила слушать обѣдни у церкви казанской, ужинать у графа Петра Івановича Шувалова. Мы двое съ Гудовичемъ были у Любисткова.

13. Знатно Гудовичъ занемогъ. Я обѣдалъ у маіора гвардіи преображенского полку Івана Івановича Косогова и у него випросилъ лѣкаря для ползованья Гудовича. Графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ въ 2-мъ часу по полдни умре, и мы съ г. Лизогубомъ тамъ были.

14. Пріездилъ по полдни къ намъ подпоруччикъ пѣхотного московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ звать на погребеніе умершого графа Андрея къ завтрему.

15. По полуночи въ 8-мъ часу поехали г. Лизогубъ и я на оное погребеніе, и виносъ начался зъ двора въ 9-мъ часу до монастыря Невского. На виносѣ былъ архіерей новопоставленный бѣлогородскій Іоасафъ Горленко. Обѣдню служилъ с.п.бурскій архіерей, погребеніе отправляли оба. На погребеніи были изъ кавалеровъ віце-адмиралъ Головинъ, камергери Жеребцовъ и Наришкинъ, маіоръ гвардіи измайловского полку Гурьевъ; изъ дамъ: віце-канцлерова Воронцова и вдова Александра Львовича Наришкина жена, да графиня Гендрикова Катерина Сергіевна. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова кавалери Жеребцовъ и Гурьевъ, да нѣкоторіе офіцери гвардіи и другихъ полковъ. Послѣ обѣда графъ г. Лизогуба и мене дарилъ обручиками золотыми, на память умершого зделанными.

16. Я былъ рано у полковника гадяцкого Галецкого и мирилъ его съ Божичемъ, которій вчора съ нимъ поссорилъся. Салдатъ въ прудѣ государева Аничковского двора, упавъ въ воду, утонулъ. Канцеляристъ генералной артилеріи Коляновскій отъехалъ по почтѣ къ Глухову, чрезъ которого и писма, подъ числомъ 24-го маія писанные, до Скоропадского и въ домъ отпущены.

17. Рано и послѣ полудня выдѣни были въ день подле солнца мѣсяцъ и звѣзда. По полдни былъ я у Дивова съ Янушкевичемъ и говорилъ о дѣлѣ нашемъ.

18. У обѣда много болталъ Янушкевичъ, а по полдни въ 5-мъ часу пришли суда изъ Петергофа и зъ пушокъ палили.

19. Подъ часъ вечерній ихъ высочества, а ночью государиня изволила прибыть въ С.Б.Пурхъ.

20. Послѣ полдни былъ я у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина и меморіалъ ему о дѣлѣ Янушкевича съ Соколовскимъ оставилъ. Капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ и маіоръ Веселовскій были у насъ.

2р. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ женою своею заездилъ къ намъ изъ невского монастыря, где онъ у архіерея по поминовеніи брата обѣдалъ. У насъ-же обѣдали капитаны пѣхотного астраханского полку Матвѣй Івановичъ Алексіевъ и Соловьевъ. Потомъ былъ у мене Вінклеръ, у Сіверса обѣдавшій.

22. Графъ А. Г. Розумовскій съ нами говорилъ о своихъ въ скотѣ и въ протчемъ убыткахъ. Государиня изволила ездить съ нѣкоторими придворными на ужину въ Катериногофъ. Сочинено прошеніе до графа о дѣлахъ общыхъ.

23. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа, да до жены въ домъ чрезъ глуховского сержанта Анисима Асмолова, отправленного изъ сената. Алексію Гречцѣ говорилъ я, чтобъ онъ сказалъ Соколовскому, дабы онъ мене не поносилъ и не злословилъ.

24. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова ради его тезоименитства.

25. Былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского.

26. Подано писменное наше прошеніе о общыхъ дѣлахъ графу Розумовскому чрезъ Барановского.

27. Писалъ інстанцію за Андреемъ Політикою до Скоропадского въ Глуховъ, потомъ былъ на Василевскомъ острову у отца Варлаама Лящевского.

28. Былъ я одинъ въ дворцѣ, и сказовалъ мнѣ Барановскій, что графу Розумовскому прошеніе наше онъ вручилъ.

29. Рано поздравляли тезоименитствомъ и были у ручки великого князя. Обое ихъ высочества слушали обѣдни въ крѣпостной церкви Петра и Павла, а мы въ дворцѣ службы и молебня слушали. По полдни въ 7-мъ часу въ дворцѣ были на балѣ. Сего числа пожалованы ордены св. Анны генералу-маіору арапу Аврааму Петровичу (*пропускъ*) и Бреверу.

30. Обѣдали мы съ г. Лизогубомъ и съ маіоромъ гвардіи Косоговымъ и протчими у полковника гадяцкого Галецкого ради тезоименитства его вчорашного, потомъ и у Петра Івановича Розумовского были.

Юлъ.

1. Я одинъ былъ и рано, и по обѣдѣ въ дворцѣ, тако-жъ у Любисткова слѣпого, а вечеромъ были у насъ Журманъ и Петръ Розумовскій. Значковый полку стародубовского товаришъ Андрей Політика изъ С.П.Бурха отъехалъ.

2. Отклонилъся государинѣ Журманъ со всею своею свитою. Государиня изволила передъ обѣдомъ отъехать до Пітергофа, а въ переездѣ смотрѣть донское войско, въ 1,000 состоящое, и на оное жъ пожаловала 3,000 р.

3. Куплено полотна 21 аршинъ на ночную рубашку и на портки за 1 р. 5 к. Надъ вечери ездили къ Журману прощаться.

4. За книгу «Физику експерименталную» дано 60 к. За полотно на рубашки 3 р.

5. Обѣдали на новоселлѣ у графа Івана Симоновича Гендрикова, переехавшого въ домъ, бывшій прежде Волинского, а потомъ брата его Андрея Симоновича. Надъ вечери были у графа Петра Івановича Шувалова и у Савлукова, а у насъ безъ насъ былъ Журманъ.

6. Вынклеръ увѣдомилъ мене, что синъ мой Василь іюня 19-го, а n. s. 30-го юня-жъ уехалъ зъ Киля. Журманъ со всѣми своими отъехалъ изъ С.П.Бурха.

7. Былъ Гудовичъ у Шувалова и подалъ ему сочиненные записки и у него-жъ обѣдалъ, а я по службѣ у Либратовского былъ.

8. Ездилъ рано до Носка и до Вынклера и вручилъ писма Вынклеровой женѣ въ Киль до Політики и до отца Іова, о сину моемъ писанные подъ 9-мъ числомъ. Судіи харковского Ковалевского жена пріѣхала въ С.П.Бурхъ.

9. Vacat. 10. Были всѣ трое рано у нового сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, Послѣ обѣда былъ у насъ Носко съ женою и своими учениками, тако-жъ Вынклеръ съ пасторомъ Трефортомъ.

11. По полдни былъ съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и тамъ ужинали, а г. Лизогубъ былъ у Дивова. Кирило Коноваленко висланъ отъ Галецкого.

12. Рано пущалъ кровь изъ ножной жили сафени. Фелшеру за то дано 50 к.

13. За полотно на простини до ковдри и до постелѣ дано 1 р. 55 к. Канцеляристъ артилерійскій Григорій Өедоровскій отъ г. Лизогуба наказанъ за писанье нѣкоторой челобитной.

14. Швачцѣ за шитье бѣлья 20 к., за родзінки 8 к.

15. Посланы писма чрезъ рейтаръ кіевскихъ сержанта Николая Козловского въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ къ женѣ и до сина Василя писанные. Обѣдали и вечеряли у поруччика поліцмейстерского Якова Григоріевича Жемчужникова ради именинъ дочери его.

16. За пошитье двохъ рубашекъ 20 к., за приливанные маліе цитрони 10 к.

17. Обѣдали съ г. Лизогубомъ у Василія Івановича Венюкова и весь день пробавили. А рано были на водки съ княземъ Меншиковымъ у Ігната Кириловича Полтавцова. По полдни былъ дожчъ и громъ прежестокій.

18. У графа Гендрикова обѣдали и весь день пробавили.

19. По полдни я съ Гудовичемъ былъ у Новоторжцова и Горчакова и съ сего противъ числа 20-го ночью занемогъ я жестоко, и былъ великій поносъ и вомѣты, чего для лежалъ весь день. Были у насъ по обѣдѣ слободскихъ полковъ капитанъ Романъ Лаврентьевичъ Шидловскій, зять Өедора Ширая, да судья харковскій Ковалевскій.

21. Писалъ писмо до Скоропадского объ економу артилерійскомъ Кирилу Бѣлоровскомъ. Грицко Дмитріевъ пущалъ себѣ кровь зъ медіаны. Гренадеръ лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій отъхалъ въ Украину.

22. Слободского харковского полку сотникъ салтовскій, Іванъ Өедоровъ Картавый, отъехалъ изъ С.П.Бурха.

23. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ графинею своею Екатериною Сергіевною по полдни у насъ былъ.

24. По обѣдни я съ Гудовичемъ, а по полдни всѣ трое были въ дворцѣ и ходили по садамъ съ маіоромъ гвардіи Іваномъ Івановичемъ Косоговымъ. Господа всѣ ездили на куртакъ въ Пітеръгофъ. У насъ былъ по обѣдѣ профессоръ Леруа съ Григоріемъ Політикою.

25. Михайлу Андрееву, сину Трощинскому, что онъ внукъ Стефана Трощинского и малороссійскій шляхтичъ, подписали мы

всѣ трое свѣдителство въ героldію. Я по полдни былъ у графа Румянцова и говорилъ о дѣлѣ Соколовского. Потомъ всѣ трое были у епископа володимерского Платона Петрункевича.

26. Обѣдалъ у насъ капитанъ Шидловскій, а по полдни ездили въ Катеринъ-гофъ, а ужинали у графа Гендрикова.

27. Послѣ полдня въ 5-мъ часу прибыли ихъ імператорскіе высочества, а ночью и государиня въ С.-П.-Бурхъ.

28. Ночью мѣсяцъ мѣнялъся.

29. Князь Александръ Юревичъ Трубецкой, братъ князя Юревича Трубецкого, вѣнчалъся съ княжною Адоевскою, князя Івана Василіевича дочерью, въ церквѣ Казанскія Богородицы. Писалъ писмо къ Чамову о сину Василю по почтѣ въ Ригу.

30. Рано были у г. Петра Івановича Шувалова, по полдни у духовника и въ дворцѣ.

31. Послѣ полудня съ Гудовичемъ ездили на Василевскій островъ и тамъ были у Григорія Політики и заездили въ сенатъ, где зъ дніовалнымъ секретаремъ Новоторжцовымъ видѣлись и о погорѣлыхъ въ Глуховѣ по генералной канцеляріи дѣлахъ и статіяхъ розговоровали; такожъ видѣли сочиненную о Батуринѣ выписку.

Августъ.

1. Писаны писма чрезъ браковщика адмиралитейского въ Стародубъ до Θедора Ширая съ включеннымъ тамъ-же писмомъ отъ зятя его Романа Лаврентьевича Шидловскаго, да до жены моей и до Скоропадского съ екстрактомъ Костиркиного челобитья.

2. Были съ Гудовичемъ перво у Θедора Коченевского, потомъ у генерала и генерала-адютанта Александра Борисовича Бутурлина, и врученъ ему таковый-же екстрактъ.

3. Рано я съ Гудовичемъ былъ у графа Розумовского и доволный о дѣлахъ малороссійскихъ имѣли разговоръ. Передъ обѣдомъ смотрѣла государиня полки драгунскіе: кіевскій и казанскій. По полдни были всѣ трое у князя Никиты Юревича Трубецкого, которій намъ обявилъ, что государиня приказивала ему предложить въ сенатѣ учинить Малой Россіи нѣкоторое облегченіе. Соколовскій подалъ нѣкое писмо г. Шувалову Петру Івановичу. Сего-жъ числа сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій прибылъ въ С.П.Бурхъ.

4. Рано былъ Гудовичъ у Шувалова и слышалъ о милостивой декляраціи, а у насъ вчора пріехавшій Барановскій былъ. Проигравъ въ фарину 40 к. Сего числа въ 12-мъ часу отъехала государиня на Сестрорѣцкіе оружейные заводы.

5. Прощалъся съ Галецкимъ передъ исповѣдію, которую

6. имѣлъ въ Невскомъ монастырѣ передъ отцемъ Софроніемъ намѣстникомъ и тамъ-же по благости Божіей сообщалъся святымъ тайнамъ на службѣ Божей, где и изъ Василіемъ Романовичемъ прошалъся.—Обѣдали у преосвященного владимерского Платона Петрункевича купно съ графомъ Гендриковымъ, потомъ у Максимовича, полковника стародубовского, и въ нашей квартерѣ онъ-же графъ былъ.

7. Государиня изъ Сестрорѣцкихъ заводовъ прибыла на разсвѣтѣ, и мы въ дворцѣ были. Потомъ я и Гудовичъ ездили къ Василію Івановичу Венюкову, а съ нимъ были у морского поручика Івана Григоріевича Батурина, которій недавно прибылъ на пакетъботѣ изъ Любека, да у секретаря адмиралитейского Івана Василіева.

8. Призиваны мы всѣ трое въ сенатъ и о нуждахъ малороссійскихъ тамъ насъ спрашивали.

9. По полудни были у Новоторжцова и женѣ его, родившей дочь Василиссу, данъ въ презентъ червонецъ. Тамъ-же застали Василія Івановича Демидова съ протчими.

10. Князь Никита Юревичъ Трубецкій подалъ государинѣ сенатскій докладъ о облегченіи Малой Россіи при нынѣшныхъ нуждахъ.

11. Отослалъ писма къ Венюкову, писанные до Батурина и до сина Василя въ Любекъ, чтобъ онъ оттоль ехалъ.

12. Рано были съ Гудовичемъ передъ графомъ Розумовскимъ, а ужинали у графа Гендрикова.

13. Государиня отъехала въ Царское Село, а мы были у Демидова, туда-жъ отъежжаючого, где и войта нѣжинского застали. За отдѣлку малой табакерки данъ 1 р.

14. Захоровалъ я по обѣдѣ. 15, 16 и 17 vacat.

18. Рано явилъси у насъ лубенского полку Савуско и Леско Ковбаса.

19. Графъ Гендриковъ позванъ въ Царское Село.

20. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики и отдано Вынклеру для отправы по почтѣ.

21. По обѣдѣ съ Гудовичемъ были у Венюкова и тамъ видѣлись зъ оберъ секретаремъ адмиралтейскимъ Борисомъ Івановичемъ Никитинымъ.

22, Надъ вечери были въ Невскомъ монастырѣ у архіереевъ крутицкого и с.п.бурского и просили крутицкодо о секретарѣ Гаврилу Савичу Ермолаеву.

23. По обѣдни, будучи у преосвященного псковского, просили о томъ-же секретарѣ, а по полдни за тимъ-же были у преосвященного переяславского.

24. Писаны писма въ домъ до жены и до сина Василя, да до Өедора Ширая, и къ нему-жъ включено писмо до Скоропадского написанное. Вечеромъ были у архимандриговъ сүнодалныхъ я и г. Лизогубъ за тѣмъ-же секрегаремъ Ермолаевымъ. А Гудовичъ рано у г. Шувалова, а по обѣднѣ у К. Трубецкого

25. Первіе ихъ высочества, а въ 10-мъ часу по полудни и государиня изволили прибыть въ С.П.Бурхъ. Мы съ Гудовичемъ были у Лібратовского, Данилевского и Королкевича.

26. Мать грэфовъ Шуваловыхъ, недавно умершая, погребена въ монастырѣ Невскомъ.

27. Vacat. 28. Были въ дворцѣ и графъ сказалъ намъ: «развѣде въ мѣстѣ съ нами до Москви отъездъ вашъ будетъ». 29. Vacat.

30. До отъезду государини и кавалеровъ ордина святого Александра въ монастырь Невскій, рано были въ дворцѣ, а по набоженствѣ графъ Гендриковъ съ своею супругою, да капитаны ізмайловского Петръ Івановичъ Кочеговъ, інгермоландского полковъ Друкортъ, того-жъ полку подпоручикъ Лодижинскій съ женою и другіе у насъ обѣдали.

31. Въ Невскомъ монастырѣ погребенъ умершый въ сихъ дняхъ братъ графовъ Шуваловыхъ, Іванъ Івановичъ Шуваловъ.

Септеврій.

1. Весь день слотный былъ, однакожъ г. Розумовскій ездилъ на охоту. Надъ вечери я съ Гудовичемъ былъ у архіерея псковского и секретаря Гаврила Ермолаева ему представляли.

2. Репартицію получили, а у Ѳедора Івановича Коченевского я и Гудовичъ обѣдали.

3. Крестили дочь Новоторжцова; воспреемниками были: маіоръ гвардіи преображенского полку Іванъ Івановичъ Косоговъ и жена Демидова Елена Василіевна, чего для и мы звани были къ нему, Новоторжцову, и у него съ протчими обѣдали. Розишлось 10 к.

4. Обѣдали у сенатского секретаря Івана Савича Ермолаева, потомъ и у брата его Гаврила Ермолаева были, а въ вечеру поздравляли графа Розумовского въ дворцѣ завтрешнимъ тезоименитствомъ государини.

5. Рано были въ дворцѣ въ салѣ, потомъ слушали обѣдни, по отправленіи которой, жаловала государиня нѣсколько персонъ кавалерами св. Александра Невского, въ томъ числѣ графовъ Гендрикова и Евфимовского, князя Івана Андріевича Щербатова сенатора. віце-адмирала Головина, генерала-лейтенанта Талызина; а графовъ Розумовскихъ—Алексія Григоріевича конной, а Кирила Григоріевича пѣхотной гвардіи измайловского полку подполковниками; графа Петра Івановича Шувалова генераломъ адютантомъ, да Кирила-жъ Григоріевича кавалеріею полскою. Ночью была иллюминація.

6. Рано ездили поздравлять полученными чинами графовъ Кирила Григоріевича Розумовского и Петра Івановича Шувалова, а Гендрикова кавалеріею, у которого и обѣдали. Потомъ ездили водою до загородного двора інтенданта Івана Константиновича Шаргородского, которій имѣется по малой Невѣ надъ Чорною рѣчкою.

7. Конной гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій рано, а потомъ обѣдали на Смолномъ дворѣ. По полдни въ комедіалномъ домѣ отправовалась опера, називаемая «Пастораль».

8. Рано поздравляли сенатора князя Щербатова кавалеріею. Сего жъ числа въ 9-мъ часу по полночи государиня отъехала къ Гостилицѣ, а у насъ графъ Гендриковъ съ нѣсколко персонами обѣдалъ. Потомъ съ нимъ и мы были у генерала поліцмейстера Алексія Даниловича Татыщева. Къ намъ куріеръ прибылъ итъ Глухова съ писмами.

9. Писалъ писмо къ молодымъ Скоропадскимъ въ Вроцлавь, съ включеніемъ пакета, отъ отца ихъ къ нимъ-же надписанного. Ихъ высочества отъехали изъ С.П.Бурха

10. Оное писмо, съ пакетомъ на имя Скоропадскихъ молодыхъ надписаннымъ, отдано постъ-директору господину Ашу для пересилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ Романовичъ, зъ которимъ доволный имѣлъ о его ко мнѣ претенсіахъ и о протчемъ розговоръ.

11. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у віце-адмирала господина Головина, а по обѣдѣ были перво у графскихъ племѣнниковъ, потомъ у поруччика Жемчужникова, а вечеряли у графа Івана Симоновича Гендрикова.

12. Vacat. 13. Званы на обѣдъ отъ подпоруччика інгермоландского полку Аполлона Василіевича Лодижинского и у него съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ и его супругою и съ протчими обѣдали, а по обѣдѣ ездили въ галерную гавань и тамъ были у поруччика астраханского пѣхотного полку Владимера Григоріевича Елагина.

14. Гудовичъ послѣ полудня ездилъ до князя Никиты Юревича Трубецкого и представлялъ о нѣкоторыхъ нуждахъ общыхъ малороссійскихъ.

15. Подавано отъ насъ въ сенатъ доношеніе, чтобъ резиденціи гетманской быть по прежнему въ Батуринѣ, но оное не принято и отдано назадъ за тѣмъ, что тотъ городъ съ принадлежностми именнымъ указомъ на заводы конскіе конной гвардіи опредѣленъ. —Чиненъ рахунокъ росходу денежного, которій держанъ Григоріемъ Дмитріевымъ съ 22-го іюня и явилось въ росходѣ на кафанъ блакитный гатласовый, на шубу красную и на юпку 19 р. 35½ к., за пять зеркалъ 1 р., да на разную мѣлочь 1 р. 14 к., на служительскія нужды 3 р. 99 к.—Привезъ Новоторжцовъ г. Лизогубу указы, 1-й о опредѣленіи на рангъ его деревень въ мѣсто отшедшого села Городища до монастыря черниговского Троецкого Іллінского, 2-й по челобитію на полковника Капниста о тогобочныхъ его г. Лизогуба добрахъ.—Іхъ імператорскіе высочества прибыли въ С.П.Бурхъ. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ у насъ въ банѣ милъся и ужиналъ съ компаніею.

16. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Пиковця, чтобъ о пляцахъ, въ Глуховѣ имѣючихъся, нашихъ общыхъ имѣлъ стараніе, когда тамъ будутъ по новому плану землѣ розмѣряти; о томъ-же и до Скоропадского, тако-жъ о Чаусахъ, да до жены о сину Василю и къ нему о долгахъ въ Килѣ оставленныхъ.

Рано были у преосвященного владимерского Платона Петрункевича и просили ето о секретарѣ Ермолаевѣ и о маіорѣ Шеншинѣ. Потомъ онъ, преосвященный, къ намъ изъ синода заездилъ.

17. Обѣдали всѣ трое у маіора Алексія Даниловича Шеншина ради именинъ жены его Надежды Борисовны Нероновой, а отъ его заездили до секретаря Гаврила Ермолаева. Куріеръ глуховскій отъехалъ и чрезъ него предпомянутые писма отправлены, оный-же називается капралъ 8-й роти гварнізонного глуховского полку.

18. Вечеромъ были въ дворцѣ государевомъ лѣтномъ у преосвященного псковского и говорили о секретарѣ Ермолаевѣ, а обѣдалъ у насъ Романовичъ и вручилъ мнѣ своихъ претенсій ко мнѣ и къ домашнымъ моимъ, чили челобитной копію.

19. Великій вѣтръ изъ моря и наводненіе было. Ужинали мы у графа Гендрикова. Государиня изволила прибыть ночью. Аполлона судить стали.

20. По обѣдни были всѣ трое въ дворцѣ и у графа Розумовского, а у насъ былъ графъ Гендриковъ. За сундучокъ на бритвы и протчее даны 20 к.

21. Обѣдали мы двое съ Гудовичемъ у того-жъ графа Гендрикова, которому представлялъ я и Янушкевича. Тамъ-же видѣлись съ архимандритомъ воскресенскимъ отцемъ Амвросіемъ и говорили съ нимъ о секретарѣ Ермолаевѣ, о Шеншинѣ и о другихъ, дѣла свои въ синодѣ имѣючихъ. Потомъ были въ дворцѣ, а домой пришедъ застали тутъ Івана Алексіевича Горчакова съ женою его.

22. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніално переехать изъ лѣтного въ зымный дворецъ при пушечной палбѣ, где и мы съ протчими какъ у государини, такъ и у ихъ высочествъ допущены были къ ручкамъ; потомъ были-жъ и у графа Розумовского со всѣми кавалерами и трактованы водкою. Генералъ Бутурлынъ говорилъ намъ, что онъ-же въ недавныхъ числехъ имѣлъ розговоръ о нашей отправѣ енералной. По полдни были у насъ секретари Ермолаевы и Шеншинъ, а въ вечерѣ Романовичъ, съ которимъ доволные были розговоры о помѣркованью; онъ-же съ сыномъ своимъ у насъ и вечерялъ.

23. По службѣ Божой былъ я у полковника гадяцкого. Гудовичъ рано и въ вечеру былъ въ дворцѣ съ прошеніемъ отъ насъ